

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1899.

№ 9.

МАЙ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово, въ день священнаго коронованія Благочестивѣйшаго Государя ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА. О благодарности къ Богу. Преосвященнаго *Амвросія*, Архіепископа Харьковскаго 533—548

Вульгарный рационализмъ въ Германіи и борьба съ нимъ. Профессора богословія, *Прот. Т. Буткевича* 549—576

Воскресенію Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи (продолженіе). *Ив. Глыбова* 577—604

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Научное и философское значеніе эволюціонной теоріи. *П. Тихомирова* 245—258

О случайности законовъ природы (продолженіе). * * * 259—288

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Отчетъ Епархіальнаго публциста о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Отъ Игумена Хорошевскаго Монастыря.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 17.

1899.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный. Въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ, все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлая мысль языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія явилы, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890—1892 г., и по 9 р. за 1893—1896 годы.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенныя годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 75 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Бреитано. Съ французскаго пероволь Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественска. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. Последнее сочиненіе графа Л. Н. Толстого „Царствіе Божіе внутри васъ“. Критическій разборъ. Цѣна съ пересылкою 60 коп.
5. „Папство, какъ причина раздѣленія Церквей, или Римъ въ своихъ сношеніяхъ съ Восточною Церковію“. Докторское сочиненіе о. Владимира Готца. Переводъ съ французск. К. Петомина. Харьковъ. 1895. Ц. 1 р. съ перес.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Мая 1899 года.

Цензоръ Протоіерей Павелъ Солнцевъ.

СЛОВО¹⁾

Преосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго,

въ день священнаго коронованія Благочестивѣйшаго Государя
ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА.

О благодарности къ Богу.

*Не десять ли очистилися, да девять
идтъ? Како не обрѣтошася возвращиися
дати славу Богу, токмо иноплеменникъ
сей? (Лук. 17, 18).*

Святая Церковь во всѣ торжественные дни, подобные настоящему, предлагаетъ намъ на молебныхъ пѣніяхъ чтеніе изъ Евангелія Св. Луки объ исцѣленіи десяти прокаженныхъ. Цѣль ея—напомнить намъ о нашей обязанности благодарить Бога за оказываемыя Имъ благодѣянія Царямъ нашимъ, и чрезъ нихъ нашему отечеству. Это евангельское повѣствованіе указываетъ намъ поразительную неблагодарность девяти іудеевъ исцѣленныхъ отъ проказы, и умиленное благодареніе исцѣленнаго вмѣстѣ съ ними самарянина. Этотъ иноплеменникъ, возвратившись отъ священниковъ, къ которымъ всѣ десять прокаженныхъ посланы были для удостовѣренія въ ихъ совершенномъ исцѣленіи, „громкимъ голосомъ прославлялъ Бога, и палъ къ ногамъ Іисуса Христа, благодаря Бога“ (16).

¹⁾ Произнесено въ церкви Преподобнаго Антонія Великаго при Харьковскомъ Университетѣ.

Въ этомъ событіи, конечно, съ особеннымъ намѣреніемъ Господа указаны намъ трогательная благодарность Самарянина и безчувственность девяти чело­вѣкъ спасенныхъ отъ тяжкихъ страданій и обреченныхъ на смерть, поспѣшившихъ воспользоваться выздоровленіемъ для наслажденія жизнью, не вспомнивъ даже на минуту Благодарителя. „Не десять ли очистились? Гдѣ же девять?“ со скорбію спрашиваетъ Господь. „Какъ они не возвратились воздать славу Богу, кромѣ сего иноплеменника?“ Но за то съ какою благостію взираетъ Отецъ на лежащаго у ногъ Его самарянина и говоритъ ему: „встань, иди; вѣра твоя спасла тебя!“

Въ этомъ событіи мы не можемъ не видѣть, какъ угодна Богу наша къ Нему благодарность, и какъ благотворно для насъ, для нашего земного благополучія и вѣчнаго спасенія соблюденіе святой обязанности возносить благодарныя молитвы къ Богу—не только въ урочныя времена явленія намъ особенныхъ милостей Божіихъ, но и на всякій день и часъ обращаться къ Нему благодарныя сердца за неисчислимыя Его благодѣянія, непрестанно намъ ниспосылаемыя. Поучимся же этой прекрасной добродѣтели, необходимой для насъ не только въ отношеніи непосредственно къ Богу, но и къ людямъ, оказывающимъ намъ благодѣянія по волѣ же Божіей и по Его благому промысленію о насъ.

Что такое благодарность?

Благодарность есть изъявленіе словомъ и дѣломъ удовольствія, а въ важныхъ случаяхъ любви и преданности лицу, оказавшему намъ благодѣяніе, или услугу.

Изъ этого понятія видно, что чѣмъ больше услуга, или благодѣяніе, тѣмъ глубже чувство благодарности въ душѣ облагодѣтельствованнаго; чѣмъ яснѣе сознаніе и пониманіе оказаннаго благодѣянія, тѣмъ тверже память о немъ. и тѣмъ съ большимъ почтеніемъ отно-

симся мы къ благодѣтелямъ. Наоборотъ, чѣмъ меньше мы поняли и оцѣнили благодѣяніе, тѣмъ тупѣе наше чувство благодарности, и тѣмъ несправедливѣе и предосудительнѣе наше небрежное поведеніе по отношенію къ благодѣтелямъ.

Говорятъ, что благодарность есть трудная добродѣтель. Это справедливо, хотя и обидно для чести нашей. Въ чемъ же причины такъ часто видимой нами людской неблагодарности къ благодѣтелямъ? Въ нашей нравственной испорченности. Мы всегда желаемъ большаго сравнительно съ тѣмъ, что получаемъ. Мы часто винимъ благодѣтелей въ томъ, что они не все то дѣлаютъ для насъ, чего бы мы желали, хотя они могутъ имѣть на это свои причины и всегда имѣютъ право дѣлать для насъ столько, сколько имъ угодно. Мы завидуемъ, что они для другихъ дѣлаютъ больше, чѣмъ для насъ. Наконецъ, мы большею частію живемъ безъ яснаго сознанія перемѣнъ, происходящихъ въ насъ и жизни нашей; не вспоминаемъ важнѣйшихъ событій бывшихъ съ нами и участниковъ въ нашемъ воспитаніи, образованіи и благоустройствѣ жизни нашей. Мы допускаемъ новымъ впечатлѣніямъ и связямъ съ новыми людьми, какъ бы новыми слоями, застилать прежнія наши чувства и привязанности къ людямъ, бывшимъ нѣкогда дорогими для насъ. Мы рѣдко вспоминаемъ о нуждахъ, въ которыхъ намъ помогали, о несчастіяхъ, изъ которыхъ насъ извлекали, и успѣхахъ, въ которыхъ помогали намъ наши благодѣтели. Таковы предосудительные, а иногда и преступные опыты нашей неблагодарности по отношенію къ нашимъ родителямъ, сродникамъ, воспитателямъ, товарищамъ, друзьямъ, сотрудникамъ, начальникамъ, и вообще къ людямъ стоявшимъ по общественному положенію выше насъ, которые въ трудныхъ обстоятельствахъ оказыва-

ли намъ помощь, поддержку и покровительство. Между тѣмъ истинно благородный по чувствамъ и честный человѣкъ помнитъ и не перестаетъ питать чувства любви къ тѣмъ, кто любилъ ихъ и нѣкогда помогалъ имъ, хотя уже ихъ нѣтъ и въ живыхъ, поминаетъ ихъ въ молитвахъ своихъ и старается благодареніями дѣтямъ ихъ выразить чувства признательности къ почившимъ и благодарную о нихъ память.

Но кому мы больше всѣхъ оказываемъ неблагодарности? Кого наиболѣе оскорбляемъ забвеніемъ, пренебреженіемъ, преступными мыслями, словами и дѣлами? Господа Бога, отъ Котораго, по слову Апостола, имѣемъ „и жизнь, и дыханіе, и все“ (Дѣян. 17, 25). Это было бы по истинѣ удивительно, еслибы мы къ этому не привыкли, и думали объ этомъ, какъ должно. Поэтому не слѣдуетъ ли думать, что добродѣтель благодарности къ Богу также трудна, какъ и къ людямъ? Нѣтъ, несравненно труднѣе, потому что, по слову пророка Исаи, „грѣхи наши произвели раздѣленіе между нами и Богомъ нашимъ“ (Ис. 49, 2), такъ что мы и гласа Его не слышимъ, и благодарющей десницы Его не видимъ, а иногда и бытія Его совсѣмъ не признаемъ. И поскольку грѣхи наши застилаютъ туманомъ и мракомъ умы и сердца наши, постольку становится труднѣе духу нашему возвыситься къ Богу, и узрѣть въ Немъ нашего Создателя и Благодарителя. Скажемъ кстати. Всегда была между людьми эта преступная неблагодарность къ Богу, но никогда она не выражалась такъ грубо, такъ нагло, и такъ громко, какъ нынѣ въ образованномъ христіанскомъ мірѣ, между учеными людьми, предпочитающими лучше называть себя произведеніями бездушной матеріи, чѣмъ созданіями Бога—Духа; лучше быть въ общеніи и дружбѣ съ безсловесными животными, чѣмъ въ союзѣ съ Существомъ Высочайшимъ.

Это—люди, рожденные въ христіанствѣ, которые съ дѣтства „познавъ Бога, по слову Апостола; не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили. но осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ихъ сердце“. (Рим. 1, 21). Мы видимъ нынѣ не десятки, а тысячи этихъ нравственно „прокаженныхъ“, которые не сознаютъ своей смертельной болѣзни, и не въ состояніи даже *вознести гласъ, глаголюще: Исусе наставниче, помилуй ны.* (Лук. 17, 13).

Какія же основанія и побужденія указываетъ намъ слово Божіе для тщательнаго и благоговѣйнаго исполненія нашей обязанности благодаренія Богу за Его благодѣянія? Во первыхъ то, что на это есть воля Божія, а во вторыхъ, что въ этомъ заключается наше собственное благо.

Богъ есть любовь безконечная; Онъ есть неисчерпаемый Источникъ даровъ и милостей, всегда открытый для разумаго и достойнаго Его созданія: *Богъ любви есть.* (1 Іоан. 4, 8). Какъ же любовь можетъ оставаться вѣрною себѣ по существу, и непрестанно направляться къ любимому разумному созданію, не находя въ немъ ни пониманія, ни признанія ея, ни отвѣта ей; тогда какъ это существо само одарено способностію любить, и само можетъ быть счастливо только любовію? Если же любовь положена въ основаніе союза нашего съ Богомъ, Творцемъ нашимъ; если чело-вѣкъ созданъ съ сердцемъ способнымъ ощущать ее, то не естественно-ли, чтобы онъ, счастливый этою любовію, и съ своей стороны чувствовалъ движеніе любви къ Богу? Если, наконецъ, онъ одаренъ разумомъ, способнымъ понять различіе между нимъ, —слабымъ созданіемъ, и безконечно совершеннымъ Божествомъ: то не естественно ли, не справедливо ли, чтобы онъ съ радостію и смиреніемъ повергался ницъ предъ величіемъ Божи-

имъ и приносилъ благодареніе, какое свойственно пріемлющему даръ по отношенію къ дарующему?

Намъ нужно съ благоговѣніемъ размышлять и о томъ, съ какою попечительностію Богъ въ словѣ Своемъ внушаетъ намъ, что Онъ есть Отецъ нашъ, и нашимъ природнымъ чувствомъ любви къ дѣтямъ нашимъ объясняетъ намъ, что и Самъ Онъ желаетъ видѣть въ насъ любящихъ и признательныхъ дѣтей своихъ. (Мат. 7, 10). Не напрасно Христосъ Спаситель въ молитвѣ, которой Самъ научилъ насъ, обращаетъ взоры наши на небо и влагаетъ въ уста—и дитяти, едва начинающему любить своего отца, и отцу, чувствующему сладость любви къ дѣтямъ. эти дивныя слова: *Отче нашъ, иже еси на небесахъ!* И если родители съ радостію принимаютъ изъявленія благодарности отъ дѣтей своихъ, то конечно только потому, что видятъ, какъ дѣти цѣнятъ любовь отца и матери къ нимъ, и какъ они сами начинаютъ любить ихъ. Безъ этого чувства взаимной любви не имѣли бы цѣны ни дары, ни благодаренія. Перенесемъ эти мысли о любви раздѣляемой между нами и дѣтьми на отношенія Бога къ намъ, и наши къ Богу,—и намъ будетъ понятно то, какъ Онъ желаетъ любви нашей, какъ радуется ей и съ какою благосклонностію встрѣчаетъ наши благодарственные чувства и молитвы.

Кромѣ этихъ соображеній, мы находимъ въ Священномъ Писаніи и положительныя повелѣнія Божіи о нашей обязанности памятовать Его благодѣянія и питать къ Нему благодарныя чувства. Моисей говорилъ Израильтянамъ предъ вступленіемъ ихъ въ землю обѣтованную о благодѣяніяхъ Божіихъ, оказанныхъ имъ въ пустынь: „берегись, и тщательно храни душу твою, чтобы тебѣ не забыть тѣхъ дѣлъ, которыя видѣли глаза твои, и чтобы они не выходили изъ сердца твоего во всѣ дни жизни твоей, и повѣдай о нихъ

сынамъ твоимъ и сынамъ сыновъ твоихъ“ (Втор. 4, 9). Самъ Иисусъ Христосъ заповѣдовалъ Апостоламъ хранить до времени въ тайнѣ и въкоторыя событія Своей жизни, также повелѣвалъ молчать и получавшимъ отъ Него исцѣленія въ предупрежденіе излишней молвы между невѣрующими, но тамъ, гдѣ это было возможно, повелѣвалъ возвѣщать о полученномъ благодѣяніи. Такъ Онъ сказалъ необычайно страдавшему и исцѣленному Имъ бѣсноватому: „иди домой къ своимъ, и расскажи имъ, что сотворилъ съ тобою Господь, и какъ помиловалъ тебя“ (Мар. 5, 19). Изъ этихъ повелѣній Божіихъ видно, что цѣль заповѣди о благодарности къ Богу—утверждать людей чрезъ памятованіе благодѣяній Божіихъ въ послушаніи волѣ Божіей, и чрезъ гласное исповѣданіе являемыхъ имъ милостей Божіихъ распространять славу Божію между людьми и вѣру въ Бога истиннаго.

Но торжественно Иисусъ Христосъ заповѣдалъ Церкви Своей долгъ благодарности къ Богу на тайной вечери, гдѣ установилъ и самый, высшій родъ, и способъ исполненія этого долга словомъ и примѣромъ Своимъ. (Мат. 26, 26—28. I Кор. 11, 23, 26). Взявъ хлѣбъ и вино, благодаривъ, благословивъ, Господь преподалъ хлѣбъ ученикамъ съ словами: *примите, ядите, сіе есть тѣло Мое*, и чашу съ словами: *пийте отъ нея вси; сія есть кровь Моя; сіе творите въ Мое воспоминаніе...* Съ этого времени въ основаніе всѣхъ богослуженій поставлено таинство *Евхаристіи*, т. е. благодаренія. Къ кому Господь возносилъ Свою молитву благодаренія?—По воскресеніи Своемъ Онъ сказалъ Маріи Магдалинѣ: „*восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и къ Богу Моему и Богу вашему* (Іоан. 20, 17). Слѣдовательно, и на Тайной Вечери Онъ благодарилъ Отца своего и Отца нашего, и Бога сво-

его и Бога нашего. Осмѣлимся ли спросить: что было предметомъ благодаренія въ этой молитвѣ Искѹпителя нашего?—Это тайна; и можно только гадать объ этой тайнѣ. По сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ Священнаго Писанія можно думать, что въ молитвенное возношеніе духа Богочеловѣка къ Отцу небесному предъ установленіемъ великаго таинства входило благодареніе за исполненіе предвѣчнаго Совѣта Пресвятыя Троицы объ искупленіи падшаго человѣчества Жертвою „Агнца, закланнаго отъ созданія міра“ (Апок. 13, 8), какъ и Самъ Сынъ Божій сказалъ до своего воплощенія чрезъ пророка: „иду сотворить волю Твою, Боже“ (Евр. 10, 7); благодареніе за безсѣменное воплощеніе Его отъ пресвятой Дѣвы: „жертвы и приношенія Ты не восхотѣлъ, но тѣло уготовалъ: Мнѣ“ (Евр. 10; 5); за явленіе человѣчеству на землѣ въ Лицѣ Его божественныхъ совершенствъ Отца: „Я открылъ имя Твое человѣкамъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ отъ міра“ (Іоан. 17, 6), „видѣвшій Меня, видѣлъ Отца“ (Іоан. 14, 9); за возвѣщеніе человѣчеству истины и воли Божіей: „Я сказалъ вамъ все, что слышалъ отъ Отца Моего“ (Іоан. 15, 15), благодареніе за откровеніе тайнъ вѣры духовнымъ младенцамъ, сокрытыхъ отъ премудрыхъ и разумныхъ вѣка сего (Мат. 12, 25); наконецъ, благодареніе за предстоящее восхожденіе Сына Божія по принесеніи Имъ крестной жертвы и по воскресеніи въ божественную славу съ естествомъ человѣческимъ: *нынѣ прослави Мя Ты, Отче, у Тебе самаго славою, юже имѣхъ у Тебе прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5).

Эту благодарственную молитву Сына Божія и положили святые Апостолы въ основаніе всего христіанскаго богослуженія. На божественной литургіи мы ежедневно слышимъ предъ совершеніемъ таинства Евхаристіи призываніе священнодѣйствующаго: *горѣ имѣ-*

имъ сердца; благодаримъ Господа; на что и отвѣчаемъ: достойно и праведно есть поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троицѣ единосущной и нераздѣльной!

На этомъ основаніи благодаренія Иисуса Христа при каждомъ совершеніи таинства Причащенія узаконены и всѣ благодарственныя молитвы, какъ свидѣтельства и духовныя опыты исполненія заповѣди Божіей о благодарности Богу, по слову святаго Апостола Павла: „непрестанно молитесь, за все благодарите: ибо такова о васъ воля Божія во Христѣ Иисусѣ“ (I Сол. 17: 18). Въ тайнодѣйственныхъ молитвахъ на литургіи священнодѣйствующими—отъ церкви вселенской,—и въ открытыхъ прошеніяхъ отъ лица всѣхъ присутствующихъ въ храмѣ приносится благодареніе Трїединому Богу, за все домостроительство нашего спасенія,—за просвѣщеніе всего человѣчества истиннымъ боговѣденіемъ чрезъ проповѣдь Евангелія, за призваніе къ истинной вѣрѣ народа, къ которому мы принадлежимъ, за благоденствіе отечества, за Царей и властей предержащихъ, за всѣ дары природы, для нашей жизни потребныя и Отцомъ Небеснымъ намъ ниспосылаемыя. Отъ благодаренія церковнаго, какъ изъ источника, почерпаются и всѣ наши благодарныя чувства и заимствуются молитвы для нашихъ семействъ и для каждаго изъ насъ: за сохраненіе насъ въ здравіи и благополучіи, за ниспосылаемыя намъ радости семейной жизни, за дарованіе хлѣба насущнаго, за избавленіе отъ бѣдъ и болѣзней, за все, чѣмъ мы живемъ и дышемъ. Такимъ образомъ мы содержимся въ живомъ союзѣ и постоянномъ общеніи съ Богомъ, и чувствуемъ себя, какъ дѣти у отца подъ Его всесильнымъ покровомъ и всеблагимъ попеченіемъ. Постояннымъ и искреннимъ благодареніемъ оживотворяется наша вѣра, и согрѣвается наше сердце любовію къ Богу Промыслителю.

Раскроемъ нѣсколько подробнѣе многочисленныя и разнообразныя блага, заключающіяся для насъ въ исполненіи заповѣди о благодарности къ Богу.

Очевидно, чувство благодарности положено въ основаніе всѣхъ нашихъ отношеній къ Богу. Извѣстно, что молитвы наши раздѣляются на три вида: *славословіе, прошеніе и благодареніе*, но благодареніе лежитъ въ основаніи двухъ предыдущихъ. Средства вѣчнаго спасенія нашего дарованы намъ Богомъ не только безъ прошенія нашего, но и свыше всякаго ожиданія и разумѣнія нашего: *благодатию есте спасени чрезъ вѣру, и сіе не отъ васъ, Божій даръ*, говоритъ Апостоль (Еф. 2, 8). Все потребное для земной жизни нашей Богъ даруетъ по любви Своей къ намъ, даже когда мы и не замѣчаемъ того, что намъ даруется: „знаетъ Отецъ вашъ, говоритъ Іисусъ Христосъ, въ чемъ вы имѣете нужду прежде прошенія вашего у Него“ (Мат. 6, 8). Еще древнему Израилю Богъ внушалъ, что отъ него требуется только способность принимать дары Божіи, а они всегда готовы: „открой уста твои, и Я наполню ихъ“ (Пс. 80, 11). И такъ, для насъ „усыновленныхъ“ Іисусомъ Христомъ Отцу нашему небесному (Гал. 4, 5, 6) предстоитъ только быть достойными даровъ Его, принимать ихъ съ благовѣніемъ, и за все, что мы понимаемъ, цѣнимъ и съ сознаниемъ употребляемъ для своего блага и счастья по врожденному намъ чувству справедливости, *благодарить Его*. А при мысли о безконечномъ Его величій и необъятной для насъ полнотѣ Его совершенствъ, въ удивленіи и духовномъ восхищеніи славословить Его, какъ неумолчно славословятъ Его Ангелы на небесахъ: „святъ, святъ, святъ Господь Саваоѣ, вся земля полна славы Его“ (Ис. 6, 8). Почему же Господь заповѣдуетъ намъ еще и *прошеніе* въ молитвахъ нашихъ: „просите, и дано будетъ

вамъ?“ (Мат. 7, 7. 1). Потому что, при оставленной намъ и послѣ грѣхопаденія нашего свободѣ, необходимой для сознательнаго усовершенствованія всѣхъ разумныхъ существъ, мы подвергаемся грѣхопаденіямъ и имѣемъ нужду просить Отца небеснаго о помилованіи и возвращеніи намъ даровъ Его. И однако же, и въ претерпѣваемыхъ нами въ отчужденіи отъ Бога лишеніяхъ, и въ скорбяхъ и страданіяхъ сокрытъ для насъ путь къ новымъ молитвамъ благодаренія за неисповѣдимыя дѣла промышленія и премудрости Божіей являемыя въ призваніи грѣшника къ покаянію и исправленію. И Господь, желающій возстановленія союза нашего съ Нимъ, говоритъ бѣдному грѣшнику: „привози Меня въ день скорби; Я избавлю тебя и ты прославь Меня“ (Пс. 49, 15); а душа вѣрующая и сознающая вины свои предъ Нимъ отвѣчаетъ Ему: „знаю, Господи, что суды Твои праводны. Благо мнѣ, что я пострадалъ; чтобы научиться уставамъ Твоимъ“ (Пс. 118, 71, 175).

Нося въ сердцѣ своемъ благодарную любовь къ Богу, этотъ залогъ нашего вѣчнаго блаженства, мы во всю жизнь нашу и вездѣ и во всемъ насъ окружающемъ должны видѣть промышленіе о насъ Божіе и дары Его благодати. Истинный христіанинъ—смотритъ ли на природу, изучаетъ ли ее, онъ видитъ въ ней не мертвую машину, вырабатывающую безсознательно изъ себя свои произведенія, а живое созданіе живаго всемогущаго Бога,—гдѣ, какъ въ нерукотворенномъ храмѣ, обитаетъ Онъ Самъ, и гдѣ, какъ Домовладыка, раздаетъ дары Свои всѣмъ живымъ созданіямъ и преимущественно человѣку. Онъ *солнце Свое сіяетъ на злыя и благія и дождитъ на праведныя и неправедныя* (Мат. 5, 45). „Онъ даетъ пищу скоту и птенцамъ воропа, взывающимъ къ Немъ“ (пс. 146. 9). Но человѣка „Онъ немного умалилъ предъ Ангелами, славою и честію увѣнчалъ его. поста-

вилъ его владыкою надъ дѣлами рукъ Своихъ, все покорилъ подъ ноги его“. (Пс. 8, 6, 7). Иисусъ Христосъ указываетъ „маловѣрамъ“: „взгляните на птицъ небесныхъ: онѣ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы и Отецъ вашъ небесный питаетъ ихъ. Посмотрите на полевая лиліи, какъ онѣ растутъ? Не трудятся и не прядутъ. Но Я говорю вамъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей не одѣвался такъ, какъ всякая изъ нихъ“. (Мат. 8, 26—28). Но посмотрите въ тихую ясную ночь на звѣздное небо, гдѣ въ стройномъ порядкѣ вращаются безчисленные міры, предъ которыми земля наша кажется ничтожною песчинкою; при видѣ этой красоты прислушайтесь къ вашему замирающему отъ умиленія сердцу, и вы вспомните слова Господа Бога: „небо престоль Мой, а земля подножіе ногъ Моихъ: все сіе сдѣлала рука Моя“. (Пс. 66, 1, 2). И ваше сердце, которымъ по Апостолу *втрѣцается въ правду* (Рим. 10, 10), подскажетъ вамъ, что съ этой маленькой земли намъ, слабымъ созданіямъ, предназначенъ путь съ подножія ногъ Его, въ эти чудныя небеса, къ Царю природы, къ самому престолу Отца нашего небеснаго. Прислушайтесь и къ голосу своей совѣсти: не становится ли вамъ противнымъ современное ученіе о вашемъ происхожденіи отъ мертвой земли и безсловесныхъ животныхъ, какъ первымъ христіанамъ были противны вѣрованія язычниковъ о происхожденіи міра и человѣчества отъ бездушныхъ идоловъ и безправственныхъ боговъ?

Но сверхъ этого долга благодарности Богу, лежащаго на всемъ человѣчествѣ, на насъ, гражданахъ великаго Русскаго государства, лежитъ еще особенный долгъ благодарности за дарованный намъ Промысломъ Божиимъ участокъ земли, составляющій шестую часть всего земнаго шара. Устрашно становится при мысли

объ отвѣтственности предъ Богомъ за обладаніе и пользованіе такимъ даромъ, безпримѣрнымъ въ исторіи народовъ. Земля наша прилегаетъ къ двумъ океанамъ, имѣетъ внутреннія моря и многоводныя рѣки, горы богатыя металлами и минералами, необозримыя поля и климаты всего земнаго шара. И вотъ это богатство во многихъ изъ нашихъ согражданъ вызываетъ—не чувство благоговѣнія и благодарности къ Промыслителю Богу, раздающему по слову Апостола всѣмъ народамъ владѣнія земли и предѣлы ихъ, чтобы они „взыскали Бога и служили Ему“ (Дѣян. 17, 27), а чувство самодовольства и горделивыя мысли о величіи и славной будущности Россіи. Но Иисусъ Христосъ сказалъ „отъ всякаго, кому дано много, много и потребуется; и кому много вѣрено, съ того больше взыщутъ“ (Лук. 12, 48). А другое слово Писанія говоритъ: *Да не хвалится сильный силою своею, да не хвалится богатый богатствомъ своимъ, но о семъ да хвалится хваляйся, еже разумѣти и знати Господа, и творити судъ и правду посреде земли* (1 Цар. 2, 10). Очевидно, здѣсь преимущественное мѣсто благодарности—не словомъ только молитвеннымъ, а *дѣломъ*, т. е. благоразумнымъ употребленіемъ дарованныхъ намъ сокровищъ, заботливымъ охраненіемъ страны нашей, мудрымъ ея управленіемъ, наипаче же вѣрою и добродѣтелями нашими, привлекающими на насъ и отечество наше Божію милость и благословеніе.

Но что сказать на дерзновенный вопросъ, которымъ такъ любятъ заниматься нынѣ, о славной будущности Россіи и ея призваніи къ великому участию въ просвѣщеніи и устроеніи благосостоянія всего человѣчества? Судьбы народовъ извѣстны только всевѣдущему и всемогущему Богу, какъ сказалъ Господь на вопросъ Апостоловъ о времени открытія Его царства, какъ Мессіи: *нѣсть ваше разумѣти времена и лета, яже*

Отецъ положи во своей власти. (Дѣян. 1, 7). Но слово Божіе не оставило насъ безъ руководства и въ этой мысли и заботѣ нашей о будущемъ. Пророкъ Давидъ, спустя пятьсотъ лѣтъ по смерти Моисея, повторяетъ Израильтянамъ его заповѣдь о напоминаніи потомкамъ дѣлъ Божіихъ и чудесъ явленныхъ роду Еврейскому, прибавляя и изъясненіе цѣли этого напоминанія: *да познаетъ родъ инъ, сынове родящійся, и возстанутъ, и повѣдятъ я сыновомъ своимъ, да положатъ на Бога упованіе свое, и не забудутъ дѣлъ Божіихъ и заповѣди Его възвѣстятъ.* (Пс. 77, 6, 7). Эту заповѣдь, данную церкви ветхозавѣтной, приняла и церковь новозавѣтная. И намъ повѣданы дѣла Божіи, совершенныя для спасенія людей всею исторіею христіанства и въ частности исторіею нашего отечества. Чтѣ мы находимъ въ дѣяніяхъ благочестивыхъ предковъ нашихъ, вѣрныхъ заповѣдямъ Божіимъ и уставамъ церкви,—и чтѣ своими глазами видимъ въ послѣдователяхъ новымъ противу—христіанскимъ ученіямъ? Сравнимъ свойства и дѣла тѣхъ и другихъ. Тамъ, въ вѣкахъ прошедшихъ—царство вѣры и господство духа надъ плотію, а здѣсь—отрицаніе вѣры и самаго бытія духа. Тамъ—послушаніе закону и власти, а здѣсь—страсть предписывать законы и предъявлять требованія ко власти. Тамъ стремленіе къ подвигамъ добродѣтели, а здѣсь—изобрѣтательность въ страстныхъ наслажденіяхъ. Тамъ—крѣпость супружескихъ союзовъ, чистоту семейной жизни и воспитаніе дѣтей въ духѣ благочестія,—здѣсь расторженіе узъ семейныхъ, бросаніе дѣтей, или воспитаніе ихъ съ цѣлями житейскими. Тамъ—цѣломудріе и скромность юности, здѣсь распущенность юношей и дѣвицъ. Тамъ—терпѣніе въ трудахъ и испытаніяхъ, здѣсь—безразборчивое стремленіе обезпечить себѣ покой и праздность. Тамъ—мужество и твердость духа, вы-

носливость и крѣпость тѣла, здѣсь—дряблость и хилость молодыхъ людей истощенныхъ сладострастіемъ. Тамъ—честность и вѣрность, здѣсь—изворотливость совѣсти въ присвоеніи чужой собственности. Тамъ—просвѣщеніе для развитія духа и пріобрѣтенія истинной мудрости, здѣсь—больше для добыванія средствъ жизни и пріобрѣтенія вкуса въ писаніямъ, раздражающимъ сердце и воображеніе. На какаго рода потомковъ мы можемъ возложить надежды наши въ сохраненіи могущества и процвѣтаніи въ будущемъ нашего отечества? Очевидно, на первыхъ. Не входя въ разсужденія съ философами о призваніи и будущей славѣ Россіи, мы можемъ съ убѣжденіемъ сказать, что она всегда будетъ велика, славна и благополучна. *если не забудетъ дѣль Божіихъ, възвѣстъ заповѣди Его и на Бога возложитъ упованіе свое.* Приведемъ во свидѣтельство истины сказанной нами прекрасныя слова Пророка Давида: „уповай на Господа и дѣлай добро, живи на землѣ и храни истину. Утѣшайся, Господомъ, и Онъ исполнитъ желаніе сердца Твоего. Предай Господу путь твой, и Онъ совершитъ, и выведетъ, какъ свѣтъ, правду твою, и справедливость твою, какъ полдень“ (Пс. 36, 56). Возблагодаримъ же Господа, что имѣемъ еще время исправить наши глубокія заблужденія и великія ошибки. Мы имѣемъ державнаго Помощника въ дѣлѣ нашего возрожденія въ Лицѣ Благочестивѣйшаго Государя нашего, **ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА**, Защитника церкви и Ревнителя христіанскаго благочестія. Вознесемъ о Немъ горячую молитву, да дастъ Ему Господь *мужество Давидово и мудрость Соломонову*,—*) столь необходимыя въ настоящее трудное время.

Намъ представляется излишнимъ объяснять, какъ каждый изъ насъ лично за себя долженъ благодарить

*) Благодарственное молебствіе въ день Коронаванія.

Господа Бога за Его благое промышленіе о насъ. Пройдите мысленно жизнь вашу и вы вспомните, когда и гдѣ съ дѣтства вашего Господь посылалъ вамъ покровителей и благодѣтелей, когда избавлялъ васъ отъ опасностей, когда совершилъ благопріятный поворотъ въ вашей жизни, когда посылалъ вамъ счастье и радость, какъ подкрѣплялъ васъ въ искушеніяхъ и возстановлялъ въ паденіяхъ—и сердце ваше преисполнится благодареніемъ Господу. Всѣ же мы безъ исключенія должны благодарить Господа, что мы еще живы, что Онъ долго—терпитъ нашимъ согрѣшеніямъ и напоминаетъ намъ внушеніями совѣсти и обстоятельствами жизни о покаянніи, и исправленіи.

Заклучимъ наше слово указаніемъ на поучительный примѣръ Св. Іоанна Златоустаго. Онъ былъ Архіепископъ Константинопольскій, чтимъ былъ всею вселенскою церковію, любимъ народомъ, и видѣлъ въ своей жизни и благоденствіе, и славу, и почести, но былъ гонимъ врагами, какъ всѣ истинные ревнители вѣры и правды, и окончилъ жизнь въ ссылкѣ; но во всѣхъ обстоятельствахъ своей жизни, и въ радости и горѣ, онъ имѣлъ въ сердцѣ и на устахъ свою любимую молитву: „слава Богу за все“. Аминь.

Вульгарный раціонализмъ въ Германіи и борьба съ нимъ.

То противухристіанское и даже и вообще антирелигіозное умственное движеніе, которое въ Англіи было извѣстно подъ именемъ деизма, а во Франціи обозвано энциклопедизмомъ, вольтерьянствомъ или престо—вольнодумствомъ, въ Германіи получило названіе *раціонализма* и притомъ—раціонализма грубаго, вульгарнаго (*rationalismus vulgaris*) въ отличіе отъ раціонализма въ собственномъ смыслѣ, начало которому было положено Кантомъ, а представителями котораго въ области христіанскаго богословія считаются даже Шлейермахеръ и Газе.

Что на появленіе въ Германіи вульгарнаго раціонализма имѣли большое вліяніе англійскіе деисты и французскіе энциклопедисты,—это, конечно, совершенно вѣрно; но несправедливо было бы германскій раціонализмъ отождествлять съ англійскимъ деизмомъ или антирелигіознымъ направленіемъ французскихъ умовъ XVIII вѣка; несправедливо даже видѣть генетическую связь между ними. На ряду съ деистами и энциклопедистами на появленіе германскаго раціонализма имѣли также весьма сильное вліяніе и всѣ враждебныя христіанству философскія ученія: атеизмъ Бея, эмпиризмъ Бэкона и Локка, материализмъ Гоббеса, скептицизмъ Юма, атеистическій пантеизмъ Спинозы, сенсуализмъ Кондильяка и т. д. Не менѣе сильное вліяніе на появленіе германскаго раціонализма имѣли и антицерковныя направленія религіознаго характера, какъ напр. голландское арминіанство, провозгласившее протестъ не только противъ грубаго ученія о предуставленіи, но и противъ церковныхъ вѣроопредѣленій, отрицающихъ свободу религіознаго

убѣжденіе, и имѣвшее своихъ представителей въ лицѣ такихъ ученыхъ богослововъ, какъ *Яковъ Арминій*, *Гуго Гроцій*, *Ольденбарневельтъ*, *Лимборхъ*, *Жанъ Леклеркъ* и др., сочиненія которыхъ пользовались уваженіемъ и популярностію среди германскихъ протестантовъ. Кроме того появленію вульгарнаго германскаго раціонализма весьма благопріятствовали и внѣшнія обстоятельства. Фридрихъ II, этотъ коронованный вольнодумецъ и атеистъ, прогнавшій отъ себя даже свою жену только за то, что она хотѣла оставаться вѣрующею христіанкою, дававшій у себя радушный пріемъ всѣмъ вольнодумцамъ и безбожникамъ, награждавшій проповѣдниковъ атеизма камергерскими ключами и почетными орденами, либераль, продававшій Англии своихъ солдатъ для войны съ сѣверо-американцами, — какъ извѣстно, объявилъ въ своемъ государствѣ (въ 1740 г.) полную религіозную свободу и покровительствовалъ религіозному вольнодумству и раціоналистическому пониманію христіанскаго ученія. Наконецъ, — и это самое главное — въ самомъ протестанствѣ находятся вачала, изъ которыхъ, какъ изъ сѣмянъ, рано или поздно должно было развиться то антихристіанское направленіе, которое извѣстно подъ именемъ раціонализма. Лютеръ былъ возмущенъ злоупотребленіями, допущенными папствомъ въ католичествѣ. Но такъ какъ католики оправдывали практику своей церкви ложнымъ и неистиннымъ преданіемъ, то отвергая католичество, Лютеръ вмѣстѣ съ тѣмъ отвергъ и все вообще преданіе, — не только ложное и мнимое преданіе, измышленное папистами, но и подлинное вселенское преданіе христіанской церкви. Онъ училъ, что пониманіе Св. Писанія можетъ быть достигнуто и безъ руководства Св. Преданія, а только при помощи самаго же Св. Писанія, какъ понимаетъ его каждый. Ясно, что Лютеръ предоставилъ каждому понимать Св. Писаніе по его произволу. Личный разумъ каждого протестанта явился судіею и цѣнителемъ истинъ, возвѣщенныхъ Божественнымъ Откровеніемъ. При такомъ просторѣ для произвола въ пониманіи Божественнаго Откровенія протестантству очевидно грозила опасность распастись на безчисленное множество толковъ и сектъ. Самъ Лютеръ испугался этой перспективы. Онъ рѣшился ограничить произволъ пониманія Св. Писанія тѣмъ,

что критеріемъ его провозгласилъ основное ученіе или догму объ оправданіи вѣрою. Но если были признаны не обязательными для протестантства догматы вселенской церкви вообще, то какой же смыслъ могли имѣть вѣроопредѣленія частнаго лица, хотя бы это и Лютера? Неудивительно, что и послѣ этого каждый протестантъ считалъ себя въ правѣ изъяснять ученіе Божественнаго Откровенія по своему личному разумѣнію. Явилось множество самыхъ разнообразныхъ мнѣній и толковъ; но, одному и тому же пункту христіанскаго вѣроученія; а между тѣмъ у протестантовъ, отвергнувшихъ вселенское преданіе, не было ни какого критерія для того, чтобы отличить ложное мнѣніе, отъ истиннаго. И естественно, если мало-помалу, стало господствовать недовѣріе ко всѣмъ вообще протестантскимъ толкованіямъ Св. Писанія; а при такомъ положеніи дѣла ничего не оставалось кромѣ индифферентнаго отношенія ко всѣмъ толкованіямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ самому христіанскому ученію. Такимъ образомъ среди протестантскаго міра стало господствовать *пiэтистическое* направленіе. Уже *Арндтъ* (1555—1621) былъ не доволенъ сухостью ученія Лютера и его схоластическими схемами, которыми опутывалось живое слово Христа; онъ издалъ въ свѣтъ составленную изъ его назидательныхъ проученій книгу объ „Истинномъ Христіанствѣ“ (1605), мнѣ которой на первомъ планѣ стояли не догматическія опредѣленія а внутренняя сила христіанства и непосредственныя чувства религіозной жизни. И книга эта стала пользоваться особенною любовію и распространеніемъ среди протестантовъ. Но настоящимъ основателемъ *пiэтизма* былъ, конечно, *Шпеперъ* (1635—1705) учредитель *collegiae pietatis* (благочестиваго собранія) и авторъ знаменитаго сочиненія—*Pia desideria* (1675); въ которомъ было выражено сердечное желаніе богоугоднаго улучшенія истинной евангелической церкви. Чего же желалъ Шпеперъ?—Большаго распространенія Св. Писанія, оживленной церковной дѣятельности среди мірянъ, практическаго христіанства на мѣсто простаго знанія церковной догматики и предпочтительнаго развитія религіознаго чувства предъ богословскою ученостію. По его убѣжденію, христіанство состоитъ не въ догматическихъ хитроспле-

тевѣяхъ, а въ преобразованіи ветхаго человѣка въ новаго, истиннымъ же богословіемъ должно быть внутреннее озареніе сердца. Сущность христіанства, по мнѣнію піетистовъ, состоитъ не въ ученіи, а въ жизни, настроеніи, чувствѣ. Религіозное чувство лучше разсудка можетъ подсказать истинный смыслъ Божественнаго Откровенія. Но скоро оказалось, что чувство еще не устойчивѣе разсудка. Оказалось, что вмѣсто возбужденія и оживленія христіанства піетизмъ ведетъ къ совершенному отрицанію его. Чувство само по себѣ слѣпо; оно способно сообщить жизни внутреннюю силу только тогда, когда само освѣщается опредѣленнымъ представленіемъ. Такимъ образомъ стало ясно, что чувство не только не способно замѣнить собою разсудка въ пониманіи Божественнаго Откровенія, а что напротивъ оно само указываетъ на разсудокъ, какъ на необходимый факторъ для выясненія христіанскаго ученія и установленія христіанской жизни. Но протестанты были научены уже опытомъ, что руководителемъ въ пониманіи св. писанія не можетъ быть признанъ разумъ каждаго отдѣльнаго лица; такимъ руководителемъ можетъ быть разумъ только общечеловѣческой. Но что такое разумъ общечеловѣческой?—Такимъ разумомъ былъ признанъ „разумъ“ господствующей философіи, какъ начало общеобязательное. Такъ послѣдовательно протестанство пришло къ самому грубому и вульгарному *раціонализму*. Господствующими философскими направленіями, какъ мы видѣли, въ то время были: позитивизмъ, деизмъ, пантеизмъ, сенсуализмъ и матеріализмъ. Всѣ эти философскія направленія были согласны между собою въ томъ, что не допускали въ мірѣ ничего чудеснаго, ничего сверхъестественнаго,—и вотъ они-то были признаны руководительнымъ началомъ въ пониманіи и разясненіи Божественнаго Откровенія. Такимъ образомъ германскій до-кантовскій раціонализмъ поставилъ себѣ задачу: понять христіанство какъ естественную религію, безъ чудесъ и пророчествъ, безъ Промысла и искупленія, безъ всего того, что обыкновенно называютъ сверхъестественнымъ. Эта теологія шла рука объ руку съ тогдашнею нѣмецкою философіею, извѣстною подъ именемъ нѣмецкаго просвѣщенія или популярной философіи, представи-

телями которой были: еврей *Мендельсонъ* (1729—1786); *Хр. Ф. Николаи* (1733—1811); *А. Эбергардъ* (1738—1809), *Гарве* (1742—1798), *Зульцеръ* (1720—1779), *Б. С. Штейн-бартъ* (1738—1809), проповѣдывавшіе свободу религиозной вѣры и учившіе признавать истиннымъ въ Божественномъ Откровеніи только то, что согласно съ выводами и предположеніями человѣческаго разума. Этихъ мыслей о религіи и философіи Представителями до-кантовскаго раціонализма въ Германіи были: *Реймарусъ*, *Землеръ*, *Эрнестъ*, *Михалисъ*, *Тельнеръ*, *Грисбахъ*, *Вайхорнъ*, *Вентурини*, *Реръ*, *Бретшнейдеръ*, *Велшнейдеръ*, *Паулюсъ*. *Эрнестъ* издалъ о религіи и философіи *Германъ Самуиль Реймарусъ* (1694—1768) и можетъ быть названъ съ полнымъ правомъ самымъ выдающимся представителемъ англійскаго деизма въ Германіи (въ Гамбургѣ). Изъ его многочисленныхъ сочиненій для насъ представляютъ интересъ: 1) его трактатъ о замѣчательнѣйшихъ истинахъ естественной религіи (изданъ въ Гамбургѣ въ 1754 году); и въ особенности; 2) „Апологія или защита разумныхъ почитателей Бога“. Последнее сочиненіе Реймаруса никогда не было издаваемо полностью; въ настоящее время оно хранится въ рукописи въ гамбургской библиотекѣ. Впрочемъ Лессовъ часть его напечаталъ подъ названіемъ: „*Wolfenbüttelsche Fragmente*“. Это изданіе представляетъ сборникъ семи статей различнаго содержанія: 1) О терпимости и действовъ; 2) О дурной славіи разума на каждаго; 3) Невозможность Откровенія, въ которое основательнымъ образомъ могли бы вѣровать всѣ люди; 4) Переходъ израильтянъ чрезъ Черное море; 5) О томъ, что книги Ветхаго Завета не написаны для того, чтобы открывать религію; 6) Объ исторіи воскресенія; 7) О цѣли Иисуса и Его учениковъ. — Въ этомъ сочиненіи Реймарусъ старается представить евангельскія повѣствованія находящимися въ непримиримыхъ между собою противорѣчіяхъ, а потому и не заслуживающими довѣрія. По своему общему деистическому воззрѣнію, Реймарусъ отрицаетъ возможность чуда, кромѣ творенія міра, и чрезъ это становится во враждебное отношеніе ко всѣмъ вообще положительнымъ религіямъ.

Иоганнъ Саломонъ Землеръ (1725—1791) вышелъ отъ пѣ-

тизма и сначала является даже въ качествѣ защитника христіанскихъ истинъ противъ деизма и Реймаруса, написавшаго, какъ мы сказали выше, такъ называемые „Вольфенбютлеровскіе отрывки“ и высказавшаго въ нихъ требованіе—понимать христіанское ученіе не буквально, а по его внутреннему значенію. Рационализму Землеръ проложилъ путь собственно своею критикою канона книгъ Св. Писанія. Для него не имѣетъ никакого значенія то, что извѣстная книга внесена въ канонъ книгъ Св. Писанія; такое внесеніе еще не значитъ, что она дѣйствительно есть книга богодухновенная. Единственнымъ критеріемъ для сужденія о богодухновенности книгъ Св. Писанія Землеръ признаетъ непосредственное, субъективное убѣжденіе читателя въ моральномъ достоинствѣ той или другой книги. Руководясь этимъ критеріемъ самъ Землеръ уже не признавалъ богодухновенными изъ ветхозавѣтныхъ писаній—Пѣснь пѣсней, книгу Руфъ, Ездры, Нееміи, Эсфирь, Паралипоменонъ, а изъ новозавѣтныхъ—Апокалипсисъ, который, по его мнѣнію, есть произведеніе какого-либо фанатика—хилиаста. Книги Іисуса Навина, Судей, Царствъ и пророка Даниіла остались у него подъ сомнѣніемъ. Евангелія онъ объявилъ книгами, составленными изъ еврейскихъ или сиро-халдейскихъ отрывочныхъ записей. Что касается его пониманія евангельской исторіи, то прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что онъ не признавалъ никакой внутренней связи между Новымъ Заветомъ и Ветхимъ; затѣмъ изъ евангельскихъ повѣствованій онъ исключилъ всѣ чудеса и пророчества, равно какъ и все то, что, по его мнѣнію, носитъ на себѣ временный, мѣстный и національный характеръ. Для него не имѣетъ никакого значенія ни Богочеловѣчество Іисуса Христа, ни крестная смерть Его и воскресеніе. Въ христіанствѣ для него важно только то, что оно указываетъ новыя наилучшія основанія внутренняго богопочтенія, раскрываетъ чисто моральную природу Бога и отношенія къ нему и научаетъ насъ наилучшему воссоединенію съ Нимъ.

Іоаннъ Августъ Эрнсти (1707—1781) положилъ начало такъ называемому грамматически—историческому изъясненію книгъ Св. Писанія, установивъ положеніе, что и въ Божест-

венномъ Откровеніи смыслъ словъ не можетъ быть разясняемъ иначе, чѣмъ и въ обыкновенныхъ человѣческихъ писаніяхъ, такъ что когда въ Евангелии говорится: „Іосифъ, мужъ; Маріи“, то это и нужно понимать въ буквальномъ смыслѣ, — когда говорится, что явились два мужа въ бѣлыхъ одеждахъ, то и нужно, понимать такъ, что это были люди, а не ангелы и т. д. Послѣдующіе раціоналисты охотно воспользовались этимъ указаніемъ Эрнестия

Гоганнъ Давидъ Михаэлисъ (1717—1791) не былъ, собственно, раціоналистомъ въ строгомъ смыслѣ, но его взгляды скорѣе составляютъ переходную ступень отъ ортодоксальнаго пониманія къ раціоналистическому. Сверхъестественный элементъ онъ старался устранить лишь изъ ветхозавѣтнаго откровенія и только по непослѣдовательности; конечно, не касался новозавѣтныхъ событій, чтобы къ нимъ примѣнить раціоналистическій способъ объясненія.

Гоганнъ Готлибъ Тельнеръ (1724—1774) сначала принадлежалъ къ супранатуралистическому направленію, и въ своемъ апологетическомъ сочиненіи — „Versuch eines Beweises der christlichen Religion für Jedermann“ — доказывалъ истину христіанства на основаніи достоверности евангельской исторіи; но впоследствии онъ перешелъ къ раціонализму, хотя и не вполне. Такъ крестная смерть Христа, по его мнѣнію, во все не имѣетъ искупительнаго значенія; но она доставляетъ намъ увѣренность, что Богъ помиловалъ насъ. Христу будто бы не зачѣмъ было умирать за насъ, когда и одного откровенія Бога въ природѣ достаточно для того, чтобы привести насъ къ блаженству (объ этомъ Тельнеръ даже написалъ особое изслѣдованіе въ 1766 году). Сверхъестественности откровенія Бога во Христѣ онъ не отрицаетъ; но за то совершенно не признаетъ сверхъестественныхъ дѣйствій благодати Св. Духа.

Грисбахъ (1745—1812) извѣстенъ какъ другъ и единомышленникъ Землера; онъ подвергъ критикѣ текстъ книгъ Св. Писанія и издалъ въ свѣтъ свой критическій комментарий (1794), а годомъ раньше критическіе символы.

Гоганнъ Готфридъ Эйхгорнъ (1752—1827) не признавалъ Библии Божественнымъ Откровеніемъ и содержащееся въ ней

ученіе объяснялъ вліяніемъ возрѣвній древняго міра, что, по его мнѣнію, будетъ понятно, когда мы будемъ понимать языкъ Библии въ современномъ намъ смыслѣ. Повѣствованія о чудесныхъ событіяхъ Эйхгоръ прямо отвергъ, какъ баснословныя и недостоверныя. Въ 1806 году онъ издалъ въ свѣтъ нѣчто въ родѣ пасквиля на евангельскую исторію подъ названіемъ: „Естественная исторія великаго Пророка Назаретскаго“ (въ 4-хъ частяхъ) и прибавленіе къ ней: „Иисусъ воскресшій“. Это сочиненіе можетъ быть названо самымъ типичнымъ въ области раціоналистическаго пониманія. Впрочемъ, къ чести нѣмецкихъ раціоналистовъ нужно сказать, что даже изъ нихъ никто не приписывалъ этому сочиненію научнаго званія.

Иоганнъ Фридрихъ Рёръ (1777—1848) былъ весьма ревностнымъ приверженцемъ вульгарнаго раціонализма и остался ему вѣрнымъ до конца жизни. Онъ велъ изъ-за него борьбу не только съ ортодоксальными протестантами и піетистами, но даже и съ представителями новаго направленія въ богословіи — Шлейермахеромъ, Даубомъ, Маргейнеке и Газе. Среди многочисленныхъ его сочиненій памятникомъ его вѣрности раціоналистическому пониманію въ особенности могутъ служить его письма о раціонализмѣ (1813).

Карлъ Готтлибъ Брейтшнейдеръ (1776—1848) уже въ молодости чувствовалъ въ себѣ внутренній разладъ съ ортодоксальнымъ пониманіемъ христіанскаго ученія и въ послѣдствіи открыто перешелъ на сторону раціонализма. Впрочемъ, собственно говоря, Брейтшнейдеръ былъ представителемъ не вульгарнаго раціонализма, а раціональнаго супранатурализма, который допускалъ и откровеніе и чудеса, но понималъ ихъ въ несобственномъ смыслѣ, какъ явленія сверхъестественныя, а въ

смыслѣ рационалистическомъ. Брейтшнейдеръ отвергъ подлинность Евангелія и посланій ап. Іоанна Богослова.

Юлій Августъ Людвигъ Вегшейдеръ (1771—1849) считается послѣдовательнымъ догматикомъ рационализма. Онъ занималъ профессорскія кафедры въ нѣкоторыхъ университетахъ. Но небогато одаренный отъ природы и необладавши даромъ краснорѣчія и обиліемъ познаній, онъ читалъ лекціи скудными мыслями и крайне сухія по изложенію, и потому никогда не имѣлъ большого числа слушателей, а въ 1839 году, когда въ университетѣ въ Галле у него явился конкурентъ въ лицѣ извѣстнаго догматика Мюллера, онъ остался совсѣмъ безъ слушателей. Его догматическій трудъ *Institutiones theologiae christianaе, dogmaticae*, 1815^{г.}, совершенно несамостоятеленъ и бѣденъ содержаніемъ и хотя имѣетъ своею цѣлю—представить теологію здраваго человѣческаго разума, но въ дѣйствительности оказывается слишкомъ поверхностнымъ.

Гейнрихъ Эбергардъ Готтлобъ Паулюсъ (1761—1851) былъ весьма типичнымъ представителемъ рационалистическаго направленія. Особенностію его пониманія можно назвать то, что рассказы о чудесныхъ событіяхъ для него не были простыми сагами или символами, но рассказами о дѣйствительно совершившихся, но вполнѣ естественныхъ событіяхъ. Паулюсъ пережилъ славу рационалистическаго богословія; надъ нимъ смѣялся даже Штраусъ, не смотря на то, что Паулюсъ былъ расположенъ къ нему, и защищалъ его возрѣвія отъ нападковъ критики.

Среди нѣмецкихъ протестантовъ въ обращеніи много было еще анонимныхъ сочиненій въ родѣ „Heros“ (1783), „Porphyrius“ (1793), „Hierokles“ (1785) и т. п., чрезъ которыя были распространяемы и защищаемы рационалистическія и деистическія идеи.

Что касается апологетовъ христіанства, которымъ суждено было вступить въ борьбу съ вульгарнымъ нѣмецкимъ рационализмомъ, то нельзя сказать того, чтобы они были малочисленны, но, къ сожалѣнію, они были несамостоятельны, и въ своихъ апологіяхъ, собственно говоря, повторяли лишь то, на что уже было указано англійскими или французскими аполо-

гетами. Между нѣмецкими защитниками христіанства въ это время были наиболѣе выдающимися: *Мосгеймъ, Пфаффъ, Дилинталь, Носсельтъ, Лессъ Зейлеръ, Розенмюллеръ, Виценманъ, Клейкеръ, Гаренбергъ, Цинзендорфъ, Вагнеръ, Зюссмильхъ, Эйлеръ, Амбрехтъ Галлеръ, Иерусалемъ, Тоблеръ, Дедерлейнъ, Реймардъ, Шторхенау, Г. Гермесъ, Штаттлеръ* и др. Лучшими изъ нихъ были однако-же тѣ, которые опирались въ своей апологетической дѣятельности на философію *Лейбница*. Поэтому прежде чѣмъ переходить къ разсмотрѣнію апологетической литературы этого времени, необходимо обратить вниманіе на то, какое значеніе для христіанской апологетики могла имѣть философія Лейбница.

Готтфридъ Вильгельмъ Лейбницъ (1646—1716), знаменитый философъ и ученый математикъ, извѣстный многими открытіями (въ математикѣ ему принадлежатъ изобрѣтеніе дифференціального счисленія), имѣлъ громаднѣйшее вліяніе на характеръ и ходъ умственного развитія своего времени и основалъ цѣлое направленіе извѣстное подъ именемъ лейбницевольфганскаго. Вліяніе его философіи въ значительной степени отразилось и на христіанскомъ богословіи. Самъ Лейбницъ относился съ величайшимъ уваженіемъ не только къ христіанской религіи и Церкви, но и къ христіанскому богословію. Онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ примиренія католичества съ протестанствомъ и даже написалъ (въ 1680 г.) сочиненіе „*Systema theologicum*“, въ которомъ предлагалъ свой проектъ такого примиренія. Не достигнувъ этой цѣли, Лейбницъ старался объ униі между лютеранскимъ и реформатскимъ исповѣданіями. Возврѣнія англійскихъ дѣятелей, изъ которыхъ многіе находились съ нимъ даже въ перепискѣ, а въ особенности атеистическое ученіе Бейля, онъ находилъ слишкомъ поверхностными и пошлыми, недостойными разумаго мыслителя. Въ 1668 году онъ написалъ особый апологетическій трактатъ въ защиту христіанскаго ученія и въ опроверженіе атеизма: *Confessio naturae contra atheistas*. Кромѣ того, въ своемъ критическомъ трактатѣ: „*Annotatiunculae subitaneae ad Tolandi librum de christianismo mysteriis carente*“, разбирая книгу Толанда, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ

частности подвергъ самой безпощадной критикѣ воззрѣнія англійскихъ деистовъ и приэтомъ наглядно показалъ ихъ совершенную несостоятельность. Далѣе,—такъ какъ атеисты соблазнились въ особенности главнѣйшимъ христіанскимъ догматомъ о тринитности Лицъ въ Богѣ, то уже въ слѣдующемъ (1669 г.) онъ написалъ сочиненіе—„Defensio trinitatis per nova reperta cogica contra epistolas Ariani“,—въ которомъ онъ защищаетъ этотъ догматъ отъ возраженій противъ него со стороны невѣрія и аріанства и доказываетъ его полное согласіе съ требованіями человѣческаго разума. Вообще нужно сказать, что Лейбницъ всегда признавалъ возможнымъ достигнуть полнаго примиренія между вѣрою и знаніемъ, религіею и философіею, благочестіемъ и разумомъ, и даже, повидимому, ставилъ главною цѣлю своей литературной дѣятельности достиженіе этого примиренія. Совершеннаго познанія самой сущности вещей онъ не считалъ возможнымъ для ограниченнаго человѣческаго разума и на шутливый вопросъ, можетъ ли онъ насъ перевести изъ передней въ самый кабинетъ природы, онъ скромно отвѣчалъ: „между передней и кабинетомъ находится приемная; достаточно будетъ для насъ побывать только въ приемной, не дерзая проникнуть въ кабинетъ“. По мнѣнію Лейбница, истинная физика можетъ развиваться только въ связи съ познаніемъ Божественнаго Откровенія. Бытіе Божіе для Лейбница было истинною, столцею выше всякаго сомнѣнія для всякаго здраво и разумно мыслящаго человѣка. Тѣмъ не менѣе онъ представляетъ и научныя доказательства этой истины. По его мнѣнію, онтологическое доказательство бытія Божія въ той формѣ, какую далъ ему Декартъ, имѣетъ полное научное значеніе, при предположеніи: „если бытіе Божіе возможно“. Но такъ какъ Богъ есть исконная монада или—что тоже—изначальная субстанція, по отношеніи къ которой всѣ другія монады сотворенныя являются только ея отблесками, то Его бытіе не только возможно, но и необходимо. Но здѣсь Лейбницъ, очевидно, уже переходитъ отъ онтологическаго доказательства къ космологическому, которому онъ дѣйствительно и приписывалъ самое важное научное значеніе. Въ основу этого доказательства онъ полагаетъ тотъ логическій законъ,

который принято называть закономъ достаточнаго основанія. „Этого достаточнаго основанія существованія вселенной,—говоритъ Лейбницъ,—нельзя искать въ ряду случайныхъ вещей, т. е., дѣлъ и представленій о нихъ души; ибо такъ какъ матерія равнодушна сама по себѣ къ движенію или къ покою и къ такому или иному движенію, то въ ней и невозможно видѣть основаніе движенія вообще, а тѣмъ болѣе—опредѣленнаго движенія. Производя же настоящее движеніе, находимое въ матеріи, отъ предшествующаго, а послѣднее снова отъ предшествующаго, мы нисколько не подвигаемся, какъ далеко не восходили бы въ этомъ ряду, потому что поставленный сначала вопросъ все-таки остается нерѣшеннымъ. Такимъ образомъ необходимо, чтобы достаточное основаніе, не нуждающееся въ дальнѣйшемъ новомъ основаніи, стояло внѣ этого ряда случайныхъ вещей и заключалось въ субстанціи, причиняющей его, т. е., въ бытіи необходимомъ, имѣющемъ въ самомъ себѣ основаніе своего существованія; иначе мы никогда не получимъ достаточнаго основанія, на которомъ бы могли остановиться. Это-то послѣднее основаніе сущаго и называется Богомъ. Это первоначальная простая субстанція должна содержать въ себѣ въ превосходной степени всѣ совершенства, заключающіяся въ эффектахъ, субстанціяхъ производныхъ; такъ, она должна обладать совершенною силою, познаніемъ и волею, т. е., ей должны принадлежать всемогущество, всевѣдѣніе и всеблагость“. Ученіе о предустановленной гармоніи (*harmonia praestabilita*) въ связи съ монадологіею Лейбница вообще также необходимо ведетъ къ призванію бытія Божія. Какъ извѣстно, въ противоположность безусловному монизму Спинозы и дуализму картезианцевъ, Лейбницъ допускаетъ существованіе первичныхъ силъ или монадъ, не имѣющихъ протяженія, но обладающихъ представленіями и объективною реальностію, которыя онъ называетъ также метафизическими точками, формальными точками, субстанціальными формами, точками субстанцій, формальными атомами и т. д., причемъ утверждаетъ, что каждая монада въ своей дѣятельности и движеніяхъ совершенно самостоятельна, включая въ себя адекватное подобіе космоса; жизнь всей вселенной,—с

и совершенно не завися отъ другихъ монадъ, кромѣ Монады монадъ или Бога, къ которому монады относятся какъ твари къ своему Творцу. Но какимъ образомъ возможно, замѣчаемое нами соотвѣтствіе между душою и тѣломъ, міромъ нравственнымъ и физическимъ? На этотъ вопросъ Лейбницъ отвѣчаетъ: Богъ отначала установилъ совершенную гармонию между всеми монадами, въ силу которой монады тѣла вполне согласуются съ тою монадою, которая называется душою, — тѣло и душа здѣсь, могутъ быть уподоблены тѣмъ двумъ часамъ, которые во всякое время идутъ совершенно согласно, потому что съ самаго начала часовой мастеръ устроилъ съ такою необыкновенною точностію, что можно всегда рассчитывать на ихъ равномерный ходъ. Но какъ существованіе такихъ согласныхъ часовъ необходимо предполагаетъ существованіе искусснаго мастера, такъ существующее согласіе между разнородными монадами, необходимо предполагаетъ бытіе премудраго Творца, Который установилъ его, отначала. Съ теоріею предустановленной гармоніи находится въ тѣсной связи и ученіе Лейбница о существующемъ мірѣ, какъ наилучшемъ изъ возможныхъ міровъ. Какъ произведеніе премудраго Бога, существующій міръ долженъ быть мыслимъ наилучшимъ изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Ибо, еслибы вообще былъ возможенъ міръ лучшій, дѣйствительно существующаго, то естественно предположить въ силу присущихъ Божеству свойствъ, что премудрость Божія знала бы его, благость — восхотѣла, а всемогущество — создало бы его. Указаніе Бейля на существованіе въ мірѣ зла Лейбницъ не признаетъ серьезнымъ возраженіемъ противъ его оптимистическаго ученія. По его мнѣнію, зло имѣетъ только случайный характеръ, проявляется лишь въ частностяхъ и потому скорѣе служитъ къ усилеію блеска добра, чѣмъ къ отрицанію его. Лейбницъ различаетъ три вида зла: метафизическое, физическое и нравственное. Метафизическимъ зломъ онъ называетъ тѣ явленія, которыя зависятъ отъ ограниченности, ковенности и условности сотворенныхъ существъ; требованіе — уничтожить это зло равнялось бы требованію — обратитъ конечное въ безконечное, ограниченное въ неограниченное, условное въ безусловное, несовершенное въ совершенное,

т. е., равнялось бы требованію—совершенно уничтожить существующій міръ. Физическое зло, какъ напримѣръ, боль, страданіе, смерть не есть зло въ собственномъ смыслѣ, ибо оно дѣйствуетъ спасительно и благотворно, какъ наказаніе или какъ средство исправительное и воспитательное. Нравственное зло имѣетъ свой корень въ свободѣ воли человѣка, т. е., въ самой сущности человѣческаго духа; если бы въ силу своего всемогущества только Богъ рѣшилъ уничтожить это зло, то это могло бы произойти не иначе, какъ чрезъ уничтоженіе самоопредѣленія человѣка, чрезъ уничтоженіе его свободы, а слѣдовательно и нравственности.—Лейбницъ допускалъ возможность чудесъ, чрезъ которыя только и могутъ быть уничтожены монады, сами по себѣ не уничтожаемыя. Человѣческая душа, какъ простая и неразрушимая монада, бессмертна. Наконецъ, Лейбницъ признавалъ и міръ духовъ. По его ученію духи суть также монады и притомъ—надѣленные особеннымъ познаніемъ Бога и другими совершенствами, благодаря которымъ они даже принимали нѣкоторое участіе въ Его творческой силѣ. По отношенію къ нимъ Богъ является какъ бы монархомъ, а по отношенію къ природѣ—только архитекторомъ.

Итакъ, философское міровоззрѣніе Лейбница, можно сказать согласно съ ученіемъ Божественнаго Откровенія почти въ самыхъ важнѣйшихъ и существенныхъ пунктахъ. Тѣмъ не менѣе въ этомъ міровоззрѣніи находились уже и зачатки грубо рационалистическаго ученія. Самое ученіе Лейбница о Богѣ, какъ первичной монадѣ настолько неясно и неотчетливо, что можетъ подавать поводъ къ самымъ разнообразнымъ толкованіямъ, ибо если Богъ есть монада, то сотворенныя вещи уже не суть монады въ собственномъ смыслѣ; если же сотворенныя вещи суть дѣйствительныя монады, то нельзя признавать монадою Бога, если мы не желаемъ приравнять его къ сотвореннымъ вещамъ. Еще болѣе была симпатична деистамъ теорія Лейбница о предустановленной гармоніи, которая въ сущности отрицаетъ не только возможность въ мірѣ сверхъестественнаго и чудесъ, но и возможность самаго Божественнаго промышленія о мірѣ, что утверждали и деисты. Самъ Лейбницъ не сдѣлалъ такого вывода, но онъ былъ близокъ къ нему, и иногда даже самъ ука-

зывать на него. Такъ, предустановленную гармонію онъ, какъ мы видѣли, уподоблялъ часамъ, которые, по его словамъ, „съ самаго начала устроены съ такою необыкновенною точностію, что всегда можно рассчитывать на ихъ равномерный ходъ, безъ вмѣшательства и починки мастера“. Чѣмъ это ученіе отличается отъ ученія деистовъ, по которому Богъ еще при твореніи міра далъ ему такіе совершенные законы, что, благодаря имъ, міръ уже затѣмъ могъ развиваться самостоятельно, безъ вмѣшательства Божества? И это ученіе свое о предустановленной гармоніи Лейбницъ считалъ настолько истиннымъ и неопровержимымъ, что даже укорялъ Декарта, Ньютона и другихъ теистовъ за ихъ вѣру въ возможность чудесъ въ собственномъ смыслѣ. „Ньютонъ и его послѣдователи, говоритъ напр. онъ въ письмѣ къ Клярку, имѣютъ странное понятіе о Богѣ и Его твореніи. По ихъ мнѣнію, Богу нужно время отъ времени заводить свои часы, чтобы они не остановились. Онъ какъ-бы не имѣлъ достаточно мудрости, чтобы устроить вѣчное движеніе. По ихъ мнѣнію, эта машина, устроенная Богомъ, даже настолько несовершенна, что Онъ обязанъ иногда прибѣгать къ чрезвычайнымъ средствамъ, чтобы почистить ее или даже починить, подобно тому какъ чинить свою работу часовщикъ, который тѣмъ худшій мастеръ, чѣмъ чаще вынужденъ прибѣгать къ поправкамъ и починкамъ“... Очевидно, Лейбницъ не обратилъ вниманія на то, что починка и поправка часовъ часто вызываются не тѣмъ, что часы плохо устроены, а тѣмъ, что они бываютъ повреждены руками лицъ, неблагоразумно ими пользующихся, или шалостями дѣтей...

Рационалистическій характеръ философіи Лейбница былъ уже вполне обнаруженъ *Христіаномъ Вольфомъ* (1679—1754). Вольфъ признавалъ бытіе Божіе и даже, подобно Лейбницу, старался доказать его. Особенную силу онъ приписывалъ космологическому доказательству, меньшую — онтологическому и еще меньшую — телеологическому. Зло въ мірѣ во всѣхъ его трехъ видахъ (метафизическое, физическое и нравственное), какъ и Лейбницъ, онъ ставилъ въ самую тѣсную связь съ идеєю самаго міра. Безсмертіе души для него было истиною, стоящею внѣ всякаго сомнѣнія. Нравственную жизнь человѣка онъ

хотѣль-бы, подобно древнимъ стойкамъ, поставить въ зависимость не отъ религіи или эмпирическаго опыта, а исключительно отъ разума или—что тоже—природы. По его мнѣнію, добро хорошо не ради Бога, а только потому, что оно добро. Нравственныя правила жизни, нисколько не завися отъ Бога, по мнѣнію Вольфа, должны были бы имѣть все свое значеніе даже и тогда, еслибы и со всѣмъ не было Бога. Что касается Промысла и чудесъ, то Вольфъ совершенно отрицаетъ ихъ возможность, такъ какъ признаніе возможности чудесъ противорѣчитъ законосообразности и цѣлесообразности устройства міра. Послѣ этого трудно было бы даже опредѣлить, чему больше содѣйствовала Лейбнице-Вольфیانская філософія,—христіанской апологетикѣ или раціонализму; несомнѣнно только, что извѣстный нѣмецкій апологетъ Дрей былъ правъ, обозвавъ это філософское міровоззрѣніе крайнимъ натуралистическимъ деизмомъ.

Теперь перейдемъ къ озвакомленію съ тѣми нѣмецкими апологетами христіанства, которымъ выпало на долю веденіе борьбы съ грубымъ, до-кантовскимъ раціонализмомъ, а также и съ враждебными христіанской религіи філософскими воззрѣніями, выродившимися главнымъ образомъ изъ пантеистической філософіи Спинозы и носившими почти исключительно атеистическій характеръ.

Иоганнъ Лоренцъ Мосгеймъ (1693—1755), знаменитый и ученѣйшій лютеранскій богословъ своего времени, профессоръ и канцлеръ Геттингенскаго университета, рѣдкій знатокъ англійской, французской и итальянской литературъ, извѣстенъ какъ одинъ изъ первыхъ въ Германіи противниковъ деистическаго и атеистическаго ученій. Съ этою цѣлію онъ открылъ публичныя апологетическія чтенія и съ полною энергіею содѣйствовалъ распространенію переведенныхъ на нѣмецкій языкъ апологетическихъ сочиненій, написанныхъ въ защиту христіанства англійскими учеными.

Христофъ Матеусъ Пфаффъ (1686—1760), „ученый богословъ перваго ранга“, какъ говорятъ о немъ нѣмцы, профессоръ и канцлеръ университета въ Тюбингенѣ и Гиссенѣ, подобно Мосгейму, боролся съ піэтизмомъ, раціонализмомъ и

деизмомъ главнымъ образомъ чрезъ чтеніе публичныхъ апологетическихъ лекцій и распространеніе апологетическихъ сочиненій, переведенныхъ съ англійскаго языка. Къ сожалѣнію, развитію его апологетической дѣятельности много мѣшала его полемика съ католичествомъ, а также и его старанія о воссоединеніи реформатовъ съ лютеранами.

Теодоръ Христофъ Миллнталь (1711—1782), профессоръ богословія въ Кенигсбергѣ и ученый апологетъ христіанства, издалъ обширный (состоящій изъ 16-ти томовъ или частей) апологетическій трудъ—„Die gute Sache der in heiligen Schrift des Alten und Neuen Testaments enthaltenen göttlichen Offenbarung wider die Feinde derselben erwiesen und gerettet. 1750—1782“,—который представляетъ собою довольно полное собраніе возраженій, направленныхъ деистами противъ христіанскаго ученія, и опроверженіе ихъ, какъ оно было раскрыто англійскими апологетами.

Йоганнъ Августъ Нессельтъ (1734—1807) извѣстенъ какъ ученый богословъ и апологетъ. Между прочимъ ему принадлежитъ апологетическій трактатъ—„Vertheidigung der Wahrheit und Göttlichkeit der christlichen Religion“ 1767“.—Этотъ трактатъ состоитъ изъ четырехъ отдѣловъ, въ которыхъ Нессельтъ защищаетъ истину и божественное происхожденіе христіанской религіи и опровергаетъ возраженія противъ нея, направленные атеистами, скептиками, натуралистами и индифферентистами.

Готтфридъ Лессъ (1736—1797), профессоръ богословія въ Геттингенѣ, извѣстенъ какъ самый популярный апологетъ христіанства, сочиненія котораго имѣли весьма обширный кругъ читателей. Онъ былъ современникъ Нессельта и его первый апологетическій трудъ—„Beweis der Wahrheit der christlichen Religion“—явился только годъ спустя (въ 1768 г.) послѣ изданія въ свѣтъ сочиненія Нессельта. Впослѣдствіи (въ 1786 г.) онъ издалъ другое, обширное (въ двухъ томахъ) апологическое сочиненіе—„Ueber die Religion, ihre Geschichte, Wahl und Bestätigung“; наконецъ, изъ его сочиненій заслуживаетъ еще упоминанія—„Versuch einer praktischen Dogmatik“ (1779). Во всѣхъ этихъ сочиненіяхъ Лессъ приводитъ

доказательства истины христіанской религіи и разоблачаетъ несостоятельность деистическихъ, раціоналистическихъ и атеистическихъ ученій (въ особенности Лессинга и Реймаруса).

Георгъ Фридрихъ Зейлеръ (1733—1807), профессоръ богословія въ Эрлангенѣ, съ рѣдкою энергіею и ревностію защищалъ истину христіанства отъ нападковъ раціонализма. Памятникомъ, свидѣтельствующимъ объ этой ревности, между прочимъ, можно назвать его апологетическое сочиненіе— „Der vernünftliche Glaube an die Wahrheit des Christenthums, durch Gründe der Geschichte und praktischen Vernunft bestätigt. 1795“,—въ которомъ онъ доказываетъ разумность и основательность вѣры въ истину христіанства какъ на основаніи историческихъ свидѣтельствъ, такъ и на основаніи соображеній здраваго и практическаго человѣческаго разума. Къ сожалѣнію, Зейлеръ сдѣлалъ раціонализму значительную уступку и при томъ въ такихъ пунктахъ, какъ богооткровенное ученіе о чудесахъ и пророчествахъ. По его объясненію, чудо есть такое событіе, которое хотя имѣетъ и сверхъестественный характеръ, такъ какъ причина его можетъ находиться внѣ міра, но которое однако-же совершается по естественнымъ законамъ природы. Ветхозавѣтнымъ пророчествамъ, исполненнымъ на Лицѣ Иисуса Христа, Зейлеръ приписываетъ весьма важное апологетическое значеніе, но при этомъ допускаетъ, что въ нихъ можетъ находиться много неистиннаго, потому что въ пророчества, возвѣщенные Богомъ, пророки часто вносили будтобы свои собственные и при томъ—погрѣшительныя сужденія.

Иоганнъ Георгъ Розенмюллеръ (1736—1815), ученнѣйшій нѣмецкій богословъ, бывшій профессоромъ богословія въ трехъ лучшихъ нѣмецкихъ университетахъ—въ Эрлангенѣ, Гиссенѣ и Лейпцигѣ, защищалъ истину христіанства по преимуществу на основаніи историческихъ свидѣтельствъ. Въ такомъ духѣ написанъ и его апологетическій трактатъ— „Historischer Beweis der Wahrheit der christlichen Religion. 1771“. Къ сожалѣнію, въ вопросѣ о чудесахъ и пророчествахъ онъ сдѣлалъ такую большую уступку раціонализму, что многіе его самага причи-

сляютъ къ представителямъ до-кантовскаго рационалистическаго направленія въ богословіи.

Виценманъ (1759—1787), другъ Якоби и сынъ пiетиста, въ самую тяжелую эпоху почти всеобщаго невѣрія и непримиримо—враждебнаго отношенія къ христіанской религіи является неустрашимымъ проповѣдникомъ и защитникомъ истины Божественнаго откровенія, которую онъ доказываетъ несомпѣнною достовѣрностію евангельской исторіи. Его апологетическій трудъ—„Die Geschichte Jesu nach Mathäus als Selbstbeweis ihrer Zuverlässigkeit betrachtet“—былъ однако-же изданъ только два года спустя послѣ его смерти (въ 1789 году) его друзьями—Якоби и Клейкеромъ. Вообще же его апологетическую дѣятельность можно охарактеризовать стремленіемъ примирить спекулятивное мышленіе съ вѣрою въ Божественное Откровеніе, требованія космическаго монизма съ признаніемъ бытія личнаго Бога и искупительнаго значенія жизни и смерти Христа.

Иоганнъ Фридрихъ Клейкеръ (1749—1827), профессоръ богословія въ кильскомъ университетѣ, преподававшій также экзегетику, церковную исторію, апологетику и символику, имѣетъ важное значеніе въ исторіи развитія основнаго или апологетическаго богословія какъ его первый вѣмецкій систематикъ. Кромѣ его сочиненій, посвященныхъ изслѣдованіямъ относительно Зендъ—Авесты, религіи азіатскихъ народовъ и еврейской каббалы, нельзя также не упомянуть и о составленномъ имъ очеркѣ богословской энциклопедіи, какъ введеніи въ христіанское Богословіе, обнимающемъ почти все содержаніе основнаго или апологетическаго богословія. Но къ числу его апологетическихъ работъ въ собственномъ смыслѣ нужно отнести его сочиненія: 1) обстоятельное раскрытіе и изъясненіе доказательствъ въ пользу истины и божественнаго происхожденія христіанства, какъ сверхъестественнаго откровенія, состоящее изъ трехъ частей и издавшее въ Ригѣ въ 1787 году ¹⁾ и 2) изслѣдованіе основаній въ пользу подлинности и достовѣрности

¹⁾ Neue Prüfung und Erklärung der vorzüglichsten Beweise für die Wahrheit und die göttliche Ursprung des Christenthums. Riga. 1787.

письменныхъ памятниковъ христіанства (издано въ двухъ томахъ, въ Лейпцигѣ, въ 1793 году) ¹⁾. Клейкеръ приписываетъ значеніе почти исключительно лишь историческимъ доказательствамъ истины христіанства. По своему общему міровоззрѣнію онъ можетъ быть причисленъ къ послѣдователямъ мистико-теософическаго направленія.

Леонардъ Эйлеръ (1707—1783), „одинъ изъ величайшихъ математиковъ всѣхъ временъ“, какъ называютъ его нѣмецкіе историки, бывший профессоръ физики въ с.-петербургскомъ университетѣ, первый изъ людей, рѣшившихся, по словамъ Гёте, на открытіе новыхъ путей въ области физическихъ и математическихъ изслѣдованій послѣ долгаго періода безусловнаго господства идей Ньютона,—въ то же время открыто выступилъ какъ литературный противникъ нѣмецкихъ рационалистовъ и французскихъ энциклопедистовъ. Онъ написалъ на французскомъ языкѣ „опытъ защиты Божественнаго Откровенія противъ вольводумцевъ“ ²⁾, въ которомъ онъ подвергаетъ безпощадной критикѣ деистическія и атеистическія воззрѣнія, господствовавшія въ его время во всей западной Европѣ. Кромѣ того, такимъ же апологетическимъ характеромъ отличаются и его „Письма къ одной нѣмецкой принцессѣ о различныхъ предметахъ физики и философіи“, изданныя въ Петербургѣ на французскомъ языкѣ, въ трехъ томахъ, въ 1768 году. Сочиненія Эйлера пользовались большою популярностію въ особенности потому, что ихъ авторъ былъ человекъ свѣтскій и приобрѣлъ славу знаменитѣйшаго математика. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Эйлеръ былъ во все неодинокъ. Рядомъ съ нимъ можно поставить, на примѣръ, еще такого знаменитаго естествоиспытателя, какимъ былъ *Делюкъ*.

Жанъ Андре Делюкъ (1727—1817) извѣстенъ какъ ученый геологъ и метеорологъ; онъ былъ профессоромъ въ геттингенскомъ университетѣ, хотя, впрочемъ, большею частію прожи-

1) Ausführliche Untersuchung der Gründe für die Aechtheit und Glaubwürdigkeit der schriftlichen Urkunden des Christenthums. Leipzig. 1793.

2) Essai de defense touchant la revelation divine contre les esprits forts. Berlin. 1747.

валъ въ Лондонѣ, Берлинѣ, Ганноверѣ и Брауншвейгѣ. Для исторіи развитія христіанской апологетики особенный интересъ представляютъ его письма, адресованныя въ великобританской королевѣ и изданныя на французскомъ языкѣ въ 1778—1780 годахъ ¹⁾. Въ этихъ письмахъ онъ касается научныхъ изслѣдованій относительно горъ, а также относительно исторіи земли и человѣка, причемъ указываетъ на полное соотвѣтствіе этихъ изслѣдованій тому, что сообщено въ Божественномъ Откровеніи. Въ другомъ сочиненіи „Observations sur les savants incredules et sur quelques uns de leurs écrits“, которое также носитъ на себѣ апологетическій характеръ,—Делюкъ сообщаетъ читателямъ свои впечатлѣнія и замѣчанія относительно ученыхъ невѣровъ и при этомъ представляетъ критическую оцѣнку нѣкоторыхъ атеистическихъ сочиненій. Наконецъ, не малый апологетическій интересъ представляютъ и его „Письма о христіанствѣ“ (Lettres sur le christianisme), въ которыхъ онъ доказываетъ истину христіанства, говоритъ о его превосходствѣ предъ всѣми другими религіями и философскими міровоззрѣніями и отмѣчаетъ то благотворное вліяніе, которое, по свидѣтельству исторіи, оно оказало уже на складъ и развитіе частной, общественной и государственной жизни.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь еще имя извѣстнаго профессора естественныхъ наукъ въ Геттингенскомъ университетѣ, *Альбрехта фонъ Галлера* (1708—1777), который одновременно пользовался славою знаменитаго анатома, фізіолога, ботаника, врача и поэта. Онъ имѣлъ необычайное вліяніе на умы своихъ современниковъ, а его глубокое религіозное настроеніе отразилось даже и въ его многочисленныхъ поэтическихъ произведеніяхъ, которыя въ свое время были переведены почти на всѣ европейскіе языки. Въ 1772 году онъ издалъ въ Бернѣ на нѣмецкомъ языкѣ свои письма о важнѣйшихъ истинахъ откровенія: въ 1774 году явились его новыя письма относительно нѣкоторыхъ возраженій, направленныхъ противъ откровенія вольнодумцами, жившими еще въ его время; въ 1750 го-

¹⁾ Lettres physiques et morales sur les montagnes et sur l'histoire de la terre et de l'homme. Haag. 1778—1780.

ду онъ написалъ и издалъ въ свѣтъ два апологетическихъ трактата, изъ которыхъ въ одномъ указываетъ на гибельныя послѣдствія, порождаемыя невѣріемъ, а въ другомъ предлагаетъ свое критическое „изслѣдованіе секты, во всемъ сомнѣвающейся“, обнаруживая несостоятельность скептической философіи Юма. Кратко сказать,—въ указанныхъ апологетическихъ сочиненіяхъ Галлеръ представляетъ полную систему христіанской апологетики, какъ она можетъ быть изложена съ точки зрѣнія естествоиспытателя и фізіолога, при чемъ онъ съ полною основательностію опровергаетъ всѣ деистическія, скептическія и матеріалистическія теоріи.

Иоганнъ Фридрихъ Вильгельмъ Герузалемъ (1709—1789), знаменитый брауншвейгскій придворный проповѣдникъ, въ 1768 году издалъ въ свѣтъ свое апологетическое сочиненіе „Betrachtungen über die vornehmsten Wahrheiten der christlichen Religion“, переведенное Т. С. Крыловымъ и на русскій языкъ подъ заглавіемъ „Размышленія о важнѣйшихъ истинахъ христіанства“. Это сочиненіе, имѣющее своею цѣлію доказать истину христіанскаго ученія въ важнѣйшихъ пунктахъ и разоблачить религіозныя заблужденія невѣровъ, пользовалось большою распространенностію и имѣло обширный кругъ читателей, особенно—среди католическаго міра. Его отличительныя достоинства состоятъ преимущественно въ изящномъ изложеніи, простотѣ и общедоступности.

Иоганнъ Хриstoffъ Дедерлейнъ (1745—1792), профессоръ богословія въ іенскомъ университетѣ, извѣстенъ какъ экзегетъ и догматикъ; но онъ не былъ безучастенъ и къ защитѣ христіанства отъ возраженій и нападокъ со стороны раціоналистовъ. Въ своемъ трактатѣ „Fragmente und Antifragmente. Nürnberg. 1778“ (въ двухъ частяхъ) онъ ведетъ борьбу съ извѣстнымъ раціоналистомъ Реймарусомъ и его единомышленниками. Кромѣ того, съ 1780 года онъ началъ издавать „Theologische Bibliothek“, въ которой также было отведено довольно видное мѣсто защитѣ христіанскихъ истинъ.

Францъ Фолькмаръ Реймардъ (1753—1812), профессоръ богословія въ виттепбергскомъ университетѣ, извѣстенъ какъ энер-

гичный общественный дѣятель, экзегетъ, догматикъ, моралистъ, проповѣдникъ, написавшій 51 томъ замѣчательнѣйшихъ для своего времени проповѣдей, и ревностный защитникъ христіанства. Еще въ своихъ университетскихъ чтеніяхъ по догматикѣ онъ постоянно стремится примирить христіанское вѣроученіе съ требованіями разума. Но для исторіи развитія Основного или Апологетическаго Богословія особенный интересъ представляетъ его „Versuch über den Plan, welchen der Stifter der christlichen Religion zum Besten der Menschheit entwarf. Ein Beitrag zu den Beweisen für die Wahrheit dieser Religion. Wittenberg. 1781“. Въ этомъ „Опытѣ“ онъ защищаетъ, въ виду возраженій Реймаруса и Бардта, божественное достоинство Иисуса Христа, доказательствомъ котораго служатъ высокій и чистый характеръ Христа и благотворныя дѣйствія Его явленія на землѣ. Къ особеннымъ достоинствамъ сочиненій Рейнгарда несомнѣнно нужно отнести живость и картинность изложенія, вѣрность психологическаго анализа, здравыя и обдуманныя сужденія, простой, гладкій и естественный языкъ. Къ сожалѣнію, нельзя не отмѣтить въ весьма важнаго недостатка въ приемахъ этого ученаго богослова. Рейнгардъ былъ представителемъ такъ называемой старой супранатуралистической школы. Но въ своемъ стремленіи къ примиренію христіанскаго ученія съ требованіями разума онъ дѣлалъ такія значительныя уступки послѣднему, что его не безъ основанія нѣкоторые причисляли прямо къ раціоналистамъ. Полураціоналистическій способъ пониманія христіанскаго ученія у него нерѣдко идетъ рука объ руку съ полуортодоксальнымъ. И это было истинною причиною того, что Рейнгардъ, пользовавшійся рѣдкою славой при жизни, былъ почти забытъ вскорѣ послѣ своей смерти.

Какъ ни слабы были нѣмецкіе апологеты этого времени въ сравненіи съ апологетами французскими и англійскими, но въ значительной мѣрѣ и они выполнили свою задачу. Они достаточно разоблачили ложь и пустоту грубаго нѣмецкаго раціонализма и оттолкнули отъ него мыслящее общество; къ сожалѣ-

нію, они были бессильны защитить истину христіанства или указать новое міровоззрѣніе, болѣе твердое и основательное, чѣмъ раціонализмъ. Вслѣдствіе этого у мыслящихъ людей того времени, по свидѣтельству самыхъ нѣмецкихъ историковъ, произошла такая путаница міровоззрѣній, въ которой трудно было разобраться; все перепуталось и перемѣшалось. „Раціонализмъ сталъ супранатуралистическимъ, супранатурализмъ—раціоналистическимъ. Путаница воззрѣній и школьно-філософскихъ понятій дошла до того, что никто не зналъ, къ какому разряду богослововъ онъ долженъ причислить самаго себя, а еще менѣе—другихъ“.

Наступила такъ называемая эпоха нѣмецкаго *просвѣщенія*; вмѣсто грубаго раціонализма въ области мышленія и общаго міровоззрѣнія начала господствовать такъ называемая популярная філософія. Въ области (протестантскаго) богословія на мѣсто раціонализма выступилъ крайній супранатурализмъ,—направленіе одинаково враждебное и раціонализму и натурализму. Признаніе бытія личнаго Бога и сверхъестественнаго откровенія ставило его въ непримиримо—враждебное отношеніе къ натурализму и матеріализму; но въ такомъ же отношеніи это новое направленіе стояло и къ раціонализму. Раціонализмъ отвергалъ сверхъестественное Откровеніе и чудеса; религіи онъ приписывалъ значеніе лишь въ той мѣрѣ, насколько она отвѣчала требованіямъ разсудка. Супранатурализмъ въ дѣлѣ религіи ни во что ставилъ требованія разума и исключительное значеніе приписывалъ только Божественному Откровенію; между Откровеніемъ и разумомъ онъ признавалъ связь лишь механическую и внѣшнюю, не допуская вообще, чтобы и у возрожденнаго христіанствомъ человѣка разумъ былъ въ силахъ постигать божественныя истины и дѣлать ихъ предметомъ научнаго изслѣдованія. Были лица, которыя, разочаровавшись раціонализмомъ, обратились въ слѣпыхъ защитниковъ папства и католичества; многіе снова стали предпочитать разуму чувство, стремясь о возстановленіи мистицизма и піэтизма и, такимъ образомъ подготавливая почву для романтизма.

Представители такъ называемой популярной філософіи не

были удовлетворены тѣми выводами, къ которымъ пришелъ нѣмецкій вульгарный раціонализмъ, отвергнувшій не только возможность сверхъестественнаго вообще, но и дѣйствія Божественнаго Промысла въ частности. Къ сожалѣнію, взросши на почвѣ раціонализма, они не были въ силахъ и совершенно отказаться отъ него. Отъ этого ихъ міровоззрѣніе и является всегда болѣе или менѣе эклектическимъ. Цѣлью человѣческой жизни они признали счастье. Но по ихъ совершенно вѣрному ученію, счастье челѣвѣку можетъ дать только одинъ Богъ и—въ совершенномъ видѣ—только въ загробной жизни. Вотъ почему представители популярной філософіи особенное значеніе приписывали такимъ истинамъ, какъ бытіе Божіе, благотворное дѣйствіе Божественнаго Промысла и вѣчная жизнь. По этой же причинѣ ими было весьма обстоятельно раскрыто такъ называемое физико-телеологическое доказательство бытія Божія; слѣды Промысла Божія они усматривали въ царствѣ рыбъ, насѣкомыхъ, животныхъ, минераловъ, въ водѣ, воздухѣ, звѣздномъ небѣ; явилось множество изслѣдованій астрологическихъ, литотелогическихъ, гидротелогическихъ, фитотелогическихъ, ихетотелогическихъ, инсектотелогическихъ, бронтотелогическихъ и т. д. Къ сожалѣнію, всѣ эти истины новые философы хотѣли уяснить себѣ не подъ руководствомъ Божественнаго Откровенія, а подобно раціоналистамъ на основаніи лишь однихъ разсудочныхъ соображеній, и потому нерѣдко становились въ противорѣчіе съ христіанскимъ вѣрученіемъ, при чемъ, конечно, вынуждены были даже отрицать и его истину.

Особенно въ этомъ отношеніи является типичнымъ поведеніе *Лессинга*. *Лессингъ* (1729—1781), этотъ величайшій реформаторъ въ области національной нѣмецкой литературы, остроумный критикъ и популярный прозаикъ, по своему общему міровоззрѣнію представляетъ образецъ тогдашняго эклектическаго направленія и было бы весьма затруднительно опредѣлить то общее начало, изъ котораго вытекали его воззрѣнія. Онъ покровительствовалъ раціонализму, издалъ даже „*Wolfenbüttler Fragmente*“ Реймаруса; но едва ли кто нанесъ болѣе сильный

ударъ рационализму, какъ именно онъ, обнаруживъ все его легкомысліе и пошлость и доказавъ, что нельзя понимать христіанство, какъ дѣло гнуснаго обмана и лжи. Самъ Лессингъ упорно отрекается отъ популярной философіи и направленія, извѣстнаго подъ именемъ „нѣмецкаго просвѣщенія“; но на самомъ дѣлѣ онъ есть самый выразительный представитель этого направленія и этой легкомысленной философіи. Лессинга причисляли къ послѣдователямъ Спивоузы,—и дѣйствительно, онъ повидимому былъ склоненъ къ пантеистическому міровоззрѣнію и не разъ высказывалъ детерминистическія сужденія; но пантеистомъ назвать его нельзя, потому что онъ не только объявлялъ себя вѣрующимъ въ бытіе личнаго Бога, но и признавалъ дѣйствія Божественнаго Промысла, какъ въ окружающей природѣ, такъ и во всей исторіи человѣчества, высоко цѣнилъ истину безсмертія и вѣчной жизни каждаго отдѣльнаго человека. Лессинга считали глубоко-религіознымъ человекомъ, оправдывающимъ съ философской точки зрѣнія все истины Божественнаго Откровенія, видѣли въ немъ христіанскаго апологета, и потому считали даже возможнымъ найти у Лессинга основанія для супранатуралистической апологетики. И дѣйствительно, Лессингъ не отвергаетъ, кажется, ни одного христіанскаго догмата и даже старается доказать истину христіанства въ ученіи о Троицности Лицъ въ Богѣ, первородномъ грѣхѣ, искупленіи и т. д. Но на самомъ дѣлѣ едва ли кто дальше стоялъ отъ истинно-христіанскаго ученія, чѣмъ Лессингъ. Историческою стороною христіанской религіи онъ совершенно не интересуется; для него даже не имѣетъ существеннаго значенія рѣшеніе вопроса, кто былъ Христосъ и жилъ ли Онъ дѣйствительно на землѣ. Въ виду этого и протестантскимъ богословамъ Лессингъ совѣтовалъ извлекать доказательства истины христіанской религіи не изъ историческихъ свидѣтельствъ и памятниковъ, но изъ „явленія духа и силы“ ея; христіанство онъ не признаетъ цѣльнымъ и законченнымъ дѣломъ Божественнаго Откровенія, а лишь явленіемъ въ процессѣ человѣческаго развитія, какъ и все другія положительныя религіи. Религіи вообще онъ приписывалъ только воспитательное зна-

ченіе. Ветхій Заветъ, обѣщающій своимъ исповѣдникамъ награду на землѣ за добродѣтельную жизнь, былъ хорошъ, по мнѣнію Лессинга, для первой ступени развитія человѣчества, такъ сказать, для дѣтства его, которое довольствуется наслажденіемъ въ настоящемъ; христіанство съ своимъ обѣщаніемъ награды на небѣ хорошо для второй ступени развитія человѣчества, — отрочества и юности, увлекающихся идеалами и благами будущаго; но скоро должно явиться вмѣсто христіанства новое религіозное міровоззрѣніе, которое будетъ въ силахъ удовлетворить новымъ требованіямъ зрѣлаго человѣчества, для котораго христіанство будто бы уже потеряло свое значеніе. Вообще же такъ какъ человѣку несуждено никогда владѣть истиною, а только стремиться къ ней, то и положительныя религіи (въ томъ числѣ и христіанская) не суть откровенія истины, а только историческія формы, подъ которыми скрывается истина, различныя ступени человѣческаго развитія. Религія не сообщаетъ истинъ, а только, такъ сказать, намекаетъ на нихъ, пока они не перейдутъ въ полное владѣніе человѣческаго разума. Новая религія, которая должна будетъ замѣнить христіанство, начнетъ свое дѣло съ возстановленія ученія древняго греческаго философа — Платона о томъ, что добро нужно дѣлать ради добра, а не ради какой либо награды. — Троичность лицъ въ Богѣ Лессингъ выводитъ изъ своей теоріи познанія. Чтобы познать себя, Богъ долженъ имѣть совершенно адекватное представленіе о Себѣ, въ которомъ бы находилось все, что есть въ Богѣ, т. е., и Его реальное бытіе; это адекватное представленіе въ Богѣ о Богѣ, у котораго представленіе, хотѣніе и творчество или бытіе тождественны, и есть второе лицо Троицы. Но Богъ и Его адекватное представленіе о Себѣ, Его образъ, имѣющій необходимое бытіе, должны быть соединены между собою; а такъ какъ это соединеніе требуетъ начала адекватнаго Самому Богу, безъ чего соединеніе было бы не мыслимо, то поэтому и необходимо признать въ Богѣ Третье Лицо — Духа Святаго. Первородный грѣхъ Лессингъ полагаетъ лишь въ томъ, что человѣкъ на первой и низшей ступени своей человѣчности не бываетъ такимъ господиномъ

въ своихъ поступкахъ, чтобы быть въ состояніи слѣдовать нравственнымъ законамъ. Сущность искупленія, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ, что человѣкъ получилъ отъ Бога нравственные законы и прощенье за свое прежнее неисполненіе ихъ. Безсмертіе души Лессингъ полагаетъ въ томъ, что человѣкъ не разъ появляется на этомъ свѣтѣ для достиженія высшихъ ступеней своего совершенства.

Если такое неопредѣленное броженіе возрѣвній господствовало среди такихъ недюжинныхъ умовъ, какъ Лессингъ и его друзья—Николай и Мендельсонъ; то не трудно себѣ представить, какая путаница понятій царила среди западно-европейскаго общества, среди обыкновенныхъ смертныхъ людей. Казалось, говоритъ одинъ ученый, занимавшійся изслѣдованіемъ этой эпохи, что христіанство какъ бы исчезло съ лица земли, какъ и въ эпоху „возрожденія“; человѣчество не имѣло никакой твердой опоры въ своей духовной жизни, не видѣло определенной цѣли для своихъ стремленій, нигдѣ не находило себѣ удовлетворенія, утратило способность ясно различать добро отъ зла. Такое жалкое наслѣдство досталось въ удѣлъ ХІХ-му вѣку отъ его предшественника, и начавшаго и окончившаго почти совершеннымъ невѣріемъ.

Профессоръ богословія, *Прот. Т. Буткевичъ.*

Воскресеніе Господа и явленія Его ученикамъ по воскресеніи.

(Историко-экзегетическое изслѣдованіе).

(Продолженіе *).

3. Явленіе ангеловъ женамъ мирноносницамъ во гробъ воскресшаго Господа.

Матѣ. XXVIII гл.

Марк. XVI глав.

Лук. XXIV гл.

3. И глаголашу (жены) къ себѣ: кто отвалитъ камень отъ дверей гроба;

4. И воззрѣвши видѣша, яко отваленъ бы камень: бо велии зѣло.

5. И вшедше во гробъ, видѣша юношу спяща въ одежанъ, одѣяна во одежду бѣлу: и ужасошася.

6. Онъ же глагола имъ: не ужасайтесь. Иисуса ищете Назарянина распятаго: воста, нѣсть здѣ: се, нѣсто, идѣже положиша Его.

5. Отпѣшавъ же Ангелъ, рече женамъ: не бойтесь вы: отъмъ бо, яко Иисуса распятаго ищите.

6. Нѣсть здѣ: воста бо, якоже рече. Приидите, видите нѣсто, идѣже лежа Господь.

2. Обрѣтоша же (жены) камень отваленъ отъ гроба.

3. И вшедши не обрѣтоша тѣлесе Господа Иисуса.

4. И бысть недоумшляющимся имъ о семъ, и се, мужа два стаща предъ ними въ ризахъ блестящихся.

5. Пристрашнымъ же бывшимъ имъ, и поклонившимъ лица на землю, рекоста къ нимъ: что ищите живаго съ мертвыми;

6. Нѣсть здѣ, но воста: помяните, яко же глагола вамъ, еще сый въ Галилеи.

7. Глаголя, яко подобаетъ сыну челоуческому предану быти въ руки челоукъ грѣшникъ, и пропяту быти, и въ третій день воскреснути.

8. И помянуша глаголы Его.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1899 г., № 8.

7. И скоро шедше рыцѣте ученикомъ Его, яко восста отъ мертвыхъ: и се, являютъ оны въ Галилеи: тамо Его узрите. Се, рѣкъ вамъ.	7. Но идите, рыцѣте ученикомъ его и Петрови, яко являютъ оны въ Галилеи: тамо Его увидите, яко-же рече вамъ.
8. И изшедше скоро отъ гроба со страхомъ и радостію великою, текосте возвѣстити ученикомъ Его.	8. И изшедше, бѣжаша отъ гроба: имяше же ихъ трепетъ и ужасъ: и никому же ничтоже рѣша: бояхубося.

Въ то время, какъ римскіе войны со страхомъ уходили отъ гроба Іисуса Христа, жены мирносицы, напротивъ, приближались къ этому гробу. Онѣ шли спокойно, но недалеко отъ гроба пришли въ смущеніе. Онѣ вспомнили, что ко гробу былъ приваленъ большой камень, котораго онѣ не въ состояніи были отвалить. Онѣ сказали другъ другу: „кто отвалить намъ камень отъ дверей гроба?“ Изъ этого вопроса можно заключить, что жены не знали о поставленной ко гробу стражѣ, въ противномъ случаѣ, онѣ скорѣе должны были бы предложить другой вопросъ: „какъ можно проникнуть во гробъ, когда его охраняетъ стража?“ Какъ извѣстно, стража была поставлена въ субботу. Этотъ день жены должны были проводить, по закону, въ полномъ спокойствіи; въ этотъ день запрецалась всякая работа и всякое передвиженіе по маловажному дѣлу. Поэтому богобоязненные жены въ этотъ день не могли посѣтить гроба и узнать о приставленной ко гробу стражѣ, какъ думаютъ нѣкоторые ¹⁾. Евангелистъ Лука ясно показываетъ, что жены, похоронивъ Іисуса Христа, до воскресенія не ходили къ Его гробу. *Возвращишия* (послѣ погребенія), говоритъ ев. Лука о женахъ, *уготоваша ароматы и миро: и въ субботу убо умолчаша по заповѣди* (остались въ покоѣ) Лук. XXIII, 56. Но какимъ образомъ жены могли забыть о камнѣ, если онѣ знали, что онъ былъ приваленъ ко входу гроба? Можно полагать, что забота о приговленіи ароматовъ поглотила все вниманіе женъ, такъ что онѣ совершенно забыли о второстепенномъ дѣлѣ. Не случается ли подобное и съ нами? Какъ часто, заботясь о какомъ либо важномъ дѣлѣ, мы не обращаемъ вниманія на какія либо мелочи, безъ

¹⁾ Напр. Gerhard, Nebe, см. Auferstehungsogeschichte von Nebe, s. 17.

которыхъ, однако, трудно бываетъ обойтись! Такимъ образомъ; нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что жены забыли о камнѣ, преграждавшемъ имъ доступъ къ тѣлу Іисуса Христа.

Размышляя о томъ, кого бы найти отвалить камень, жены, взглянувши впередъ, вдругъ увидали, что камень былъ отваленъ отъ гроба. *И воззрѣвша, видѣвша, повѣствуетъ ев. Маркъ, яко отваленъ бѣ камень: бѣ бо велиій зѣло.* Большинство экзегетовъ (напр. Бенгель ¹⁾, де Ветте ²⁾, Кюнѣль ³⁾, Блекъ ⁴⁾) думаютъ, что выраженіе ев. Марка: *бѣ бо велиій зѣло* поставлено для того, чтобы объяснить невозможность удаленія камня гроба усиліями однихъ женъ. Вполнѣ соглашаясь съ этою мыслию, мы думаемъ, что упоминаніе о величійѣ этого камня было здѣсь необходимо и по другой причинѣ. Жены, какъ извѣстно, приближались ко гробу утромъ, когда надъ долиной распространялся еще туманъ, когда еще кусты и деревья еле обрисовывались при слабомъ утреннемъ свѣтѣ. Въ такое время жены съ трудомъ могли бы разглядѣть камень, если бы онъ былъ малъ. Но большой объемъ камня позволялъ имъ ясно видѣть, что онъ не загоразивалъ уже входа гроба, а лежалъ около него. Увидавъ, что камень былъ отваленъ отъ гроба, жены пришли еще въ большее смущеніе. По нашимъ обычаямъ, удаленіе камня отъ гроба составило бы неважное обстоятельство, но у іудеевъ гробовой камень считался неприкосновеннымъ, и удаленіе его происходило только въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Видя его отваленнымъ, можно было предположить, что съ тѣломъ Іисуса произошло что-либо особенное. Что же именно? Отрадная мысль о воскресеніи Іисуса Христа не могла еще возникнуть у женъ. Онѣ подумали, что тѣло Іисуса Христа было кѣмъ либо украдено и положено въ другомъ мѣстѣ. Эта мысль такъ глубоко запала въ душу одной изъ женъ—Маріи

¹⁾ D. Bengel,—Gnomon Novi Testamenti, т. 1-й, стр. 244 Tübingae CLO I CCC LXXII.

²⁾ Dr. de Wette.—Kurze Erklärung der Evangelien, т. 1-й ч. 2, стр. 252. Leipzig. 1846.

³⁾ Dr. Krinoel.—Commentarius in libros Novi Testamenti т. 2, стр. 195. Lipsiae 1824.

⁴⁾ Fr. Bleek,—Synoptische Erklärung der drei ersten Evangelien, B, 2, S. 498. Leipzig 1862.

Магдалины, что она не захотѣла убѣдиться наглядно въ своемъ подозрѣннн, а побѣжала назадъ, чтобы извѣстить апостоловъ Петра и Иоанна о случившемся при гробѣ. (Иоан. XX, 2). Вѣроятно, она думала, что извѣщенные ею мужи могутъ скорѣе отыскать тѣло Иисуса, чѣмъ жены. Другія жены пошли далѣе и вошли, по свидѣтельству Марка и Луки, во гробъ. Евангелистъ Матеей точно не говоритъ объ этомъ. Поэтому нѣкоторые, напримѣръ, Августинъ, Евф. Зигабенъ ¹⁾ думаютъ что, по Матеею, жены сначала не входили во гробъ, а остановились предъ нимъ, гдѣ на камнѣ увидали ангела. Уже послѣ того, какъ ангелъ сказалъ женамъ: *нѣсть здѣ... прїидите, видите мѣсто, идѣже лежа Господь*, послѣднїя вошли во гробъ и увидали здѣсь другого ангела, или того же самаго, предварившаго ихъ. Но трудно согласиться съ тѣмъ, что ев. Матеей говоритъ о явленїи ангела внѣ гроба: нѣтъ никакихъ основанїй думать о подобномъ явленїи. Если въ предыдущихъ, 4-хъ стихахъ евангелїя Матеея говорится о томъ, что ангелъ сидѣлъ на камнѣ гроба, то изъ этого еще нельзя заключать, о такомъ же положенїи ангела во время рѣчи женамъ, сказанной въ стихѣ 5-мъ. Для пришедшихъ ко гробу женъ явленїе ангела имѣло цѣлью не утратить ихъ, какъ стражей, а только объяснить имъ причину исчезновенїя тѣла Господа. На основанїи словъ ангела: *нѣсть здѣ... прїидите видите, мѣсто, идѣже лежа Господь*, можно заключать, что ангелъ находился не внѣ гроба, а внутри его. Господь, по словамъ ангела, не здѣсь, такъ какъ Онъ воскресъ; если бы Онъ, не воскресъ, то, конечно, Онъ былъ бы здѣсь, т. е., въ пещерѣ, а не внѣ ея. Жены, затѣмъ, приглашены были ангеломъ подойти къ нему, чтобы видѣть мѣсто, гдѣ лежало тѣло Иисуса. Слѣдовательно, ангелъ находился тамъ, гдѣ можно было видѣть мѣсто, на которомъ было положено тѣло Господа, т. е., въ пещерѣ. Такимъ образомъ, ангелъ, по Матеею, находился внутри гроба, съ чѣмъ вполне согласны и другїе синаптики. Являющееся при такомъ рѣшенїи вопроса недоумѣнїе, зачѣмъ ангелъ, по Матеею, приглашаетъ женъ

¹⁾ Августинъ, — de cons. evan. 3. 63; Зигабенъ, толковое евангелїе отъ Матеея, стр. 451.

придти посмотрѣть мѣсто погребенія Иисуса Христа, разрѣшается черезъ правильное представленіе гроба Иисуса Христа. Гробъ Иисуса Христа не былъ похожъ на наши гроба. Онъ, какъ показываетъ большинство древнихъ гробницъ, находящихся теперь въ Иерусалимѣ, былъ высѣченъ въ скалѣ. Въ него велъ узкій проходъ, ¹⁾ къ которому примыкала большая пещера; въ послѣдней и было положено тѣло Иисуса Христа. Жены мироносицы сначала вошли въ проходъ и, увидя отсюда ангела, сидящаго въ пещерѣ, остановились, конечно, вслѣдствіе страха предъ такимъ существомъ. Ангель, видя ихъ испугъ, ободрилъ ихъ и пригласилъ въ пещеру, гдѣ было положено тѣло Иисуса Христа. Этотъ фактъ описанъ у ев. Маттея. Евангелисты Маркъ и Лука подробно не описываютъ вступленія женъ во гробъ; они говорятъ только, что жены вошли во гробъ и увидѣли здѣсь ангела; такимъ образомъ, между евангелистами нѣтъ ни какого разногласія.

Войдя во гробъ, жены, по разсказу ев. Луки, замѣтили двухъ ангеловъ, а по разсказамъ евангелистовъ Маттея и Марка, одного ангела. Чтобы примирить это кажущееся разногласіе, нѣтъ нужды прибѣгать къ тому предположенію, что однѣ изъ женъ видѣли одного (ангела), а другія за свое благочестіе увидали двухъ; по этому въ разсказахъ евангелистовъ Маттея и Марка, какъ основанныхъ на свидѣтельствѣ первыхъ женъ, передается объ одномъ ангелѣ, между тѣмъ въ разсказѣ ев. Луки, основанномъ на показаніяхъ другихъ женъ, сообщается о двухъ ангелахъ ²⁾. Нельзя принять этого объясненія, такъ какъ, кромѣ собственной произвольности, оно требуетъ другихъ столько же произвольныхъ предположеній; при немъ, на примѣръ, нужно допустить, что разность въ сказаніяхъ евангелистовъ зависитъ отъ различія разсказовъ, слышанныхъ

¹⁾ Этотъ проходъ сохранился до настоящаго времени. Вотъ что говорится въ довольно компетентномъ путеводителѣ въ Палестину: „жертвенникомъ для святыхъ Даровъ служатъ самый гробъ, помѣщаемый въ слѣдующемъ отдѣленіи часовни, т. е. въ святомъ вертепѣ, или въ самой пещерѣ Св. Гроба, куда ведетъ изъ придѣла Ангела низкій и узкій проходъ“. См. „Путеводитель въ Палестину“ изданія Афонскаго Св. Андреевскаго скита, стр. 393; годъ и мѣсто изданія не помѣчены, но, судя по отмѣткѣ цензора, путеводитель вышелъ въ 1890 г. въ Одессѣ.

²⁾ См. Auferstehungsgesch. von Nebe s. 20

ими отъ женъ, и что, слѣдовательно, они писали, тщательно не изслѣдовавъ дѣла. Это разногласіе лучше всего объясняется характеромъ писаній евангелистовъ. Евангелисты Матѳей и Маркъ, обыкновенно, не описываютъ второстепенныхъ подробностей, поэтому они упомянули только объ одномъ ангелѣ, считая это достаточнымъ для дѣла, между тѣмъ ев. Лука, любящій рассказывать подробно, упомянулъ о двухъ ангелахъ. Такія разногласія евангелистовъ встрѣчаются не рѣдко. Вотъ что пишетъ относительно этого г. Боголѣповъ: „не обычны ли въ нашихъ евангеліяхъ такія разницы между евангельскими повѣствованіями, которыя происходятъ отъ не строгой внимательности евангелистовъ въ опредѣленіи второстепенныхъ, неважныхъ обстоятельствъ событія, каковы указанія топографическія, хронологическія, числовыя и нужно ли трудиться надъ ихъ примиреніемъ? Достаточно въ этомъ случаѣ вспомнить исторію исцѣленія Иисусомъ Христомъ гадаринскихъ бѣсноватыхъ (Мѳ. VIII, 28; Марк. V, 2; Лук. VIII, 27) и іерихонскихъ слѣпцовъ (Матѳ. XX, 21—30; Марк. X, 46; Лук. XVIII, 35), чтобы видѣть, какъ евангелисты, всегда строго согласные въ существѣ дѣла, расходятся иногда въ показаніи такихъ вещей, каковы числовыя данныя“¹⁾).

Ангель, по свидѣтельству ев. Марка, имѣлъ видъ юноши, одѣтаго въ бѣлую одежду. Кромѣ немногихъ рационалистовъ, никто не сомнѣвался, что здѣсь нужно разумѣть явленіе ангела. Извѣстно, что еще въ ветхомъ завѣтѣ ангелы являлись въ видѣ юношей (2 Мак. III, 26). Этотъ ангель имѣлъ бѣлую одежду—символь чистоты и невинности. По евангелію Луки, жены во гробѣ увидали двухъ мужей въ блистающихъ одеждахъ. Подъ этими мужами несомнѣнно разумѣются ангелы, такъ какъ въ стихѣ 23-мъ этой главы они прямо называются ангелами. Въ какомъ пунктѣ пещеры находился ангель, Матѳей не указываетъ, но Маркъ говоритъ, что ангель сидѣлъ въ десныхъ—*ἐν τοῖς δεξιotoῖς*. Этому указанію не противорѣчитъ и рассказъ Луки о томъ, что два мужа *стаста*—*ἐπέστησαν*—предъ женами. Глаголь—*ἐφίστημι* выражаетъ только неожиданное появленіе.

¹⁾ Боголѣповъ, — учебное руководство къ чтенію евангелій, вып. 3-й, стр. 112
Москва 1875 года.

ніе и не опредѣляетъ того, какое положеніе занимаетъ явившійся,—стоитъ-ли онъ, или сидитъ. Сопоставляя рассказъ Луки съ рассказомъ Марка, можно заключать, что ангелы, по Лукѣ, сидѣли. Такое положеніе указывало на то, что все уже окончилось, такъ что ангелы могли соблюдать теперь праздничный покой. Ангелы сидѣли на правой сторонѣ, вѣроятно, потому, что смертное ложе Господа находилось на правой сторонѣ при входѣ въ пещеру.

Увидавъ ангеловъ, жены пришли въ смущеніе. По Матѳею, ихъ охватилъ страхъ, такъ что ангелъ долженъ былъ сказать имъ: *не бойтесь: μη φοβισθαι*. Эту рѣчь ангелъ говоритъ, по Матѳею, какъ отвѣтъ, какъ возраженіе: *отвѣщавъ же ангелъ, рече женамъ—ἀποκριθεὶς δὲ ὁ ἄγγελος εἶπε ταῖς γυναῖξιν*. Рѣчь ангела представляется отвѣтомъ, возраженіемъ потому, что жены про себя спрашивали, что значить явленіе ангела. Этотъ вопросъ хотя онѣ не высказывали вслухъ, тѣмъ не менѣе его можно было угадать по выраженію ихъ лицъ. Ев. Маркъ говоритъ, что жены при видѣ ангела *ужасошася—ἐξεδάμνθησαν*¹⁾. Слово *δάμνος* (ужасъ) выражаетъ высочайшую степень изумленія и ужаса (см. Марк. IX, 15). Ев. Лука не удовлетворяется указаніемъ на страхъ женъ, но описываетъ еще вѣншее движеніе, сдѣланное ими: *пристрашнымъ же бывшимъ имъ, говорятъ онъ, и поклонилимъ лица на землю*. Жены не могли смотрѣть на ангеловъ потому, что видъ ихъ былъ, какъ молнія и одежды бѣлы, какъ снѣгъ. Кромѣ того, жены наклонили лица свои изъ почтенія и благоговѣйнаго трепета предъ высшими существами, пришедшими изъ другого міра²⁾.

По Матѳею и Марку, ангелъ начинаетъ свою рѣчь словами

1) Этотъ глаголъ встрѣчается только у Марка.

2) Даже язычники сознавали невозможность смотрѣть на небесное существо. Поэтъ Овидій говоритъ, что человѣкъ, при явленіи небеснаго существа, долженъ наклонить свой взоръ. См. Fast 1, 147, гдѣ онъ рассказываетъ о созерцаніи Януса:

Sumpsit animum gratesque
 deo non territus ægi
 Verbaque sum spectans pauca locutus
 humum,

т. е. я ободрился и неустрашимо благодарилъ Бога и, смотря на землю, сказалъ нѣсколько словъ.

утѣшенія и одобренія: *не бойтесь вы*, говорится у Маттея; *не ужасайтесь*, говорится у Марка. Слово *вы* здѣсь не лишнее. „Это слово, говоритъ Златоустъ, съ одной стороны, выражаетъ большое уваженіе, а съ другой, указываетъ на то, что ужасныя бѣдствія ожидаютъ тѣхъ, которые дерзнули на сіе злодѣяніе, если т. е. не покаются. Не вамъ, говоритъ, надлежитъ страшиться, а распявшимъ Его“ ¹⁾. Сказавши женамъ слово одобренія и утѣшенія, ангелъ сейчасъ же объясняетъ, почему онъ такъ дружески можетъ говорить къ нимъ: *Вѣдь бо, яко Иисуса распятаго ищите*, говоритъ онъ, по Маттею. Ангелъ знаетъ, зачѣмъ жены вошли во гробъ; ему извѣстно, что онѣ пришли показать тѣло своего Учителя, котораго любили всей душой. Но Онъ воскресъ и ангелъ поставленъ здѣсь, что бы объявить объ этомъ женамъ. Послѣднія не имѣютъ никакого основанія опасаться ангела своего Господа: онъ поставленъ не для того, чтобы устрашить ихъ, а для того, чтобы указать путь къ Распятому. Ев. Маркъ почти одинаково передаетъ эти слова ангела: *Иисуса ищите*, говорится у него, *Назарянина распятаго*—*Ἰησοῦν ζητεῖτε τὸν Ναζαρηνοῦν* ²⁾ τὸν ἐσταυρωμένον.

Того, кого искали жены, ангелъ называетъ не Господомъ, не Сыномъ Божиимъ, а Иисусомъ Назаряниномъ. Это онъ дѣлаетъ съ тою цѣлю, чтобы жены могли скорѣе понять его. Въ это время жены не имѣли вѣры въ Иисуса Христа, какъ Сына Божія; Онѣ искали не Господа, не Сына Божія, а человѣка Иисуса, который пришелъ изъ Назарета и пострадалъ на крестѣ въ Иерусалимѣ. Распятымъ ангелъ называетъ Иисуса Христа потому, „что не стыдится креста, который есть спасеніе человѣковъ и основаніе всѣхъ благъ“. (Θεοφιλ. Златоустъ).—По Лукѣ, ангелы прежде всего предлагаютъ женамъ вопросъ, въ которомъ слышится порицаніе ихъ прибытію ко гробу. *Что ищите живаго съ мертвыми?* говорятъ ангелы женамъ. Жены заслуживали порицанія потому, что думали объ Иисусѣ, какъ о простомъ человѣкѣ, не могущемъ воскреснуть изъ мертвыхъ. Не разумно было искать среди мертвыхъ

¹⁾ Златоустъ,—89-я бес. на ев. Маттея.

²⁾ Этого слова нѣтъ въ редаксахъ Синайскомъ и Кембриджскомъ.

Того, Кто имѣеть власть надъ смертію. Не воскрешалъ ли Онъ мертвыхъ? Если Онъ другихъ возбуждалъ отъ смерти, то не ручалось ли это за то, что Онъ можетъ побѣдить смерть и выйти изъ гроба? Думать о Немъ, какъ объ умершемъ, не было никакого основанія. Этимъ вопросомъ жены приготовились къ тому, чтобы услышать извѣстіе о воскресеніи Іисуса. Это извѣстіе синоптики передаютъ вполне согласно. По Маттею, ангель говоритъ: *нѣсть здѣ: воста бо—οὐκ ἔστιν ᾧδε: ἠγέρθη γάρ,* по Марку: *возста, нѣсть здѣ—ἠγέρθη οὐκ ἔστιν ᾧδε;* по Лукѣ: *нѣсть здѣ, но возста—οὐκ ἔστιν ᾧδε ἀλλ' ἠγέρθη.* Слово *ἠγέρθη* (буквально: онъ возбужденъ) подало поводъ нѣкоторымъ утверждать, что воскресеніе Іисуса Христа совершилось по инициативѣ и силою Бога—Отца. Шлейермахеръ, напр., въ своемъ сочиненіи: „Христіанская вѣра“ (2, 93) замѣчаетъ по этому поводу: „Воскресеніе Христа никогда не выставляется свидѣтельствомъ живущаго во Христѣ Божества, такъ какъ оно вездѣ приписывается не Ему, а Богу. Сравн. Дѣян. II, 24; III, 15; IV, 10; X, 40, Римл. IV, 24; 1 Кор. VI, 14; XV, 15; 2 Кор. IV, 14. Но это мнѣніе не основательно: Іисусъ * Христосъ неоднократно приписываетъ причину своего воскресенія Себѣ Самому, напр., говоря однажды о храмѣ тѣла своего, Онъ сказалъ: *тремя денми воздвигну ю* (Іоанн. II, 19); этимъ Онъ, по слѣдующему 22 стиху, предсказывалъ свое воскресеніе изъ мертвыхъ. Подобно этому Іисусъ Христосъ говоритъ въ 18 стих. X гл. евангелія Іоанна: *азъ душу мою полагаю, да паки приму ю, и область имамъ паки пріяти ю.* Сюда могутъ относиться еще слѣдующія мѣста писанія: Мате. XVII, 9; Марк. VIII, 31; Лук. XXIV, 7 и др. Впрочемъ, нужно замѣтить, въ воскресеніи Іисуса Христа принимали участіе всѣ три лица Пресвятыя Троицы. Это видно изъ тѣхъ мѣстъ Писанія, гдѣ Спасителемъ нашимъ называется вообще Богъ, совершающій наше спасеніе черезъ Іисуса Христа въ Духѣ Святомъ, каковы, напр., слова апостола: *егда благодать и человеколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по своей Его милости, спасе насъ бачею пакибытія, и обновленія Духа Святаго, егоже излиа на насъ обильно Іисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ* (Тит. III, 4—6). Вотъ почему

объ Иисусѣ Христѣ сказано: ἠγέρθη—возбужденъ. Этимъ дается указаніе на то, что въ воскресеніи Его принимали участіе всѣ три Лица Пресвятыя Троицы.

Объявивши женамъ о воскресеніи Господа, ангелъ для большаго доказательства этого указываетъ на пустой гробъ. *Нѣсть здѣ*, говоритъ онъ, по Матѳею, *приидите, видите мѣсто, идѣ же лежатъ Господь*. Точно также говорится и у Марка. Самое возстаніе Иисуса Христа изъ гроба не могло быть видимо человѣкомъ: грѣшное око человѣческое не вынесло бы сліянія славы Сына Божія; поэтому самымъ лучшимъ доказательствомъ воскресенія Его могла служить пустая пещера. Жены смотрѣли, гдѣ полагали тѣло Господа, знали, что и камень велий былъ приваленъ къ двери гроба. И вотъ камень отваленъ и тѣла Господа *нѣсть здѣ*. Гдѣ же оно? Мысль о кражѣ его не могла быть допускаема, такъ какъ лежащія здѣсь погребальныя пелены и свитый сударь (Іоан. XX, 6, 7) служили нагляднымъ опроверженіемъ этого! Такимъ образомъ, при видѣ пустого гроба жены мирносицы могли твердо убѣдиться въ воскресеніи Иисуса Христа.

Но ангелъ, кромѣ вышеизложеннаго доказательства воскресенія Господа, даетъ сейчасъ же другое. По свидѣтельству Луки, два мужа, т. е. ангелы, сказали женамъ: *помяните, якоже глагола вамъ еще сый въ Галилеи, глаголя, яко подобаетъ сыну человеческому предану быти въ руки чловѣкъ грѣшникъ, и пропяти быти и въ третій день воскреснути*. Евангелистъ Матѳеѣй передаетъ это въ двухъ словахъ: *якоже рече*. На первый взглядъ кажется непонятнымъ, почему ангелы указываютъ на то, что предсказаніе Спасителя о своемъ воскресеніи произнесено Имъ въ Галилеѣ. Спаситель, какъ извѣстно, о своихъ страданіяхъ и воскресеніи говорилъ не разъ, говорилъ въ Галилеѣ и въ Іудеѣ (см. напр. Матѳ. XVII, 23; XXVI, 32; Марк. XIV, 28; IX, 10), почему же ангелы считаютъ нужнымъ указать въ этомъ случаѣ на Галилею? Не потому ли, что эти жены происходили изъ Галилеи и, сопровождая Спасителя только въ этой странѣ, могли слышать указанныя слова только въ Галилеѣ? Но это противорѣчитъ евангельскимъ повѣствованіямъ, по которымъ жены сопровождали Спасителя во время Его послѣдняго путешествія въ Іерусалимъ и слы-

шали здѣсь о Его обѣщанія явиться ученикамъ по воскресеніи своемъ въ Галилеѣ (Матѣ. XXVI, 32; Марк. XIV, 28; и друг.) Указаніе на галилейскія предсказанія можно объяснить тѣмъ, что они тверже сохранялись въ памяти женъ, чѣмъ слова, сказанныя Господомъ, въ Иерусалимѣ. То, что говорилъ Спаситель въ Галилеѣ, было тщательно обдуманно женами. Онѣ въ то время не хотѣли вѣрить этимъ предсказаніямъ, онѣ считали ихъ невозможными; однако, скоро должны были несомнѣнно убѣдиться въ истинности словъ своего Учителя. Последній былъ преданъ въ руки грѣшниковъ ¹⁾ и былъ распятъ. Такимъ образомъ, первая часть предсказаній Иисуса исполнилась, жены имѣли всѣ основанія ждать исполненія второй части этого предсказанія. Иисусъ Христосъ предсказывалъ, что Онъ въ третій день послѣ своей смерти воскреснетъ. Нынѣ третій день,—и Онъ воскресъ. Не ясно ли, что здѣсь не должно быть никакихъ сомнѣній? Дѣйствительно, жены вспомнили слова Спасителя; *и помянуша глаголы его*, говорятъ ев. Лука. Сомнѣніе женъ стало переходить теперь въ увѣренность. Первый лучъ надежды уже проникъ въ ихъ сердца. Печаль женъ стала мало по малу переходить въ радость. Теперь женамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ пойти къ апостоламъ, чтобы, при совмѣстномъ обсужденіи случившагося, дойти до твердой вѣры въ воскресеніе Иисуса Христа. Дѣйствительно, ангелы посылаютъ ихъ теперь къ апостоламъ. *Но идите*, говорятъ они, по Марку, *рцйте ученикамъ его и Петрови, яко варяетъ вы въ Галилеѣ: тамо Его увидите, якоже рече вамъ*. Ев. Матѣей передаетъ эти слова съ нѣкоторыми измѣненіями, хотя совершенно согласно съ Маркомъ. *И скоро шедше*, говорится у Матѣя, *рцйте ученикамъ Его, яко воста отъ мертвыхъ: и се варяетъ вы въ Галилеѣ: тамо Его узрите. Се, рцхъ вамъ*. Жены должны были скоро идти отъ гроба съ тою цѣлю, конечно, чтобы поскорѣе сообщить ученикамъ радостную вѣсть о воскресеніи Господа. Подъ учениками разумѣются здѣсь, главнымъ образомъ, апостолы: они имѣли полное право

¹⁾ Подъ грѣшниками нужно разумѣть не однихъ только первосвященниковъ и фарисеевъ, или Иудеевъ, но вообще всѣхъ людей, такъ какъ Иисусъ Христосъ былъ распятъ за грѣхи всѣхъ людей.

получить извѣстіе о воскресеніи Іисуса Христа прежде всего. Съ другой стороны, приглашеніе идти въ Галилею могло касаться только апостоловъ, а не всѣхъ послѣдователей и спутниковъ Іисуса Христа. По Марку, ангелъ повелѣваетъ женамъ сообщить о воскресеніи Господа ученикамъ его и Петру. Спрашивается, почему Петръ ставится какъ бы отдѣльно отъ учениковъ? Католическіе писатели думаютъ, что особенное упоминаніе о Петрѣ подлѣ апостоловъ указываетъ на преимущество его предъ прочими апостолами. По ихъ мнѣнію, Петръ былъ княземъ апостоловъ, поэтому ангелъ одного только его и называетъ по имени ¹⁾. Но съ этимъ мнѣніемъ нельзя согласиться. Если бы Петръ былъ княземъ апостоловъ, то имя его стояло бы передъ словомъ *ученикомъ*. Между тѣмъ, Петръ упоминается ангеломъ послѣ другихъ учениковъ, какъ такой, о принадлежности котораго къ обществу апостоловъ не сказано ничего опредѣленнаго. Гораздо основательнѣе другое мнѣніе, которое въ упоминаніи Петра видитъ необходимое для послѣдняго утѣшеніе. Какъ извѣстно, на тайной вечери Господь, предсказывая ученикамъ, что всѣ они въ эту ночь соблазнятся о Немъ, далъ ап. Петру особое предсказаніе, что онъ трижды отречется отъ Него. (Матѣ. XXVI, 31—34; Марк. XIV, 27—30 и др.). Предсказаніе Господа исполнилось: ап. Петръ трижды и даже съ клятвою отрекся отъ Него (Матѣ. XXVI, 69—74). „Такъ какъ Петръ отрекся, то если бы жены сказали, что имъ велѣно извѣстить только учениковъ, онъ сказалъ бы: я отрекся, слѣдовательно, уже не ученикъ Его, а потому Господь отвергъ меня и возгнушался мною; по этому ангелъ присовокупилъ: *и Петрови*, дабы не смутился Петръ тою мыслию, что будто онъ не удостоенъ и слова, какъ отрекшійся и потому уже недостойный быть въ числѣ учениковъ“ ²⁾.

По сказаніямъ Матѣея и Марка, ангелы сказали женамъ, чтобы апостолы шли въ Галилею, гдѣ Господь намѣренъ былъ явиться имъ. Между тѣмъ, по другимъ евангельскимъ сказаніямъ, Господь явился ученикамъ своимъ нѣсколько разъ

¹⁾ См. Kommentar über das N. Test. von Meyer, I, S. 280 Göttingen 1832.

²⁾ Теофилактъ,—Благовѣстникъ ч. 2-я, стр. 248—249. Казань 1857 г.

въ Іерусалимѣ, прежде чѣмъ они пошли въ Галилею (Марк. XVI, 2—12—14; Лук. XXIV, 13—35 и друг.). Если Іисусъ Христосъ намѣренъ былъ явиться въ Іерусалимѣ, то для чего Ему нужно было посылать апостоловъ въ Галилею? На это нужно сказать, что іерусалимскія явленія не могли исключать галилейскихъ. Галилея, какъ извѣстно, была по преимуществу мѣстомъ дѣятельности Іисуса Христа и въ ней было болѣе послѣдователей Его, чѣмъ въ Іудеѣ. Понятно, что въ Галилеѣ могло видѣть Его большее число послѣдователей, чѣмъ въ Іудеѣ; несомнѣнная истина Его воскресенія могла быть засвидѣтельствована большимъ числомъ лицъ, и явленіе Его могло привести къ Нему большее число вѣрующихъ. Далѣе, нужно принять во вниманіе, что Господь по воскресеніи являлся ученикамъ для подробнаго разъясненія того, что раньше говорилъ кратко (Дѣян. 1, 3). По этому необходимо было избрать удобное мѣсто для явленій. Но какое мѣсто могло быть болѣе удобнымъ для продолжительныхъ бесѣдъ, какъ не тихая Галилея, гдѣ Господь могъ спокойно бееѣдовать съ учениками своими и всѣми вообще вѣрующими въ Него, не возбуждая негодованія и преслѣдованія со стороны враговъ? И до страданій своихъ Господь преимущественно проповѣдывалъ въ Галилеѣ, избравъ для этого опредѣленныя мѣста. Галилея, затѣмъ, была родиною Его учениковъ; по этому послѣдніе могли имѣть здѣсь средства къ жизни болѣе надежныя, чѣмъ въ Іерусалимѣ. Вотъ почему ангелъ указываетъ на Галилею, какъ на преимущественное мѣсто явленій Господа. Его слова, однако, не исключали іерусалимскихъ явленій. Если ангелъ не упоминаетъ о нихъ, то это обуславливалось тѣмъ, что Іисусъ Христосъ ранѣе не говорилъ о явленіяхъ въ Іерусалимѣ, тогда какъ о галилейскихъ явленіяхъ онъ говорилъ неоднократно (Мате. XXVI, 32; Марк. XIV, 28 и друг.). Явленія Господа въ Іерусалимѣ необходимы были для того, чтобы ученики убѣдились въ Его воскресеніи и пошли въ Галилею. Одного свидѣтельства ангела о воскресеніи Господа недостаточно было, чтобы утѣшить учениковъ и не дать погаснуть ихъ вѣрѣ въ Іисуса. *Мы же надѣяхомся, говорятъ, напр., эммаусскіе спутники,—ученики Господа, яко сей есть хотя избавити израиля: но и надѣ всіми сими третій сей день есть,*

отнелиже сія быша (Лук. XXIV, 21). Вотъ состояніе учениковъ даже послѣ того, какъ жены сказали имъ о явленіи ангела и о воскресеніи Иисуса! Ихъ надежда на избавленіе Израиля Иисусомъ Христомъ оставила ихъ, даже не смотря на то, что жены сказали имъ о явленіи ангеловъ и о воскресеніи Иисуса. Ученики по прежнему были *несмысленны и косны сердцемъ*, чтобы увѣровать въ Него. ВѢра учениковъ была подобна потухающему свѣтильнику; этотъ свѣтильникъ угасъ бы, еслибъ Господь своими явленіями не возжегъ его яркимъ пламенемъ.

Оканчивая свою рѣчь къ женамъ, ангелъ говоритъ: *се рѣчь вамъ*. Это выраженіе можно сравнить съ словами: истинно, истинно говорю вамъ. То, что ангелъ говорилъ женамъ, есть несомнѣнная истина: его устами говорилъ Самъ Богъ. Жены должны были вѣрить его словамъ, такъ какъ не имѣли никакихъ основаній сомнѣваться, въ сказанномъ имъ.

Дѣйствительно, по свидѣтельству Матоея и Марка, жены миропосиды въ точности исполнили приказаніе ангела: онѣ, выйдя изъ гроба, побѣжали къ апостоламъ: *и изшедше скоро отъ гроба, пишутъ ев. Матеей, со страхомъ и радостію великою, текотъ возвестити ученикомъ его*. Быстрому уходу много способствовало еще ихъ душевное настроеніе. По Матеею, онѣ испытывали страхъ и радость, по Марку—трепетъ и ужасъ. (*имяше же ихъ трепетъ и ужасъ*). Страхъ и ужасъ наналъ на нихъ отъ неожиданнаго явленія ангеловъ. Этотъ страхъ былъ продолженіемъ того страха, который охватилъ ихъ при вступленіи во гробъ. Теперь, послѣ чудныхъ рѣчей ангела, этотъ страхъ усилился до высочайшей степени, „какъ обыкновенно бываетъ подобное при чрезвычайныхъ видѣніяхъ; состояніе страха и трепета овладѣваетъ сердцемъ, когда окончится видѣніе“ ¹⁾. Радость женъ происходила оттого, что онѣ услышали радостную вѣсть о воскресеніи Иисуса Христа. Впрочемъ, ев. Маркъ опускаетъ замѣчаніе о радостномъ настроеніи женъ; поэтому вполне справедливо нѣкоторые экзегеты говорятъ, что чувство радости было погребено у женъ подъ ощущеніями ужаса ²⁾. „Если Матеей сказалъ, пишетъ Евфимій Зигабенъ,

¹⁾ Архим. Михаилъ,—толков. на ев. Марка, стр. 196.

²⁾ Прот. Богословскій,—св. Исторія Н. Зав., стр. 234.

что жены испытывали страхъ и радость, а Маркъ, что ихъ объялъ трепеть и ужасъ, то въ этомъ нѣтъ противорѣчія. Трепетъ явился у нихъ отъ страха, а относительно радости Маркъ умалчиваетъ; можетъ быть, обозначилъ её словомъ—ужасъ, потому что она можетъ иногда перейти въ ужасъ¹⁾. Такимъ образомъ, жены испытывали и страхъ и радость, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: такое настроеніе случается нерѣдко. Уже древніе знали о такомъ настроеніи, напр. Виргилій²⁾. Подъ вліяніемъ такого настроенія жены, по Марку, *никому же ничто же рѣша: бояхубося*. Спрашивается, долго ли продолжалось молчаніе женъ? Нѣтъ сомнѣнія, что жены, придя домой, все рассказали апостоламъ, такъ какъ онѣ не осмѣлились бы послушаться приказанія ангеловъ. На это ясно указываютъ слова св. Луки: *возвѣстивша (жены) вся (случившееся при гробѣ) единому надесеате и вѣсѣмъ прочимъ* (Лук. XXIV, 9), и самъ св. Маркъ даетъ право думать, что жены, пришедши домой, рассказали обо всемъ апостоламъ (Марк. XVI, 10). Значитъ, онѣ никому ничего не говорили по выходѣ изъ гроба, на пути. Отсюда открывается неправильность того объясненія, будто жены не осмѣлились ничего сказать въ отвѣтъ ангеламъ (Августинъ): онѣ никому ничего не сказали, уже оставивъ гробъ, *изшедше*. Неправильно также объяснять эти слова въ томъ смыслѣ, что жены никому изъ стражей гроба ничего не сказали. Въ это время послѣднихъ уже не было при гробѣ; послѣ испуга, вслѣдствіе землетрясенія, всѣ воины немедленно разбѣжались. И такъ естественнѣе всего думать, что жены молчали во время бѣгства отъ гроба; такъ какъ это бѣгство было уже *возсіявшу солнцу*, то на пути могли встрѣчаться зна-

1) Зигабень,—Толков. св. отъ Матѳея, стр. 454. Кіевъ. 1866 г.

2) Вотъ что пишетъ онъ въ Энеидѣ (1, 513):

Odstupuit simul ipse, simul
 percussus Achates
 Laetitiaque metuque; avidi
 coniungere dextras
 Ardebant, sed res animas incognita
 turbat.

и въ другомъ мѣстѣ (11, 806): fugit ante omnes exterritus Arruns
 Laetitia mixtoque metu.

комые и спрашивать женъ о причинѣ ихъ смущенія. Но жены имъ ничего не говорили. Причиною этою служилъ страхъ. Извѣстно, что подъ вліяніемъ сильнаго страха человѣкъ не въ состояніи бываетъ выговорить слова. Только черезъ нѣкоторое время, когда человѣкъ придетъ въ себя, онъ можетъ рассказать о случившемся съ нимъ. Это то психическое настроеніе и разумѣетъ св. Маркъ въ словахъ: *никому же ничто же рѣша: бояхубося.*

II.

Путешествіе апостоловъ Петра и Іоанна ко гробу воскресшаго Господа.

Лука XXIV, 24.

Іоанна, 1—10. XX.

1. Во едину же отъ субботъ Марія Магдалина прииде завтра, еще сущей тмѣ, на гробъ, и видѣ камень взятъ отъ гроба:

2. Тече убо и прииде къ Симону Петру и къ другому ученику, его же любляше Іисусъ, и мало има: взяша Господа отъ гроба, и не възмъ, идѣ положиша Ею.¹⁾

12. Петръ же воставъ тече ко гробу,

3. Авиде же Петръ и другій ученикъ, и идяста ко гробу;

4. Течаста же оба вкупѣ: и другій ученикъ тече скорѣе Петра и прииде прежде ко гробу,

5. И приникъ видѣ ризы лежаща: обаче не видѣ.

и приникъ видѣ ризы едины лежаща:

6. Прииде же Симонъ Петръ вслѣдъ его, и видѣ во гробъ, и видѣ ризы едины лежаща,

7. И сударь, иже бѣ на главѣ Ею, не съ ризами лежащъ, но особъ свитъ на единѣмъ мѣстѣ.

8. Тогда убо видѣ и другій ученикъ, пришедый прежде ко гробу, и видѣ и върова:

9. Не у бо въдяху писанія, яко подобаетъ Ему изъ мертвыхъ воскреснути.

и отиде, въ себѣ дивяся бывшему.

10. Идоша же пакы къ себѣ ученика.

Въ то время, какъ жены Мирносицы послѣшно уходили отъ гроба Господня, два ученика Іисуса Христа Петръ и Іоаннъ, напротивъ, быстро приближались къ этому гробу. Эти ученики получили неожиданное извѣстіе отъ Маріи Магдалины, что отъ гроба Господня былъ отваленъ камень ¹⁾. Ма-

1) О путешествіи апостоловъ Петра и Іоанна ко гробу Господа подробно говорится въ евангеліи Іоанна. Повѣствованіе евангелиста Іоанна о путешествіи женъ мирносицъ и учениковъ ко гробу Іисуса Христа значительно отличается отъ сказаній объ этомъ другихъ евангелистовъ. Іоаннъ опускаетъ почти все опи-

рія Магдалина, какъ намъ уже извѣстно, отправилась ко гробу Господа вмѣстѣ съ другими женами, но увидя, что отъ гроба былъ отваленъ камень, она не пожелала идти далѣе, а поспѣшно побѣжала къ ученикамъ Петру и Іоанну сообщить имъ такое чрезвычайное извѣстіе. Вѣроятно, она думала, что эти мужи по горячимъ, такъ сказать, слѣдамъ могутъ скорѣе отыскать тѣло Іисуса, которое, по ея мнѣнію, было кѣмъ небудь украдено. *Тече убо, пишетъ, ев. Іоанвъ, и прииде къ Симону Петру и къ другому ученику, его же любяше Іисусъ.* Симонъ Петръ извѣстнѣйшій изъ Апостоловъ. Онъ былъ родомъ изъ Вивсаиды, по роду занятій былъ рыбарь (Лук., V, 1—3 и друг.); подъ другимъ ученикомъ, котораго любилъ Іисусъ, нужно разумѣть Іоанна Богослова, писателя 4-го евангелія. Это видно изъ свесевія этого мѣста съ другими мѣстами этого евангелія, гдѣ подъ ученикомъ, *егоже любяше Іисусъ*, разумѣтся Іоанвъ Богословъ (см. XIII, 23; XIX, 26). На вопросъ, почему Марія Магдалина побѣжала къ этимъ именно ученикамъ, даются различныя отвѣты. Нѣкоторые (напр. Lange) думаютъ, что Марія встрѣтила этихъ учениковъ на пути. Горячая любовь къ Господу побудила, будто бы, этихъ учениковъ рано утромъ этого дня пойти ко гробу Господа, вѣдѣвъ за женами.¹⁾ Но этого

свидѣніе другихъ евангелистами и дополняетъ ихъ повѣствованія подробнымъ описаніемъ случившагося только съ Маріей Магдалиной и двумя учениками Петромъ и Іоанномъ. Благодаря этому, слагается полная исторія событій этого единственнаго въ исторіи утра, утра Свѣтлаго Христова Воскресенія. Іоанвъ рассказываетъ, что Марія Магдалина во едину отъ субботы, т. е. въ воскресенье, на разсвѣтѣ шла ко гробу Іисуса Христа. Этотъ рассказъ не исключаетъ того, что съ Маріей Магдалиной шли и другія жены, какъ рассказано у синоптиковъ. Во 2-мъ стихѣ XX-й главы евангелія Іоанна рассказывается, что Марія Магдалина, придя къ Петру и Іоанну, говоритъ: „не знаемъ, гдѣ положили Его“. Ясно что она была не одна при гробѣ Іисуса Христа. „Подобный способъ повѣствованія, пишетъ Архим. Михаиль, находимъ еще у ев. Луки: онъ повѣствуетъ о путешествіи ко гробу Христову одного ап. Петра (XXIV, 12), а затѣмъ передаетъ слова эммаусскихъ спутниковъ: и пошли нѣкоторые изъ нашихъ ко гробу и проч. XXIV, 24 ср. ст. 22)“. Архим. Михаиль, — толк. ев. отъ Іоанна стр. 596—597. Москва 1874) — Марія Магдалина приходитъ ко гробу очень рано, когда было еще темно — *еще сущей тмѣ*. Это опредѣленіе времени вполне совпадаетъ съ показаніями Маттея и Луки, по которымъ жены пришли ко гробу очень рано (Матт. XXVIII, 1; Лук. XXIV, 1).

¹⁾ См. Auferstehungsgesch. von Nebe, S. 53.

мнѣнія нельзя допустить: слово *прииде*—*ἔρχεται* указываетъ не на случайную встрѣчу этихъ лицъ, а на тщательный розыскъ ихъ ¹⁾). Прибытіе Маріи Магдалины къ этимъ апостоламъ легко объясняется изъ ближайшаго отношенія этихъ лицъ къ Иисусу Христу. Они вмѣстѣ съ Іаковомъ Заведеевымъ были самыми любимыми учениками Господа и, конечно, сами имѣли горячую любовь къ Нему. Марія Магдалина, зная это, и отправилась къ нимъ. Она не безъ основанія полагала, что эти ученики примутъ самое дѣятельное участіе въ розыскѣ тѣла Иисуса, и дѣйствительно, она не обманулась.

Придя къ Петру и Іоанну, Марія Магдалина говоритъ имъ: *взяша Господа отъ гроба и не възъмъ—οὐδάρουν—ιδὴ положиша Его*. Марія Магдалина ничего не говоритъ объ удаленіи камня отъ гроба и о томъ, что гробъ былъ открытъ. Она пропускаетъ это, такъ какъ хочетъ немедленно высказать главное: *взяша Господа*. Замѣчательно, что она высказываетъ это не какъ догадку, не какъ предположеніе, а какъ фактъ, въ дѣйствительности котораго не сомнѣвалась ни она, ни другія жены. Для насъ можетъ показаться странною ихъ увѣренность, не основанная на твердыхъ данныхъ; но для Маріи Магдалины и ея спутницъ открытый гробъ служилъ яснымъ доказательствомъ удаленія тѣла Иисуса Христа. Въ самомъ дѣлѣ, не знали ли овѣ о той глубокой враждѣ, какую питали къ Иисусу Христу фарисеи и первосвященники? Ненависть этихъ лицъ къ Иисусу не могла ли побудить ихъ къ оскверненію Его тѣла? Если камень былъ удаленъ, то очевидно, что враги уже исполнили свое намѣреніе; они обезчестили тѣло Его и положили въ другомъ мѣстѣ, быть можетъ, даже съ злодѣями. Такимъ образомъ, подъ тѣми лицами, которыя *взяша Господа*, нужно разумѣть враговъ Иисуса Христа, а не учениковъ Его, какъ думаютъ нѣкоторые (Бенгель ²⁾ Кюнель ³⁾ и друг.). Если бы Марія Магдалина думала, что тѣло Иисуса Христа было взято учениками, то она не стала бы такъ сильно беспокоиться. У нея не было бы причины волноваться и бѣжать къ

¹⁾ Cremer, — Wörterbuch., S. 387.

²⁾ Bengel, — Gnomon Novi Testamenti, стр. 487.

³⁾ Krinoel, — Commentarius in libros N. Test, т. 3, стр. 719.

Петру и Іоанну; она спокойно пошла бы къ нимъ, что бы разспросить ихъ о мѣстѣ погребенія Іисуса Христа. Теперь же она сильно беспокоится, такъ какъ не знаетъ, гдѣ положено тѣло Господа: *не вѣмъ*¹⁾, говоритъ она, *идѣ положиша Его*. Слово *вѣмъ* показываетъ, что не одна Марія Магдалина ходила ко гробу Іисуса Христа, что не одна она удостовѣрилась въ похищеніи тѣла Іисусова. Изъ этого указанія апостолы Петръ и Іоаннъ могли заключить, что извѣстіе Маріи Магдалины о похищеніи тѣла Іисусова—не ложно, они должны были вѣрить словамъ ея и употребить зависящія отъ нихъ мѣры къ розыску тѣла Господа.—Узнавъ о томъ, что тѣла Іисусова нѣтъ во гробѣ, Петръ и Іоаннъ немедленно пошли на мѣсто происшествія. *Изыде же Петръ и другій ученикъ*, говоритъ евангелистъ Іоаннъ, *и идоста ко гробу*. О путешествіи Петра ко гробу говорится еще въ евангеліи Луки: *Петръ же воставъ тече ко гробу, и приникъ видѣ ризы едина лежаща: и отиде въ себѣ дивяся бывшему* (XXIV, 12). На первый взглядъ кажется, что евангелистъ Лука разногласитъ съ Іоанномъ: по Лукѣ, ходилъ ко гробу одинъ только Петръ и притомъ тогда уже, когда получилъ извѣстіе отъ жервъ мироносицъ о явленіи ангеловъ при гробѣ.²⁾ Между тѣмъ, по Іоанну, пошли ко гробу два ученика: Петръ и Іоаннъ вслѣдствіе сообщенія Маріи Магдалины объ удаленіи камня отъ гроба. Но если мы обратимъ вниманіе не на одинъ 12-й стихъ XXIV главы евангелія Луки, а на всю эту главу, то мы увидимъ, что, и по Лукѣ, ходилъ ко гробу не одинъ Петръ.

1) Вѣмъ—древне-славянская форма 1-го лица множ. числа отъ глагола вѣдѣти, теперь употребляется вѣмн.

2) Ради этого различія этотъ 12-й стихъ пропущенъ въ кэмбриджскомъ кодексѣ и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ (а, b, c, e) Ит. и Сир. переводовъ. Лакманъ поставилъ этотъ стихъ въ скобкахъ, а Тишендорфъ и Шульцъ отбросили его. Но это сдѣлано безъ твердыхъ основаній: другіе древніе кодексы, напр. Синайскій, Александрійскій, Ватиканскій имѣютъ его. Онъ, какъ мы увидимъ ниже, нисколько не противорѣчитъ Іоан. XX, 2—10 ст. Въ этомъ стихѣ употребляются такіе слова, которые встрѣчаются и въ рассказѣ евангелиста Іоанна о путешествіи апостоловъ ко гробу, напр. *ὄβνια*, *παράχους*, *ἀπῆλθε πρὸς ἑαυτὸν*. Это указываетъ, что оба эти рассказа взяты изъ одного источника, т. е. изъ апостольскаго преданія. Поэтому многіе экзегеты, напр. Мейеръ, де Ветте, Блекъ, Годе, Кейль, Кеймъ, Небе признаютъ 12-й стихъ XXIV главы евангелія Луки подлиннымъ.

Эммаусскіе спутники говорятъ Господу: *и идоша нѣци отъ насъ ко гробу и обрѣтоша тако, якоже и жены рѣша* (Лук. XXIV, 24). Значить, не одинъ только Петръ ходилъ ко гробу, но и другіе. Въ числѣ этихъ непремѣнно долженъ былъ находиться и ев. Іоаннъ: горячая любовь къ Іисусу Христу должна была побудить его идти ко гробу. Если Лука не упоминаетъ объ Іоаннѣ подлѣ Петра, то это произошло вслѣдствіе того, что онъ не хотѣлъ писать подробно объ этомъ путешествіи апостоловъ. Онъ хотѣлъ только указать, что не только жены мирносицы, но и нѣкоторые изъ апостоловъ нашли гробъ Іисуса Христа пустымъ; отъ этого произошло и то, что сообщеніе о путешествіи Петра ко гробу приводится Лукою уже послѣ указанія о приходѣ женъ мирносицъ въ Іерусалимъ.

Выйдя изъ дома, Петръ и Іоаннъ *течаста—ѣтреоху—оба вкупѣ: и другій ученикъ* (Іоаннъ) *тече скорѣе Петра и прииде прежде ко гробу*. Оба апостола желали какъ можно скорѣе достигнуть гроба Господа; по этому они побѣжали къ нему. Нельзя, конечно, думать, что Петръ и Іоаннъ бѣжали втеченіе всего пути: этотъ путь былъ довольно длиннымъ, такъ что апостолы не имѣли силъ бѣжать всю дорогу. Евангелистъ указываетъ только на то, что апостолы шли ко гробу очень скоро и втеченіе нѣкотораго времени даже бѣжали. Іоаннъ былъ моложе Петра, вслѣдствіе чего прибѣжалъ ко гробу скорѣе. Нѣкоторые (напр. Лютардъ ¹⁾) думаютъ что Петръ могъ отставать отъ Іоанна вслѣдствіе психическаго потрясенія Петръ, какъ извѣстно, три раза отрекся отъ Іисуса Христа; это отреченіе потрясло его душу до самаго основанія. Онъ горько печалился о своемъ грѣхѣ. Эта скорбь, по мнѣнію Лютардта, парализовала физическія силы Петра, такъ что онъ не могъ бѣжать такъ быстро, какъ Іоаннъ. Это объясненіе можно признать довольно основательнымъ. Мы знаемъ изъ психологіи, что душевное разстройство имѣетъ большое вліяніе на физическія силы человѣка. Печаль ослабляетъ человѣка, тогда какъ радость поднимаетъ его энергію ²⁾. Это засвидѣтельствовано

¹⁾ Chr. Luthardt, — Das johanneische evang., Th. 2, I. 498. Niiruberg. 1875.

²⁾ „Внѣшнее выраженіе и воплощеніе горя, пишетъ профессоръ В. А. Снегиревъ, точно также какъ выраженіе радости, отличается тоже особенною опредѣ-

многими фактами. Въ виду этого мы имѣемъ полное право предполагать, что Петръ отсталъ отъ Іоанна не только вслѣдствіе того, что былъ старше послѣдняго, но и вслѣдствіе печали о своемъ отреченіи отъ І. Христа ¹⁾).

Іоаннъ, придя ко гробу Іисуса Христа, не вошелъ въ него: *и прииди видѣ ризы лежаща, обаче не вниде*. Іоаннъ чрезъ проходъ, который велъ во гробъ, взглянулъ только на то мѣсто, гдѣ было положено тѣло Іисуса Христа и увидѣлъ здѣсь ризы—*ὀδῶνα*. Этими ризами было обвито тѣло Іисуса (Іоан. XIX, 40). Странно, почему Іоаннъ, прибѣжавши ко гробу, не вошелъ въ него. Онъ спѣшилъ идти къ нему, опередилъ Петра, и вотъ, когда достигъ мѣста своего путешествія, медлитъ войти; ничто не препятствуетъ ему тотчасъ же осмотрѣть гробъ, но онъ дожидается Петра, чтобы за нимъ уже войти во гробъ. (Іоан. XX, 8). Католическіе писатели думаютъ, что Іоаннъ не рѣшался войти во гробъ прежде Петра потому, что признавалъ первенство послѣдняго. Мы находимъ это объясненіе примат-

ленностью и рельефностью, притомъ совершенно противоположно выраженію этого послѣдняго волненія. Выраженіе это характеризуется подавленностью всѣхъ физическихъ отправленій индивидуума.

Кровообращеніе и дыханіе ослабляются до послѣдней степени, вслѣдствіе чего получается общая блѣдность кожи и лица,—особенно мозгъ обезкровливается и теряетъ, потому, напряженность, вслѣдствіе чего глаза тускнѣютъ и вваливаются въ орбиты. Ослабляются и всѣ остальные мускулы, ноги какъ бы отказываются служить, получается потребность опереться на что нибудь, упасть и т. п. В. А. Снегиревъ,—Психологія, стр. 516. Харьковъ 1893 г.

¹⁾ Нѣкоторые отцы церкви объяснили замедленіе Петра аллегорически. Напр. Св. Григорій Двоесловъ въ XXII-й бесѣдѣ на евангелія пишетъ слѣдующее: „Чрезъ старшаго Петра означается церковь язычниковъ, а чрезъ младшаго Іоанна—Синагога Іудейская. Они побѣжали оба вмѣстѣ, потому что отъ времени начала своего даже до паденія, равнымъ и общимъ путемъ, хотя не съ равнымъ и общимъ смысломъ, изычество бѣжало съ Синагогою. Синагога пришла прежде ко гробу, но не вошла, потому что, хотя она приняла заповѣди закона, выслушала пророчества о воплощеніи и страданіи Господа, однакоже не захотѣла вѣровать въ Умершаго. Ибо Іоаннъ видитъ лежащія пелены, однако же не входитъ; именно потому, что Синагога, хотя и познала таинства Св. Писанія, однакоже не согласилась вѣрою войти въ вѣру страданію Господню... *Прииде же Симонъ. Петръ всматрѣ его, и вниде во гробъ*; потому что шедшая вслѣдъ за нею (Синагогою) церковь язычниковъ и познала, что Посредникъ Бога и челоуковъ, челоукъ Іисусъ Христосъ умеръ плотію, увѣровала въ живаго Бога“. (Бес. на евангелія Св. Григорія Двоеслова, ч. 2 стр. 14. СПб. 1860). Нельзя не замѣтить, что такое толкованіе во мпогомъ уступаетъ прямому разъясненію евангельскаго текста.

ства Петра очень страннымъ. Если бы Іоаннъ признавалъ нервенство Петра, то ему не зачѣмъ было бы бѣжать скорѣе Петра, такъ какъ онъ зналъ бы, что ранѣе Петра ему нельзя осматривать гроба, слѣдовательно, онъ бѣжалъ бы только для того, чтобы бездѣйствовать около гроба.—По другому мнѣнію ¹⁾, Іоаннъ не вошелъ во гробъ вслѣдствіе уваженія іудейскаго закона о чистотѣ. Какъ извѣстно, евреи не должны были прикасаться къ трупамъ умершихъ. Прикоснувшійся долженъ былъ очиститься. Іоаннъ, уважая іудейскій законъ, не желалъ будто бы осквернить себя могильнымъ воздухомъ и прикосновеніемъ къ пещерѣ мертвеца. Но съ этимъ также нельзя согласиться. Не долженъ ли былъ Іоаннъ подражать своему учителю Іисусу Христу? Послѣдній, какъ извѣстно, не считалъ скверною прикасаться ко гробу сына Навинской вдовы (Лук. VII, 14); Онъ бралъ даже за руку умершую дочь Іаира (Лук. VIII, 54). Замедленіе Іоанна у гроба лучше всего можно объяснить робостію его, страхомъ, который бываетъ со всякимъ человекомъ въ уединенномъ мѣстѣ. Этого объясненія держится большинство экзегетовъ ²⁾ какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ.

Скоро послѣ Іоанна пришелъ ко гробу Петръ. Ев. Лука рассказываетъ, что Петръ *приникъ видѣ ризы едина лежаща: и отиде*. Ев. Іоаннъ рассказываетъ гораздо подробнѣе объ этомъ. По свидѣтельству его, Петръ *вниде во гробъ и видѣ ризы едина лежаща, и Сударь, иже бѣ на главѣ Его, не съ ризами лежащъ, но особъ—χωρίς ³⁾ свитъ на единомъ мѣстѣ*. Подобно Іоанну, Петръ сначала только наклонился, чтобы черезъ узкій проходъ осмотрѣть гробъ, и увидѣлъ погребальныя пелены Іисуса Христа. Затѣмъ Петръ, какъ болѣе смѣлый, вошелъ черезъ проходъ въ самую пещеру. Въ послѣдней въ это время было уже достаточно свѣта. Кромѣ пеленъ, Петръ увидалъ здѣсь еще сударь. Этимъ именемъ обыкновенно называли платокъ, которымъ отирали потъ съ лица и покрывали голову отъ палящихъ лучей солнца. Этотъ платокъ употреблялся еще и для другихъ цѣлей, напр., въ него завертывали

¹⁾ Этого мнѣнія держатся Grotius, Wetstein, Adamson и друг.

²⁾ Зигабень, Арх. Михайлъ, Kühnol, Olshausen, Zücke, Luthardt, Weiss и друг.

³⁾ Это слово нигдѣ болѣе не встрѣчается въ Н. Завѣтѣ.

нѣкоторыя вещи (Лук. XIX, 20). Такимъ платкомъ была покрыта и глава Иисуса Христа. Платокъ этотъ лежалъ не съ пеленами, но отдѣльно отъ нихъ и притомъ свитымъ, т. е. сложеннымъ въ нѣсколько рядовъ. Въ какомъ положеніи находились пелены Иисуса Христа, не сказано въ евангеліяхъ. Можно предполагать, что и онѣ были сложены, такъ какъ на мѣстѣ воскресенія Иисуса Христа не могъ находиться какой—либо беспорядокъ. Такое положеніе пеленъ и головного платка самымъ убѣдительнымъ образомъ свидѣтельствовало, что тѣло Иисуса Христа не было кѣмъ—либо украдено, или взято. „Ибо, если бы кто переложилъ тѣло, пишетъ блаж. Теофелактъ, тотъ не обнажилъ бы его и если бы кто укралъ, тотъ не позаботился бы свивать платъ и класть отдѣльно на особомъ мѣстѣ, но взялъ бы тѣло просто, какъ было можно. Посему евангелистъ предварительно сказалъ, что тѣло Христово погребено было со мноюю смирною, которая не хуже смолы приклеиваетъ пелены къ тѣлу, чтобы мы когда услышимъ, что платъ лежитъ на особомъ мѣстѣ, нисколько не вѣрили тѣмъ, которые говорятъ, будто тѣло Христово украдено. Ибо воръ не былъ бы такъ глупъ, чтобы на тѣло излишнее употреблять столько времени и столько старанія и не подозрѣвать, что чѣмъ болѣе будетъ имъ заниматься, тѣмъ скорѣе можетъ быть пойманъ“ ¹⁾. Кто привелъ въ порядокъ пелены и платъ Иисуса Христа, не сказано у евангелистовъ. Нѣкоторые, напр. Бенгель ²⁾, думаютъ, что это было сдѣлано ангелами. Мысль, конечно, хорошая, но рѣшительно ее нельзя высказывать. Вполнѣ возможно, что Самъ Воскресшій, освободивъ себя отъ пеленъ и плата, однимъ мановеніемъ привелъ эти вещи въ порядокъ.

Спустя немного времени послѣ Петра вошелъ въ пещеру и Іоаннъ. Быть можетъ, онъ приглашенъ былъ въ пещеру Петромъ. Эту мысль высказываетъ св. Златоустъ. „Пламенный Петръ, пишетъ онъ, вошелъ внутрь гроба, рассмотрѣлъ все съ тщательностью и, увидѣвъ нѣчто болѣе, пригласилъ и его (Іоанна) посмотреть“ ³⁾. Войдя во гробъ, Іоаннъ увидѣлъ тоже,

¹⁾ Теофилактъ, Благовѣстникъ, ч. 4, стр. 461—462.

²⁾ Gnomon Novi Testamenti; стр. 487.

³⁾ Златоустъ,—85-я бес. на еванг. Іоанна, стр. 681.

что видѣлъ Петръ. Тогда убо ониде и другіиіи ученикъ, повѣствуетъ евангелистъ, пришедый прежде ко гробу и видѣи и върова. Не у бо въдяху писанія, яко подобаетъ ему изъ мертвыхъ воскреснути. Спрашивается, чему повѣрилъ Іоаннъ? Августинъ, Теофилактъ, Григорій Двоесловъ и нѣкоторые другіе ¹⁾ думаютъ, что Іоаннъ повѣрилъ извѣстію жень Мирносицъ о перенесеніи тѣла Іисуса Христа въ другое мѣсто. „Тогда и Іоаннъ, войдя послѣ Петра, пишетъ Теофилактъ, увидѣлъ погребальныя пелены, лежащія отдѣльно (однѣ отъ другихъ) и увѣровалъ не тому, что Господь воскресъ, а тому, что Его украли. Онъ повѣрилъ словамъ Маріи, что взяли Господа. Почему же онъ повѣрилъ Маріи, а не помыслилъ о воскресеніи? Потому, что они еще не знали писанія, что Ему надлежитъ воскреснути изъ мертвыхъ, и повѣрили Маріи, подозрѣвавшей похищеніе и переложеніе тѣла“ ²⁾. Это мнѣніе не основывается на несомнѣнныхъ данныхъ. Оно основывается, главнымъ образомъ, на замѣчаніи евангелиста, что ученики въ то время еще не знали, т. е.; не понимали Писанія и потому не могли придти къ мысли о воскресеніи Іисуса Христа. Можно согласиться съ тѣмъ, что ученики въ то время еще не понимали Писанія, т. е. ветхозавѣтныхъ пророчествъ объ Іисусѣ Христѣ (сравн. Лук. XXIV, 27). Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что они не могли имѣть мысли о воскресеніи Господа. Не говорилъ ли Іисусъ Христосъ и притомъ неоднократно, что Ему надлежитъ пострадать, быть убиту и въ третій день воскреснуть (Лук. XVIII, 31, и др.)? Эти многократныя предсказанія не могли ли привести учениковъ къ мысли о Его воскресеніи—особенно при видѣ пустого гроба? Мы узнаемъ, что даже первосвященники и фари́сеи вспоминали о этихъ предсказаніяхъ и думали, что ученики могутъ воспользоваться ими для своихъ цѣлей (Мѡ. XXVII, 64). Такимъ образомъ, ученики могли думать о воскресеніи своего Учителя. Войдя во

¹⁾ Beza, Erasmus, Aretius, Gerhard, Grotius, Bengel, Kühnöl, Glöckler, Ebrard, Stier, Baumlein, изъ русскихъ ученыхъ это мнѣніе принимаютъ прот. Г. Яхонтовъ, прот. Гречулевичъ.

²⁾ Теофилактъ,—Благовѣстникъ, ч. 4-я, стр. 463. Казань. 1870; срав. CXX tract. in Ioan, Augustini, 9.

гробъ, апостолы Петръ и Іоаннъ увидали погребальныя пелены Іисуса Христа и сударь, сложенный въ порядкѣ. Это обстоятельство исключало мысль о похищеніи тѣла Іисусова. „Іоаннъ понялъ это и *увѣровалъ, что Іисусъ Христосъ воскресъ*. Но Петръ, опечаленный своимъ троекратнымъ отреченіемъ отъ Господа, не могъ придти еще къ радостной вѣрѣ въ воскресеніе своего Господа. Для оправданія его сомнѣнія евангелистъ и дѣлаетъ добавленіе, что ученики въ то время еще не понимали Писанія. Это добавленіе нужно было и для того, чтобы выяснитъ вопросъ, почему Іоаннъ при видѣ пустого гроба сразу не увѣровалъ въ воскресеніе Господа. Это объясненіе словъ: *и видѣнъ и вѣрова*—самое естественное.—Мысль, что Іоаннъ повѣрилъ словамъ Маріи о перенесеніи тѣла Іисуса, ведетъ къ неразрѣшимымъ недоумѣніямъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ Петръ и Іоаннъ не могли повѣрить словамъ Маріи еще въ то время, когда увидали камень отваленнымъ отъ гроба? Рѣшительно же они должны были увѣриться въ словахъ Маріи въ то время, когда наклонились во гробъ и увидѣли на мѣстѣ погребенія Іисуса однѣ только погребальныя пелены. Такимъ образомъ, для приобрѣтенія полной увѣренности въ исчезновеніи тѣла Іисуса имъ не нужно было входить во гробъ. Далѣе, при такомъ объясненіи очень странно, почему евангелистъ дѣлаетъ замѣчаніе, что только одинъ, Іоаннъ повѣрилъ словамъ Маріи. При видѣ пустого гроба словамъ Маріи объ исчезновеніи тѣла Іисуса должны были повѣрить оба ученика. Въ виду всего сказаннаго необходимо полагать, что Іоаннъ увѣровалъ въ воскресеніе Господа. Этому объясненія держались многіе отцы церкви и западные ученые, напримѣръ, Кирилль Алекс., Златоустъ, Іеронимъ, Евфимій, Зигабень, Люкке, Ольсгаузенъ, Годе, Лютардтъ, Кейль, Небе ¹⁾ и друг. Изъ русскихъ ученыхъ этого мнѣнія держатся: Митр. Филаретъ, епископъ Михаилъ, архіеп. Інноцентій, прот. А.

¹⁾ Cvrilli opera, т. 7, стр. 684; изд. Mign'я 1859 г.; Злат.—бес. на ев. Іоанна, стр. 680; Зигабень,—толков. ев. отъ Іоанна, стр. 293; Zucke,—commentar uber ev. Iohan, ч. 2-я, стр. 498. Bonn. 1820; Olshausen,—commentar über N. Test, стр. 496, ч. 2. Königsberg. 1832; Кейль,—commentar über das Evang. des Iohannes, S. 563 Leipzig. 1831 г.; Auferstehungsgeschichte von Nebe, стр. 61.

Горскій. Особенно хорошо рассуждаетъ по этому вопросу первый. Вотъ что пишетъ онъ въ „словѣ въ недѣлю о Томѣ“: „Всѣ апостолы видѣли Господа, но до невѣроятности уничтожительно было бы для ихъ освященнаго собора, если бы не было между ними ни одного, которому бы принадлежало возвѣщаемое Господомъ преимущественное блаженство—не видѣть и вѣровать. Не желаемъ видѣть и не дерзаемъ воображать васъ Богоблаженные апостолы лишенными какого либо блаженства вѣрующихъ. Явите же намъ вы сами, кто изъ васъ *блаженный не видѣвшій и вѣровавшій?* Смотрите братія, не сіе ли самое открываетъ намъ ев. Іоаннъ, когда, повѣствуя о посѣщеніи гроба Господня въ утро воскресія двумя учениками, пишетъ: *ониде и другій ученикъ, пришедшій прежде, и видѣ; и вѣрова.* Что видѣлъ онъ по входѣ во гробъ? Безъ сомнѣнія тоже, что видѣлъ первый ученикъ, именно Петръ; *видѣ ризы едины лежаща.* А чему повѣрилъ? Тому ли, что предъ тѣмъ возвѣстила Магдалина: *озама Господа отъ гроба и не взявъ идѣ положиша Его?* Но чему тутъ было вѣрить? Тутъ нѣтъ никакой сокровенной истины, и одно явное невѣдѣніе. Чему же повѣрилъ ученикъ, *его—же любляше Иисуса?* Догадываюсь, и, думаю по необходимости, долженъ догадываться, что въ ту минуту, какъ онъ, вступивъ во гробъ, *видѣ ризы едины лежаща,* необыкновенно живая любовь необыкновеннымъ образомъ возбудила въ немъ вѣру; легкая мысль, что нельзя было представить случая, по которому бы ризы, обвивавшія тѣло Господне съ мастію, могли отдѣлиться отъ мертваго тѣла, подала ему великую мысль о воскресеніи; онъ не видалъ ничего болѣе, какъ отсутствіе погребеннаго Иисуса изъ гроба; но въ глубинѣ любящаго сердца ощутилъ, что живетъ возлюбленный, несмотря на то, что къ вѣрованію въ воскресеніе Его даже познаніемъ Писанія не былъ приготовленъ: *видѣ и вѣрова.* Не убо *вѣдѣху писанія, яко подобаетъ ему изъ мертвыхъ воскреснути*“¹⁾. Въ дополненіе къ этимъ словамъ Филарета нелишне привести слѣдующее рассужденіе объ этомъ Иннокентія, архіепископа Херсонскаго: „Іоаннъ повѣрилъ, пишетъ онъ, не словамъ Магдалины, говорившей, что

¹⁾ Слова и рѣчи Филарета, Митроп. Московскаго, стр. 78—79. Москва 1848.

тѣла Иисусова нѣтъ во гробѣ—какъ изъяснили сію вѣру нѣкоторые (Августинъ, Калметъ), ибо этому онъ не могъ не вѣрить и прежде безъ входа въ пещеру, видя, что тѣла нѣтъ въ ней,—а самому воскресенію Учителя: то есть, особенное положеніе одеждъ погребальныхъ на него такъ сильно подѣйствовало, что пробудило сильную мысль о воскресеніи. Говоримъ мысль, ибо твердой вѣры еще не было: потому впоследствии и будетъ сказано не разъ евангелистами о всѣхъ ученикахъ, что они сомнѣвались о воскресеніи, доколѣ не были убѣждены явленіями Воскресшаго ¹⁾).

Осмотрѣвши гробъ, Петръ и Іоаннъ пошли домой. У каждаго изъ нихъ были разныя мысли. Одинъ вѣрилъ, хотя и твердо, что Иисусъ Христосъ воскресъ, другой—Петръ недоумѣвалъ по поводу случившагося; онъ, по Лукѣ, *отиде ἐξ ἑαυτοῦ θαυμάζων τὸ γεγονός*. Luther, Grotius и нѣкоторые другіе относятъ *πρὸς ἑαυτὸν* къ *θαυμάζων* и говорятъ, что Петръ удивлялся въ своемъ сердцѣ ²⁾). Но по нашему мнѣнію болѣе правы тѣ, которые относятъ *πρὸς ἑαυτὸν* къ *ἀπῆλθε* ³⁾). Слово *θαυμάζων* не нуждается въ добавленіи *πρὸς ἑαυτὸν*, такъ какъ всякому понятно, что удивляться можно только въ душѣ. Между тѣмъ, при *ἀπῆλθε πρὸς ἑαυτὸν* является необходимымъ дополненіемъ. Этимъ выражается, что Петръ и Іоаннъ пошли къ себѣ, то есть, домой. Человѣкъ въ своемъ домѣ всегда бываетъ тѣмъ, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ; онъ не имѣетъ нужды притворяться и рисоваться. Въ своемъ домѣ человѣкъ живетъ по своимъ вкусамъ; все приспособлено здѣсь къ его привычкамъ и склонностямъ. Вотъ почему слово — *πρὸς ἑαυτὸν*, можетъ замѣнять слово—домой. Эта замѣна часто употребляется и теперь въ нашемъ разговорномъ языкѣ. Нерѣдко можно слышать, что такой то человѣкъ пошелъ къ себѣ, т. е. въ свой домъ. Соединеніе *πρὸς ἑαυτὸν* съ *ἀπῆλθε* встрѣчается и у семидесяти (Числ. XXIV, 25).

Евангелистъ Іоаннъ не удовлетворяется прибавкою къ

1) Инокентій; арх. Херсон., соч. т. 10-й стр. 330. Спб. 1875.

2) См. Auferstch.—gesch. von Nebe, S. 65.

3) Евфимій, Зигабень, Bengel, Курке, Kühnöl, Meyer, Bleek, de Wette, Godet, Nebe.

ἀπῆλθε одного только слова πρὸς ἑαυτόν; онъ вставляетъ между ними еще πάλιν. *идоста же*, говоритъ онъ, *наки къ себѣ ученика* — ἀπῆλθον οὖν πάλιν πρὸς ἑαυτοὺς οἱ μαθηταί. У Геродота и у нѣкоторыхъ греческихъ писателей πάλιν—значить: опять, снова; это значеніе удержано въ славянскихъ и русскихъ переводахъ. Такимъ образомъ, это слово при такомъ значеніи даетъ поводъ заключать, что рассказанное путешествіе апостоловъ было вторичнымъ въ этотъ день. Но это рѣшительно противорѣчитъ повѣствованіямъ евангелистовъ, по которымъ Петръ и Іоаннъ ходили ко гробу въ этотъ день только одинъ разъ. Поэтому слово πάλιν лучше принимать въ другомъ значеніи, именно, въ значеніи: назадъ. Съ подобнымъ значеніемъ это слово употребляютъ Гомеръ и Гезіодъ. Это слово съ такимъ значеніемъ является здѣсь вполне уместнымъ. Евангелистъ словомъ πάλιν усиливаетъ ту мысль, что ученики не остались при гробѣ, а пошли назадъ, домой.

Петръ и Іоаннъ не стали предпринимать какихъ либо мѣръ для отысканія тѣла Іисусова, такъ какъ догадались, что здѣсь не могло быть похищенія тѣла. Іоаннъ, при томъ, увѣровалъ въ воскресеніе своего Господа. Его вѣра, однако, была очень слаба. Онъ не въ состояніи еще былъ проповѣдывать о воскресеніи Господа. Его вѣра нуждалась въ укрѣпленіи явленіями Воскресшаго, и мы увидимъ, что это случилось въ тотъ же день.

Ив. Глбовъ.

(Продолженіе будетъ).

Научное и философское значеніе еволюціонной теоріи.

Еволюціонная теорія имѣетъ для философіи двоякій интересъ: по мнѣнію ея приверженцевъ, она 1) даетъ прямое положительное основаніе для *релятивизма*, является самой естественной его субструкціей, и 2) предполагаетъ *реализмъ*, какъ свое необходимое условіе (*conditio sine qua non*) или свою предпосылку¹⁾. Поэтому оцѣнка ея представляется весьма важной для гносеологіи.

Въ самомъ дѣлѣ, предположимъ, что законъ эволюціи есть дѣйствительно строго установленный законъ естествознанія; предположимъ далѣе, что онъ дѣйствительно управляетъ развитіемъ и формъ сознательной жизни, включая сюда также законы мышленія, категорическія понятія и проч.: въ такомъ случаѣ, ясно, что безусловно достовѣрной истины не существуетъ, что для каждой стадіи въ развитіи человѣчества существуетъ своя истина, которая,—весьма возможно,—въ слѣдующей стадіи будетъ объявлена заблужденіемъ; справедливо будетъ тогда и такое, на примѣръ, утвержденіе Спенсера, что ни одна новая точка зрѣнія не можетъ совершенно исключать другую, а всѣ должны быть равно истинны, быть примиримыми другъ съ другомъ, потому что основной законъ развитія,—законъ постепенности,—требуетъ, чтобы въ каждомъ новомъ моментѣ сохранялось большинство существенныхъ свойствъ предшествовавшихъ ему моментовъ.

Затѣмъ, не трудно видѣть, что, объясняя конструцію со-

¹⁾ Такое значеніе она имѣетъ, на примѣръ, въ философіи Спенсера.

знанія, какъ продуктъ извѣстнаго эволюціоннаго процесса, мы становимся на объективно-біологическую точку зрѣнія. Субъективно-психологическая точка зрѣнія, которая образуетъ базисъ какъ феноменализма, отрицающаго трансцендентную реальность, такъ и критицизма, объявляющаго ея бытіе только недостовернымъ, становится при этомъ невозможной: самодостоверность сознанія при этомъ нельзя уже брать за исходный пунктъ гносеологическихъ изысканій, потому что само сознаніе является здѣсь фактомъ вторичнымъ, производнымъ, а первичнымъ фактомъ, обладающимъ безотносительной достоверностью, оказывается объективный процессъ, состоящій въ извѣстныхъ измѣненіяхъ внѣшняго міра вообще и нашего тѣла въ частности и образующій почву для развитія тѣхъ или иныхъ формъ духовной жизни. Другими словами: съ эволюціонной точки зрѣнія мы должны будемъ разсматривать сознаніе, какъ свойство извѣстныхъ объектовъ, и въ нашемъ собственномъ сознаніи образующемъ коррелятъ всего чувственно воспринимаемаго міра, видѣть только обнаруженіе жизни одного изъ міровыхъ тѣлъ, именно нашего тѣла; а это возможно только при предположеніи трансцендентальнаго реализма. Трансцендентальный—же идеализмъ такому представленію дѣла отнюдь не благопріятствуетъ, потому что онъ разсматриваетъ объекты, какъ феномены сознанія ¹⁾.—Теперь предположимъ, что эволюціонизмъ, будучи твердо установленной научной теоріей (а не гипотезой только), вполне правъ въ своихъ притязаніяхъ объяснить конструцію сознанія,—вѣдь это будетъ очень вѣскій аргументъ въ пользу реализма. Наука безспорно существуетъ. Основанія ея притязаній на дѣйствительное, а не фиктивное познаніе едва-ли могутъ подвергаться серьезному сомнѣнію, и едва-ли кто рѣшится это сдѣлать. Даже самъ Кантъ, отецъ критической философіи, ни на минуту не рѣшился усумниться въ правоспособности математическаго и естественно-научнаго познанія ²⁾. Поэтому, если окажется,

¹⁾ Высказывал такой взглядъ на взаимное отношеніе эволюціонизма и трансцендентальнаго реализма, мы повторяемъ мнѣніе *E. König'a* выраженное имъ въ изслѣдованіи: «Die Entwicklung des Causalproblems», Th. II, 1890, ss. 335. 350.

²⁾ Относительно постановки критической проблемы у Канта мы, вопреки многимъ комментаторамъ Канта, держимся того мнѣнія, что въ критикѣ онъ гносео-

что для самой возможности науки необходимо рѣшить известную философскую проблему въ такомъ, а не иномъ смыслѣ, то это будетъ вполне достаточнымъ логическимъ оправданіемъ такого рѣшенія.

Какое-же значеніе въ наукѣ должны мы усвоить эволюціонной теоріи?

Эволюціонная теорія въ настоящее время слишкомъ хорошо известна всѣмъ образованнымъ людямъ, чтобы надо было ее излагать ¹⁾. Поэтому свои замѣчанія мы можемъ дѣлать прямо, не вызывая никакихъ недоразумѣній.

Что такое законъ эволюціи? Есть-ли это дѣйствительно научно дознанный законъ?—Въ пользу отрицательнаго отвѣта на этотъ вопросъ говорить уже то обстоятельство, что его принимаютъ далеко не всѣ естествоиспытатели. Многимъ, по замѣчанію Лянге, выраженіе „законъ развитія“ кажется очень подозрительнымъ ²⁾. И ближайшее разсмотрѣніе природы этого „закона“ показываетъ, что эта подозрительность не лишена основаній, что въ ней сказывается разумная осторожность, не позволяющая смѣшенія научныхъ понятій.—Если понятіе эволюціи брать въ самомъ широкомъ ея значеніи, въ значеніи постоянного измѣненія въ предметъ, не ограничиваемаго въ своемъ поступательномъ движеніи никакими предѣлами, ³⁾ то это будетъ ясно само собою. Достаточно припомнить наудачу нѣсколько дѣйствительныхъ законовъ природы, чтобы видѣть, какъ мало основаній имѣетъ законъ эволюціи считаться закономъ въ строго научномъ смыслѣ слова. Законъ природы устанавливаетъ *всеобщія, неизмѣнныя и необходимыя* отношенія явленій ⁴⁾. Въ самомъ понятіи закона содержится требованіе

логическую правоспособность математики и естествознанія не доказываетъ, а предполагаетъ, какъ базисъ Критики. Основанія этого своего мнѣнія мы надѣемся раскрыть въ другомъ мѣстѣ; здѣсь-же считаемъ достаточнымъ только указать на конецъ § 4 и на § 5 въ „Прологоменахъ“, не оставляющіе на этотъ счетъ никакого сомнѣнія (vgl. „Prolegomena zu einer jeden künftigen Metaphysik“, herausgeg. von K. Schulz S.S. 51, 56).

¹⁾ Слово „эволюція“ въ настоящее время почти у всѣхъ на языкѣ. И гдѣ только не старались ее открыть! Право, религія, этика, зоологія, этнографія, даже моды и обряды—всѣ имѣютъ своихъ ученыхъ представителей подъ ея знаменемъ.

²⁾ А. Лянге, Исторія матеріализма, перев. Н. Страхова, т. II, стр. 248.

³⁾ Родовымъ признакомъ въ понятіи эволюціи является измѣненіе.

⁴⁾ Владиславлевъ, Логика. 2 изд. Стр. 178—175.

качественнаго *постоянства* въ явленіяхъ, подчиненныхъ его дѣйствию, — разумѣемъ не постоянство тѣхъ реальныхъ комплексовъ явленій, которые знаетъ вседневный опытъ (эти комплексы могутъ безконечно варіироваться), а постоянство образующихъ ихъ элементовъ. Между тѣмъ законъ эволюціи, понимаемый въ его широкомъ смыслѣ, есть законъ *измѣнчивыхъ* отношеній между явленіями. При эволюціонномъ процессѣ, если его понимать въ самомъ общемъ смыслѣ, субъектъ эволюціи въ каждомъ новомъ моментѣ своего развитія качественно отличенъ отъ самого себя въ предшествующіе моменты; а при такомъ представленіи дѣла понятіе „закона эволюціи“ заключало-бы въ себѣ *contradictio in adjecto*. Поэтому эволюціонистамъ, чтобы имѣть право толковать о *законѣ* эволюціи, необходимо сѣзуть понятіе о послѣдней и призвать одно изъ двухъ: или—1) что существуетъ нѣкоторый качественно неизмѣняемый *субстратъ*, пребывающій самъ себѣ равнымъ при всѣхъ видоизмѣненіяхъ своей формы, или—же—2) полагать это неизмѣняемое въ самой *формѣ* процесса, подобно тому, какъ въ алгебраическомъ рядѣ: $\frac{1}{3} - \frac{1}{5} + \frac{1}{7} - \frac{1}{9} + \dots$ каждый членъ образуется по формулѣ: $\frac{(-1)^{n+1}}{2n+1}$ — чрезъ измѣненіе значеній для *n* отъ 1 до ∞ . То и другое предположеніе дѣйствительно и было сдѣлано и легло въ основу двухъ типовъ эволюціонизма.

Второе предположеніе воплотилось въ эволюціонизмъ, который можетъ считать своей родоначальницей, если не захочетъ углубляться въ отысканіе отдаленныхъ генеалогическихъ слѣдовъ,—напримѣръ, Гегелевскую философію съ ея закономъ „діалектическаго развитія“¹⁾. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ эту теорію уже давно начали примѣнять къ исторіи и другимъ гуманитарнымъ наукамъ²⁾. Нѣтъ нужды говорить, что это—не тотъ эволюціонизмъ, съ которымъ намъ въ настоящемъ

¹⁾ Любители аналогій и историческихъ сближеній ставили даже натуралистическій эволюціонизмъ въ связь съ Гегелевской философіей.—См. *Riehl*, *Philos Kritikismus*, II, II: 126—127.

²⁾ Напримѣръ, уже старше тюбингенцы говорили о „моментахъ діалектическаго развитія“ въ догматическомъ вѣросознаніи христіанской церкви первыхъ вѣковъ. Наблюденія надъ историческимъ ходомъ въ развитіи философской мысли также могутъ дать богатую пищу подобному возрѣнію.

случаѣ приходится считаться. Въ первомъ-же смыслѣ эволюціонистическая доктрина исповѣдуется преимущественно *натуралистами*, къ которымъ въ данномъ случаѣ примыкають и представители психологическаго эволюціонизма, напр., Спенсеръ. Они признають неизмѣннымъ субстратомъ эволюціонныхъ модификацій *матерію* и потому хотять установить такую формулу эволюціи, которая-бы выражала законъ „*постояннаго перераспределенія матеріи и движенія*“¹⁾. О научномъ и философскомъ значеніи этого именно эволюціонизма мы и поведемъ рѣчь.

Этотъ видъ эволюціонизма, примыкая тѣснѣйшимъ образомъ къ *метафизической* доктринѣ матеріализма, имѣетъ столько-же научнаго значенія, сколько имѣетъ его послѣдній. Матеріализмъ-же для естествознанія имѣетъ значеніе лишь *методологическаго принципа*, а не закона. Различіе-же между методологическимъ принципомъ и закономъ науки—вотъ въ чемъ: первый характеризуетъ *способъ представленія*, съ какимъ естествоиспытатель долженъ приступать къ своему изслѣдованію, а послѣдній выражаетъ постоянную и *общеобязательную* формулу отношеній между изслѣдуемыми явленіями,—формулу, которая годилась-бы для всякаго способа представленія. Сказанное можно пояснить однимъ довольно грубымъ примѣромъ. Рассказываютъ, будто турецкіе муллы, которые по магометанскому закону должны быть и врачами, изучаютъ свойства человѣческаго организма безъ помощи анатоміи, не дозволенной кораномъ. Способъ представленія внутреннихъ процессовъ въ организмѣ у нихъ—самый фантастическій: злые и добрые духи завѣдуютъ почти каждой органической функціей; натурфилософія ихъ—въ подобномъ-же родѣ... И однакожь они сумѣли собрать массу критически провѣренныхъ и систематизированныхъ наблюденій надъ органическими отправлениями, подмѣтити множество связей между разными органическими разстройствами и внѣшними условіями жизни. Эти устанавливаемые ими законы *эмпирическихъ* отношеній, если только установка ихъ велась съ надлежащей критической осторожностью, имѣють

¹⁾ Спенсеръ, Основныя начала, ч. II, пер. *Алексыева*, 1886 г. § 57, стр. 134.

полную цѣнность и для Европейскаго врача—эксперименталиста, который за явленіями предполагаетъ не духовъ, а матерію, химическіе процессы и проч. Разница между нимъ и муллою—лишь въ способѣ истолкованія явленій, а *законы явленій* тотъ и другой устанавливаютъ одни и тѣ-же.—Такъ и для натуралиста материалистическій образъ представленія наиболѣе простъ и доступенъ;—по этой канвѣ онъ и располагаетъ свои умственные комбинаціи, касающіяся изучаемыхъ явленій. Но полученные имъ законы явленій должны быть такого сорта, чтобы ихъ съ удобствомъ могъ принять и представитель *другой метафизики*, на примѣръ спиритуалистической. „Эмпирическіе законы, говоритъ Лянге, имѣютъ свои права совершенно независимо отъ сведенія къ причинамъ явленій“ ¹⁾. И мы дѣйствительно можемъ видѣть примѣры такого замѣчательнаго согласія между представителями діаметрально противоположныхъ метафизическихъ исповѣданій: врачъ—психіатръ (почти всегда материалистъ) и аскетъ—священникъ, умудренный какъ собственнымъ опытомъ, такъ и многочисленными признаніями своихъ духовныхъ дѣтей,—почти всегда отлично поймутъ другъ друга, если только захотятъ отнестись другъ къ другу безъ предубѣжденія, отбросивъ на время свои „*idola theatri*“. Весьма возможно, что при этомъ каждый изъ нихъ будетъ переводить для себя термины своего собесѣдника въ форму своихъ обычныхъ представленій. Вотъ еще примѣръ, разъясняющій понятіе методологическаго принципа: политическая экономія развиваетъ свое содержаніе при руководствѣ того основнаго методологическаго принципа, что „человѣкъ есть благоразумный эгоистъ, всегда предпочитающій достиженіе наибольшей выгоды съ наименьшей затратой усилій“ ²⁾. Законы политико-экономической статики и динамики только подъ такимъ угломъ зрѣнія становятся ясны. Но

¹⁾ Лянге, Ист. матер., II, 349. На примѣръ, эмпирическихъ путемъ можно составить полную теорію описокъ или, какъ это сдѣлалъ Дробиншъ, свести на опредѣленные числовыя отношенія наклонность поэта къ болѣе легкимъ или труднымъ формамъ стиха, не принимая при этомъ во вниманіе мозга и нервовъ, хотя эти факты и принадлежатъ уже безспорно къ области *физиологической психологіи*.—*Ibid.* 348.

²⁾ См. въ Лекціяхъ политической экономіи проф. А. И. Чупрова (изд. 1892 г.) вводный отдѣлъ.

такая точка зрѣнія совершенно необязательна для другихъ наукъ: напримѣръ, этика развиваетъ свои теоремы при руководствѣ совершенно противоположнаго методологическаго принципа,—предполагая въ человѣкѣ преобладаніе альтруистическихъ склонностей надъ всякими другими. Даже въ области самаго естествознанія и при томъ въ одномъ и томъ-же вопросѣ, признается вполнѣ умѣстнымъ и дозволительнымъ различіе въ представленіи того, что стоитъ зади явленій, лишь-бы только это не мѣшало вѣрно устанавливать связь явленій. Извѣстный физикъ Махъ говоритъ: „При изслѣдованіяхъ природы все дѣло сводится только къ знанію *связи явленій*. Все, что мы представляемъ себѣ *зади* явленій, существуетъ только въ нашемъ умѣ, имѣетъ для насъ значеніе только мнемоническаго приема или формулы, которая, будучи произвольной и не важной, легко можетъ быть измѣняема вмѣстѣ съ уровнемъ нашей культуры“ ¹⁾. Напримѣръ, теплоту, по мнѣнію Маха, одинаково можно представлять себѣ,—и какъ матерію, и какъ движеніе. Сущность механической теоріи теплоты состоитъ въ уравненіяхъ, которыя опредѣляютъ связь количества теплоты съ производимой имъ работой и обратно. А эти уравненія будутъ одинаково пригодны для обоихъ способовъ представленія ²⁾. Что матеріализмъ въ естествознаніи имѣетъ такое именно, чисто условное, значеніе—лишь наиболѣе удобнаго и легкаго способа представленія, а не можетъ претендовать на объективную истинность,—это блестящимъ образомъ доказано въ знаменитой „Исторіи матеріализма“ Альберта Лянге. Такое-же значеніе долженъ имѣть и органически связанный съ нимъ натуралистическій эволюціонизмъ.

Если эволюціонный принципъ, какъ мы сейчасъ сказали, не есть законъ природы, а лишь методологическое начало ея изясненія, то этимъ опредѣляется его какъ имманентное (въ предѣлахъ самаго естествознанія), такъ и объективное (гносеологическое) значеніе.

1) *Mach*, Die Geschichte und die Wurzel des Satzes von der Erhaltung der Arbeit, 1872, S. 25;—цитата взята въ книгѣ проф. А. И. Введенскаго, Опыт построения теоріи матеріи на принципахъ критической философіи, ч. I. стр. 137.

2) *Введенскій*, *ibid.*

другаго. Такъ создается *фикція эволюціи* ¹⁾. Полезная для классификаціи, фикція эта сохраняетъ свое значеніе въ наукѣ.

Классификація-же въ наукѣ, независимо отъ систематическихъ задачъ послѣдней, полезна, какъ необходимое пособіе, всегда предшествующее приложенію индуктивныхъ методовъ открытія причинной связи явленій ²⁾. Не трудно видѣть, что классификація, дѣлающая въ самомъ расположеніи классифицируемыхъ предметовъ и явленій аллюзію на ихъ происхожденіе другъ изъ друга, — eo ipso принимаетъ на себя задачу установить причинное отношеніе различныхъ свойствъ предметовъ, т. е., *ту-же самую задачу*, какую преслѣдуетъ и вообще естественная наука. Удивляться-ли послѣ того, что такая дважды полезная классификація столь любезна наукѣ?

Таково имманентное значеніе эволюціоннаго принципа въ естествознаніи. Мы должны смотрѣть на него, какъ на *логическую фикцію*, придавать которой *метафизическое* значеніе ни одинъ серьезный ученый не долженъ.

Дѣлая этотъ выводъ, мы впрочемъ не скрываемъ отъ себя смѣлости такого шага, могущаго легко показаться просто дерзостью капитальнаго невѣжества ³⁾. Въ самомъ дѣлѣ, не видимъ ли мы, что творецъ эволюціонной теоріи, ученѣйшій Чарльзъ Дарвинъ, ея талантливѣйшіе защитники въ родѣ Геккеля и легіоны другихъ менѣе блестящихъ, но тѣмъ не менѣе серьезнѣйшихъ ученыхъ изъ ихъ послѣдователей, — почти всѣ профессора естественно-историческихъ наукъ во всѣхъ западно-европейскихъ и русскихъ университетахъ, — принимаютъ эволюціонную теорію въ

¹⁾ Слово *фикція* мы употребляемъ безъ всякаго намѣренія инсинуировать метафизическую живость закона эволюціи. Философская точка зрѣнія, желающая оставаться *критической*, а не переходить въ *догматическую*, такихъ приговоровъ провозносить не позволяетъ; поэтому мы о всякомъ метафизическомъ объясненіи готовы утверждать словами г. Введенскаго: „Можетъ быть это и вѣрно, да недостоверно!“ (Опытъ постр. теор. матер. etc., стр. 316). Мы въ данномъ случаѣ хотимъ только характеризовать *логическую* природу этого закона и употребляемъ терминъ, *принятый въ логикахъ* (Владиславлевъ, Логика, 2 изд. стр. 223).

²⁾ Милль, Сист. лог. II, 262.

³⁾ Помнится, что подобный отзывъ сдѣлалъ относительно мнѣнія Н. Н. Страхова о дарвинизмѣ профессоръ Московскаго университета К. А. Тимирязевъ въ одной изъ своихъ статей, помѣщенныхъ въ „Русской Мысли“ въ 1889 году.

самомъ реальномъ смыслѣ? Вѣдь если-бы они,—скажутъ намъ,— только подозрѣвали, что законъ эволюціи есть лишь методологическій принципъ, логическая фикція, то развѣ они стали-бы тратить массу труда на вычисленіе времени, потребнаго для *дѣйствительнаго* образованія однихъ видовъ изъ другихъ? —На это считаемъ нужнымъ сказать, что мы нисколько не желаемъ посягать ни на господство эволюціонной теоріи въ наукѣ, ни на авторитетъ всѣхъ упомянутыхъ ученыхъ; напротивъ, мы считаемъ эволюціонный принципъ *въ высшей степени плодотворнымъ принципомъ* для науки и желаемъ ему торжества и въ тѣхъ областяхъ науки, куда онъ пока еще не успѣлъ проникнуть. Мы только даемъ ему нѣсколько особое истолкованіе. Но не все-ли равно, въ сущности, для науки,—будетъ-ли эволюціонный процессъ реальнымъ или только фиктивнымъ? Вѣдь для науки онъ важенъ не самъ по себѣ, а лишь со стороны той пользы, какую его открытіе оказываетъ индуктивному изслѣдованію природы. И мы полагаемъ, что допускаемъ не только не большую, а гораздо меньшую дерзость, чѣмъ та, которую допустилъ Кантъ, объявивши законы природы лишь объективированными формулами субъективной закономерности въ отношеніяхъ ощущеній и представленій. Законъ эволюціи въ наукѣ останется на своемъ мѣстѣ,—только ему будетъ, говоря Кантовскимъ языкомъ, отказано въ „трансцендентномъ употребленіи“.

Если-же, не смотря на данныя разъясненія, все-таки нужно приводить основанія, почему мы не признаемъ реального значенія за закономъ эволюціи, то мы можемъ указать на два основанія: 1) Доселѣ еще никому не удалось доказать *дѣйствительный* переходъ хоть одного вида въ другой, существенно отъ него различный и притомъ высшій: обыкновенно всѣ доказательства касаются простой возможности такого перехода въ гипотетическомъ и отдаленномъ отъ насъ на многія тысячилѣтія пропешдемъ; затѣмъ—2) признаваемые въ наукѣ факторы эволюціи,—наслѣдственность, половой подборъ и борьба за существованіе,—недостаточны и для объясненія *возможности* такого перехода: они удовлетворительно объясняютъ только *сохраненіе* въ родѣ и устойчивость какимъ-либо (доселѣ

еще не открытымъ) образомъ возникшихъ уже особенностей, но отнюдь не *возникновение* ихъ. Раскрытіе обоихъ этихъ положеній въ нашу настоящую задачу не входитъ.

Если мы теперь спросимъ себя,—каково-же объективное значеніе эволюціонной теоріи, безотносительно къ естествознанію, и въ частности,—приложима-ли она въ чисто духовной области познавательныхъ явленій, то мы, во-первыхъ, должны будемъ сказать, что ея значеніе здѣсь—совершенно *условно*, а во-вторыхъ, даже признавая ея приложимость въ этой области, мы уже не затруднимся отказать ей въ томъ *гносеологическомъ* значеніи, какое она имѣетъ, на примѣръ, у Спенсера.

Значеніе эволюціонной теоріи для познавательныхъ процессовъ—совершенно условное, потому что оно опредѣляется или метафизической справедливостью матеріалистической гипотезы касательно сущности душевныхъ явленій ¹⁾ или-же плодотворностью самой идеи развитія для пониманія и эмпирико-психологическаго истолкованія познавательныхъ процессовъ. Но права матеріалистическаго объясненія въ психологіи, говоря вообще, весьма спорны и, во всякомъ случаѣ, очень ограничены ²⁾. Полезность идеи развитія въ современной психологіи дѣйствительно признается, и результатомъ этого признанія явились многочисленныя отрасли психологической науки, объединяемая въ понятіи *объективной* психологіи,—напримѣръ, психологія ребенка, психологія народовъ, психологія животныхъ и проч. ³⁾. Но любопытно, что при этомъ *субъективная* психологія все-таки сохраняетъ центральное положеніе. Результаты объективно-психологическихъ наблюденій необходимо должны переводиться на языкъ субъективной психологіи или выражаться въ терминахъ непосредственнаго сознанія ⁴⁾. Слѣдовательно, элементы и формы собственно *психологическихъ* явленій всегда остаются неизмѣнными. Эволюционировать могутъ только комбинаціи того эмпирическаго матеріала, который укладывается въ эти формы и образуетъ ихъ содержаніе. Напримѣръ,

¹⁾ Ляге, Ист. мат., II, 348 ср. 342 и слѣд.

²⁾ См. на этотъ счетъ очень дѣльные разсужденія Ляге во II томѣ: глава I изъ I отдѣла и глава II изъ III отдѣла; Ср. также стр. 351 и слѣд.

³⁾ Гейдингъ, Очерки психологіи, основанной на опытѣ. Рус. пер. Изд. журнала „Вопр. физ. и псих.“ 1892. I, 5, стр. 7 и слѣд. I, 8 е, стр. 29.

⁴⁾ Ibid. I, 6: стр. 10—13. Ср. I, 8 f: стр. 30.

психологическій характеръ чувствованій и логика у ребенка и дикаря должны быть признаны существенно такими-же, какъ у взрослого и цивилизованнаго человѣка: разница можетъ быть только въ предметныхъ ассоціаціяхъ и матеріальныхъ акціомахъ. Если ребенокъ предлагаетъ своей ногѣ сухарь, то, очевидно, онъ видитъ въ своей ногѣ самостоятельное существо. Но эта смѣшная странность однако-же заставляетъ уже насъ признать его дѣйствія *вполнѣ логичными*, когда онъ и въ другихъ случаяхъ обращается съ частями своего организма, какъ съ посторонними предметами ¹⁾. Дикарь, не зная природы эхо, принимаетъ его за голосъ божества и съ этой точки зрѣнія *вполнѣ логично* удивляется глупости путешественника, не умѣющаго умозаключать по категоріи причинности ²⁾:

Сдѣланныя объясненія уже достаточно подготовили насъ къ выводу, что эволюціонная теорія не можетъ имѣть *гносеологическаго* значенія.

Эволюціонный процессъ,—будемъ-ли мы его разсматривать, какъ фактъ, или какъ только постулять,—есть, во всякомъ случаѣ, фактъ или постулять *эмпирическаго* познанія. Слѣдовательно, его собственная достовѣрность опредѣляется общими условіями возможности всякаго опыта. Опытъ возможенъ единственно подъ условіемъ всеобщей—необходимой достовѣрности формально—логическихъ принциповъ познанія и т. н. реальныхъ категорій. Ergo, эволюціонная теорія не имѣетъ никакого логическаго права простираť свои выводы на эти принципы и категоріи, а должна ограничить сферу своего приложенія лишь областью опыта. Если-же она вздумаетъ говорить и объ измѣнчивости сверхъопытныхъ (априорныхъ) формъ познанія, то допуститъ грубѣйшій софизмъ, принадлежащій къ разряду „*quaternio terminorum*“, именно къ „*sophisma a dicto secundum quid ad dictum simpliciter*“. Вотъ почему эволюціонизмъ не можетъ быть логической основой *релятивизма*. Но онъ не можетъ быть и основой *реализма*, потому что требованіе реального субстрата эволюціи есть ничѣмъ не оправдываемое трансцендентальное употребленіе категоріи субстанціаль-

¹⁾ *Ibid.* I, 4: стр. 6—7.

²⁾ Имѣемъ въ виду фактъ, рассказанный у *Спенсера* въ его *Основаніяхъ социологіи*,—рус. пер. 1876. § 58, стр. 133.

ности (нѣтъ измѣненія безъ измѣняющагося),—а это уже *догматизмъ*.

Тѣ-же выводы можно получить и другимъ путемъ,—именно, оставаясь на той самой психологической или, точнѣе, опытной точкѣ зрѣнія, съ которой мы разсматривали общій вопросъ о мѣрѣ приложимости эволюціонной теоріи къ области духовныхъ явленій.

Если психологическая природа познавательныхъ процессовъ остается, какъ мы сказали, всегда одна и та-же, то говорить объ относительности принциповъ познанія представляется довольно труднымъ. И намъ кажется, что, напримѣръ, формальные принципы познанія (законы мышленія) всегда были и остаются одни и тѣ-же. Даже болѣе того, мы полагаемъ, что они одни и тѣ-же даже и у животныхъ. Основные приемы познанія (индукція и дедукція) тоже едва-ли могутъ имѣть только относительное значеніе. Эволюція можетъ угрожать только *реальнымъ* познаніямъ. Но и противъ этого существуетъ надежное средство въ критической осторожности. Обыкновенно, въ доказательство противнаго указываютъ на равныя нелѣпыя, съ нашей точки зрѣнія, мнѣнія, бывшія въ-когда не только общепризнанными, но и считавшіяся прямо за научныя аксіомы. Но мы полагаемъ, что, если-бы эти мнѣнія были проверены со всею строгостью, даже по *тогдашней* логикѣ, то имъ и тогда было-бы отказано въ несомнѣнности. Милль въ своемъ трактатѣ о заблужденіяхъ (5-я книга логики) приводитъ много нелѣпыхъ натурфилософскихъ положеній греческихъ философовъ. Всѣ эти положенія произошли—отъ смѣшенія словъ и вещей (родовой грѣхъ античной философіи), отъ неправильностей въ обобщеніи, отъ *ignotatio elenchi* при дедуктивныхъ выводахъ и т. п. Но самыя подробныя и дѣльныя правила для избѣжанія этихъ недостатковъ даны въ сочиненіи Аристотеля: „*Περὶ σοφιστικῶν ἐλέγχων*“, ¹⁾ что, впрочемъ, не помѣшало са-

¹⁾ Напримѣръ въ IV главѣ онъ исчисляетъ цѣлыхъ шесть видовъ софизмовъ, происходящихъ отъ двусмысленности словъ (омонимія, амфиболія, *διαίρεσις*, *πρόωδια* и пр.). Для нашего времени такая подробность была-бы излишнею, но тогда она была насущной потребностью. Очевидно, Аристотель понималъ болѣзнь своего вѣка. Точно также онъ подробно говоритъ и объ *ignotatio elenchi* (гл. XXVI) и пр. Очевидно, идеалъ знанія въ условія строгой его достовѣрности были ясны и тогда. См. Владиславлева, Лог. 2 изд. стр. 44—47 въ прилож.

тому Аристотелю высказать не мало дикихъ теоремъ по физикѣ и астрономіи. Еще менѣе основаній признавать относительными познанія, считающіяся въ наше время вполне достовѣрными. При тѣхъ тщательныхъ различеніяхъ въ области основоположевіи знанія—между аксіомами, постулатами, методологическими принципами и логическими фикціями, а въ области результатовъ—между закономъ, теоріей, гипотезой и т. п., при той вѣрности, съ какою въ настоящее время наука старается отмѣчать каждый свой шагъ и каждое свое приобрѣтеніе извѣстными сигнатурками модальности (*oportere, esse, posse*),—едва-ли возможно принять въ строгомъ смыслѣ за безспорное то, что впоследствии окажется ложнымъ. Наше время можно винить въ крайней требовательности касательно признаковъ достовѣрности. Зато что мы признаемъ—то за безусловно достовѣрное,—то ужъ дѣйствительно достовѣрно и не для настоящаго только времени, а навсегда! А основа нашей достовѣрности—логика, да фактъ, и съ этой опоры ужъ никакая эволюція насъ не столкнетъ ¹⁾. Система знаній, строящихся на этомъ основаніи, образуетъ вѣчное стяжаніе человѣческой мысли. Строящееся такимъ путемъ міровоззрѣніе подобно зданію, гдѣ фундаментъ есть опытъ, кирпичи—факты, а цементъ—логика. Здѣсь каждый наложенный и надлежащимъ образомъ укрѣпленный рядъ камней образуетъ неподвижный базисъ для новыхъ надстроекъ. Можно еще допустить, хотя и не безъ оговорокъ, что время и эволюція сметутъ съ лица земли воздушныя постройки спекулятивной мысли ²⁾, но предъ постоянно растущимъ колоссомъ точнаго знанія они безсильны...

II. Тихомировъ.

1) Даже если-бы эволюція существенно измѣняла самыя функціи органовъ чувствъ, то и тогда-бы,—мы полагаемъ,—научно познанныя истины не потеряли-бы своей цѣны. Наука отмѣтила-бы *modus* измѣненія въ функціяхъ воспринимающихъ органовъ и только стала-бы впередъ давать наблюденій, собранныхъ при помощи нашей теперешней чувственности, переводить въ термины этой преобразованной чувственности. Научно познанные законы природы при этомъ, разумѣется, остались-бы одни и тѣ-же.

2) Въ сущности и эти построенія не уносятся безслѣдно эволюціей. Они, по удачному выраженію *Сталли Прудома* „оставляютъ послѣ себя долгое и громкое эхо“, которое побѣждаетъ всѣхъ послѣдующимъ поколѣніямъ о высокомъ, но не осуществленномъ идеалѣ познанія. Созданіе копейныхъ идеаловъ знанія есть безспорная заслуга спекулятивной мысли.

О СЛУЧАЙНОСТИ ЗАКОНОВЪ ПРИРОДЫ.

Эмиля Бутру, профессора Парижскаго Университета.

„Εἶναι καὶ τυχερὰ θεοῦ.“

(Aristot. De part. anim., I, 5).

(Переводъ со втораго французскаго изданія подъ редакціей доцента Московской Духовной Академіи П. П. Соколова).

(Продолженіе *).

ГЛАВА VII.

О чело в ѣ к ѣ.

Одно изъ основныхъ правилъ науки состоитъ въ томъ, чтобы допускать возможно меньше причинъ и стараться сводить новые факты къ причинамъ уже известнымъ. Поэтому, развѣ мы обладаемъ понятіями и законами бытія, родовъ, матеріи, тѣлѣ и жизни, не можемъ-ли мы объяснить все изъ этихъ принциповъ, и не исчерпывается-ли ими слишкомъ длинный списокъ постулатовъ науки?

Все, что міръ предоставляетъ уму, дѣйствительно было-бы объяснимо путемъ давнихъ принциповъ, если-бы въ сферу такого объясненія могъ входить человекъ; потому что внѣ тѣхъ формъ бытія, къ которымъ непосредственно примѣнимы эти принципы, не остается другого эмпирическаго факта, кромѣ человѣческой природы.

Наше непосредственное чувство, безъ сомнѣнія, говоритъ за то, что между человекомъ, одареннымъ разумомъ и словомъ, и остальными живыми существами есть коренное различіе. Но не ослабляется-ли это вѣрованіе сравненіемъ и наблюденіемъ? Не видимъ-ли мы, что человѣческая природа, какъ въ прош-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1899 г. № 8.

ломъ, такъ и въ настоящемъ, представляетъ рядъ ступеней, сближающихъ ее съ низшими существами? Нельзя-ли сказать, что даже способности самаго выдающагося человѣка, вызывающія наше удивленіе, имѣютъ свой естественный генезисъ, что онѣ вытекаютъ изъ болѣе простыхъ способностей и въ концѣ концовъ, можетъ быть, сводятся къ элементарнымъ свойствамъ, присущимъ всякому живому существу, напр., къ способности отвѣчать на дѣйствіе внѣшнихъ вещей рефлекторно-автоматическимъ дѣйствіемъ? Не есть-ли ощущеніе только столкновение внѣшнихъ вліяній съ нашими собственными влеченіями, болѣе или менѣе несовершенно приспособленными къ нимъ? Не исчезаетъ-ли оно, когда приспособленіе, становится полнымъ, какъ напр., въ привычкѣ, или когда возбужденіе слишкомъ слабо, какъ напр., во снѣ? Не есть-ли мысль только внутренняя репродукція внѣшнихъ явленій, распредѣленныхъ по постоянству ихъ связей? И не является-ли такая репродукція дѣломъ самихъ явленій, которыя стремятся одно за другимъ отпечатлѣть свой слѣдъ въ нашемъ умѣ, этой восковой пластинкѣ, обладающей твердостью, достаточной для того, чтобы воспринимать и сохранять ихъ слѣды? Наконецъ, не есть-ли воля только совокупность истинныхъ прирожденныхъ или прибрѣтенныхъ влеченій, начинающихъ дѣйствовать подъ вліяніемъ внѣшняго стимула и налагающихъ въ свою очередь на вещь свой отпечатокъ? Что касается сознанія свободы воли, то не есть-ли оно простое чувство того, что мы сами причина нашихъ дѣйствій (чувство справедливое, такъ какъ наши влеченія—мы сами), соединенное съ ощущеніемъ борьбы нашихъ желаній и съ незнаніемъ причинъ, опредѣляющихъ ея исходъ.

Такимъ образомъ вся психическая дѣятельность, повидимому, можетъ быть сведена къ рефлекторной активности. Но не существуетъ-ли послѣдняя уже въ фізіологическомъ мірѣ? Не есть-ли она функція всякаго организма? Не прибрѣтаетъ-ли она, особенно въ высшихъ организмахъ, только исключительную сложность, координированность и способность къ приспособленію?

Отсюда, необходимо-ли для объясненія человѣка допустить новый принципъ? Не сводятся-ли въ концѣ концовъ его спо-

способности, даже самыя высшія, къ фізіологическимъ свойствамъ, специализировавшимся въ силу общаго закона дифференціаціи? Не въ фізіологіи-ли слѣдуетъ искать объясненія психическихъ явленій? Не будетъ-ли бесполезнымъ, незаконнымъ и опаснымъ притязаніемъ считать психологію особою наукою, не имѣющей другихъ отношеній къ фізіологіи, кромѣ тѣхъ, какія могутъ существовать, наприм., между фізіологіей и физикою?

Повидимому, несомнѣнно установлено, что въ настоящей жизни всякое психическое явленіе обусловливается опредѣленными фізіологическими явленіями, и потому изслѣдовать фізіологическія условія душевной жизни точно такъ-же законно, какъ изслѣдовать физическія условія органической жизни, или механическія условія физическихъ измѣненій. Но можетъ-ли подобное изслѣдованіе, какіе бы успѣхи оно ни сдѣлало, привести къ поглощенію психологіи фізіологіей?

Во всѣхъ психическихъ явленіяхъ встрѣчается въ различной степени одинъ элементъ, который принимается какъ безспорный фактъ и теоріей рефлкторной активности, и теоріей трансформированныхъ ощущеній, хотя и не объясняется ими: это—сознаніе самого себя, рефлексія на свои собственныя состоянія, личность. Всякое психическое явленіе есть или можетъ быть состояніемъ сознанія, что и охватываетъ слово „сознаніе“.

Ощущеніе уже содержитъ этотъ элементъ, а потому построить способности души изъ ощущеній,—значитъ предполагать то, что именно и составляетъ проблему. Что-же касается рефлкторной активности, то способна-ли ова путемъ аналитическаго развитія породить сознаніе? Можно-ли, разлагая послѣднее на его элементы, показать, что они вмѣстѣ съ закономъ ихъ сочетанія содержатся всецѣло въ рефлкторной дѣятельности?

Быть можетъ, скажутъ, что актъ сознанія есть только воспріятіе различія? Но воспріятіе предполагаетъ мыслящаго субъекта.

Или, можетъ быть, сознаніе отличается отъ физическихъ явленій только отсутствіемъ въ его состояніяхъ одновременности, а послѣдовательный порядокъ, общій и психическимъ, и фізіологическимъ явленіямъ, дѣлаетъ ихъ однородными? Но почему же простая послѣдовательность должна предполагать самоощу-

щеніе, между тѣмъ какъ послѣдовательность, соединенная съ одновременностью, должна исключать его?

Или, можетъ быть сознаніе есть накопленіе жизненной силы, происшедшее благодаря внѣшнимъ раздраженіямъ и централизаціи органической системы? Но какимъ образомъ жизненная сила, накапливаясь, приобрѣла бы такое свойство, котораго она въ состояніи разсѣянія не обнаруживаетъ ни въ какой степени?

Или сознаніе есть только столкновеніе внѣшнихъ силъ съ влеченіями организма? Но почему-же это столкновеніе производитъ сознаніе, тогда какъ столкновеніе одного тѣла—съ другимъ не производитъ его?

Вообще нѣтъ выхода изъ слѣдующей альтернативы: нужно или искусственно свести сознаніе къ органическому факту, изъ котораго его требуется вывести, или взять сознаніе въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ, и признать, что свести его вполне аналитическимъ путемъ къ чисто органическому факту невозможно. Въ дѣйствительности то, что анализируютъ въ этомъ случаѣ подъ именемъ сознанія, не есть самое сознаніе: здѣсь изслѣдуются или его условія, или его предметъ. Условія сознанія образуютъ сложную совокупность, которая, быть можетъ, сводится всецѣло или отчасти къ фізіологическимъ и физическимъ элементамъ. Точно также и его предметъ (ощущенія, мысли, желанія), рассматриваемый самъ по себѣ, образуетъ сложную совокупность, которая можетъ представлять болѣе или менѣе точный параллелизмъ съ послѣдовательностью фізіологическихъ фактовъ. Но самое сознаніе есть несводимое данное, которое лишь затемняется объясненіемъ и разрушается анализомъ. Отыскивать отдѣльные элементы сознанія съ тѣмъ, чтобы связать ихъ съ элементами низшихъ функцій или противопоставить имъ,—значитъ потерять изъ виду самое сознаніе и рассматривать только его матеріалъ или работу. Сознаніе—не вещь, не свойство и даже не функція; оно есть актъ, превращеніе внѣшнихъ явленій во внутреннія, родъ живой формы, въ которой послѣдовательно отливаются и видоизмѣняются вещи. Въ немъ весь міръ можетъ найти себѣ мѣсто, теряя свою сущность и форму и облакаясь въ новую, идеальную форму, одновременно и сходную и несходную съ его дѣй-

ствительной природой. Сознаніе есть принципъ столь глубокой переработки явленій, что знаніе предшествующихъ видоизмѣненій никогда не могло-бы дать о немъ понятія. Съ одной стороны, оно ничего не прибавляетъ къ бытію, такъ какъ вещи, не будучи воспринимаемы ими, все-же могли-бы существовать; съ другой,—оно именно и создаетъ бытіе, такъ какъ сознательная личность, эта высшая форма бытія, приписываетъ реальность только тому, что входитъ или можетъ входить въ ея сознаніе. Съ одной стороны рефлкторная дѣятельность, не будучи предметомъ внутренняго воспріятія, ничего не теряетъ изъ своей сущности, и самыя сложныя сочетанія различныхъ рефлкторныхъ актовъ могутъ быть понятны безъ участія въ нихъ сознанія, какъ составнаго элемента; вѣдь, когда говорится о рефлкторныхъ дѣйствіяхъ, дѣло идетъ о познаваемыхъ вещахъ, а не о познающихъ личностяхъ. Съ другой стороны сознаніе нисколько не освѣщаетъ самихъ рефлкторныхъ дѣйствій, такъ какъ оно не открываетъ намъ того, что происходитъ въ нашемъ организмѣ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Оно производитъ явленія совершенно иного рода,—явленія, которыя, будучи нѣкоторымъ образомъ связаны съ фізіологическими процессами и воспроизводя болѣе или менѣе точно порядокъ ихъ существованія, тѣмъ не менѣе образуютъ сами по себѣ особый міръ и (чего нельзя было-бы предполагать, имѣя въ виду исключительно рефлкторныя дѣйствія) міръ, закрытый для другихъ сознаній.

Вообще не важно, что въ ощущеніи, мысли и желаніи можно найти элементы, позволяющіе поставить ихъ въ параллельную связь съ фізіологическими явленіями. То, что не имѣетъ для себя ничего подобнаго въ фізіологіи, есть сознаніе ощущенія, мысли и желанія. Точно также безразлично здѣсь и существованіе различныхъ степеней сознанія. Связь явленій съ „я“—вотъ все, что нужно разумѣть подъ сознаніемъ въ собственномъ смыслѣ слова. Эта именно связь и сообщаетъ ощущенію, мысли и желанію особую новую форму.

Такимъ образомъ, пытаются объяснить сознаніе путемъ аналитическаго построенія, комбинируя рефлкторныя дѣйствія по ихъ собственнымъ законамъ,—значитъ противорѣчить самой его

сущности. Съ этой точки зрѣнія ничего не можетъ быть сложнѣе сознанія. Между тѣмъ въ дѣйствительности, повидимому, нѣтъ ничего проще его, и природа нигдѣ въ такой степени не приближается къ идеальному предѣлу совершеннѣйшаго единства, какъ въ немъ. Сознаніе не есть спеціализація, развитіе или совершенствованіе фізіологическихъ функцій; оно не есть также ихъ внутренняя сторона или ихъ составной элементъ; оно есть элементъ новый, творческій. Человѣкъ, одаренный сознаніемъ, — болѣе, чѣмъ живое существо. Пока онъ есть личность, или пока его естественное развитіе кончается личностью, онъ обладаетъ совершенствомъ, до котораго не могутъ возвыситься существа, являющіяся только индивидуальными организмами. Форма, въ которой сознаніе возвышается надъ жизнью, есть абсолютный синтезъ, сложеніе безусловно разнородныхъ элементовъ. Такимъ образомъ, его связь съ жизнью случайна; по крайней мѣрѣ съ логической точки зрѣнія.

Можно-ли теперь утверждать, что эта связь мыслится самимъ разумомъ, который, выходя изъ понятія жизни и трансцендентально расширяя его, а priori предполагаетъ сознаніе, какъ необходимое слѣдствіе?

Такая ссылка на разумъ была-бы законной, если бы дѣло шло о сознаніи, какъ метафизическомъ принципѣ, абсолютно единомъ и тождественномъ по своему субъекту и объекту и, слѣдовательно, несводимомъ къ даннымъ опыта. Но сознаніе, о которомъ идетъ рѣчь въ психологіи, индивидуально и допускаетъ множество субъектовъ; притомъ въ каждомъ индивидуумѣ оно такъ сказать, развѣтвляется среди множества доступныхъ ему объектовъ и всюду проникаетъ въ разнообразную сферу опыта. Существованіе такого сознанія не можетъ быть открыто намъ апіорнымъ мышленіемъ, которое не знаетъ различія индивидуумовъ и безконечнаго разнообразія вещей; напротивъ, оно составляетъ непосредственный объектъ самого эмпирическаго сознанія, т. е., принадлежитъ къ области опыта. Такимъ образомъ, способъ, какимъ мы познаемъ природу сознанія, не даетъ основаній считать его реальное существованіе теоретически необходимымъ.

Наковецъ, можно-ли, основываясь на самомъ опытѣ, утверждать, что связь сознанія и жизни необходима фактически?

Для доказательства этого положенія недостаточно показать, что сознаніе появляется всякій разъ, какъ въ организмѣ осуществлены извѣстные условія, которыя можно болѣе или менѣе точно опредѣлить. Въ этомъ случаѣ остается еще узнать, не вызваны-ли эти условія самимъ сознаніемъ,—гипотеза вполне допустимая, если законы жизни случайны. Если однообразіе въ сосуществованіи обнаруживаетъ причинное отношеніе, то оно не указываетъ, какой изъ двухъ терминовъ служитъ причиной другого.

Чтобы признать всѣ нервныя процессы условіями сознанія, нужно было-бы объяснить ихъ исключительно одними законами общей физиологіи; но такая претензія кажется слишкомъ смѣлой. Болѣе глубокое изученіе иннерваціи, повидимому, все болѣе и болѣе ставитъ эту функцію въ совершенно особое положеніе. Нервное возбужденіе и разряженіе, присущая нервнымъ клѣткамъ способность сохранять въ продолженіе извѣстнаго времени впечатлѣніе внѣшнихъ вещей, передача этой своеобразной фосфоресценціи группамъ другихъ, не затронутыхъ видимымъ предметомъ, клѣтокъ, которыя начинаютъ вибрировать въ унисонъ съ нею и распространять въ свою очередь возбужденіе,—всѣ эти факты обыкновенно считаются не вполне соизмѣримыми съ такими элементарными жизненными свойствами, какъ напр., питаніе, ростъ и воспроизведеніе, или даже съ такими способностями, какъ способность къ сокращенію, которая однако уже превосходитъ эти общія свойства. Повидимому, отношеніе между элементарными физиологическими свойствами и иннерваціей подобно тому, какое существуетъ между чисто математическими формами матеріи и механическими условіями физическихъ и химическихъ явленій. Внимательное изслѣдованіе открываетъ глубокое различіе между самыми сложными аналитическими синтезами протяженія и движенія, насколько они существуютъ сами по себѣ, и тѣми ихъ видами, которыя играютъ роль условій для явленій высшаго порядка. Наблюдатель, констатируя эмпирическое родовое тождество тѣхъ и другихъ явленій, инстинктивно предполагаетъ,

что они тождественны и по происхожденію; но въ дѣйствительности всякое чисто механическое объясненіе высшихъ формъ бытія оказывается поверхностнымъ и неудовлетворительнымъ. Ошибка неизбежная, разъ высшее внимательство отклоняетъ вещи отъ ихъ обычнаго теченія, и притомъ отклоняетъ не рѣзко, а незамѣтно, и не на всемъ пространствѣ ихъ развитія, а только вначалѣ.

Можно было-бы полагать, что такое отклоненіе нервныхъ функцій отъ общихъ фізіологическихъ свойствъ только кажущееся, если бы существа, одаренныя нервной системой, отличались отъ существъ, лишенныхъ ея, вообще лишь степенью. Но присутствіе нервной системы совпадаетъ съ возникновеніемъ сознанія, т. е., способности, возвышающейся надъ всѣми жизненными функціями. Отсюда, нельзя-ли думать, что сознаніе, если оно появляется всякій разъ, когда существуютъ извѣстныя фізіологическія условія, само ставитъ себѣ эти условія, необходимыя для его проявленія? Если заря возвѣщаетъ солнцу, то это потому, что она отъ него исходитъ.

Но, можетъ быть, сознаніе вовсе не требуетъ какихъ-нибудь особенныхъ фізіологическихъ условій? Можетъ быть, начало сознанія уже связано съ основными жизненными свойствами, такъ что между низшими и высшими организмами существуетъ только различіе въ степени? Въ этомъ случаѣ извѣстное сознаніе существовало-бы даже у клѣтки, и чтобы произвести чело-вѣческое сознаніе; нужно было-бы только специализировать, измѣнить, и организовать сознанія клѣтокъ.

Если бы даже зачаточное сознаніе и было присуще каждой клѣткѣ, все-же оставалось бы несомнѣннымъ, что сознаніе, или чувство своего собственнаго существованія, несводимо къ чисто фізіологическимъ свойствамъ и не въ нихъ имѣетъ свое начало. Присутствіе сознанія въ клѣткѣ, какъ и въ высшихъ организмахъ, было бы случайнымъ. Но есть-ли основаніе полагать, что данная способность существуетъ въ низшихъ организмахъ?

Для доказательства этого положенія могутъ привести большое количество фактовъ, заимствованныхъ даже изъ наблюденій надъ инфузоріями и растеніями. Полипъ прѣсной воды,

напримѣръ, привлекаетъ къ себѣ живыя инфузоріи и водоросли и отстраняетъ мертвыя и неорганическія тѣла, производя своими щупальцами родъ водоворота. Есть растенія, которыя, повидимому, выбираютъ для себя точку опоры, содрогаются при прикосновеніи насѣкомыхъ и схватываютъ ихъ. Тысяча подобныхъ фактовъ, повидимому, доказываетъ, что въ самыхъ элементарныхъ организмахъ вѣннее вліяніе можетъ производить внутреннее возбужденіе, которое въ свою очередь можетъ порождать рефлкторное движеніе, приспособленное къ нуждамъ живого существа. Но возбужденіе и выборъ соотвѣтственныхъ дѣйствій не служатъ-ли признаками сознанія?

Сомнительно, что-бы возбужденіе и рефлкторное движеніе всегда сопровождалось сознаніемъ, потому что въ насъ происходитъ много такихъ возбужденій и рефлкторныхъ дѣйствій, которыя не проходятъ чрезъ наше „я“. Что-же касается соотвѣтственности дѣйствій, то она составляетъ то, что называется цѣлесообразностью. Однако можно-ли утверждать, что цѣлесообразность, хотя-бы она въ приведенныхъ фактахъ и не сводилась къ механизму, неизбѣжно предполагаетъ сознаніе въ томъ существѣ, въ которомъ она проявляется? Сознаемъ-ли мы тотъ процессъ, благодаря которому физическое, химическое и физиологическое устройство нашихъ органовъ приспособляется къ ихъ функціямъ?

Но, возразятъ, тотъ родъ сознанія, который, повидимому, отсутствуетъ въ физиологическихъ функціяхъ, состоитъ только въ ясномъ различеніи субъекта и объекта. Между тѣмъ такое пониманіе сознанія слишкомъ узко. Сознаніе допускаетъ безконечное множество степеней, начиная съ совершеннаго состоянія, которымъ характеризуется полная умственная жизнь, и кончая кажущимся уничтоженіемъ его во время сна. Обыкновенно пробужденіе застаетъ нашъ умъ не пустымъ, а занятымъ идеями, болѣе или менѣе различными отъ тѣхъ, которыя занимали его наканунѣ. Вниманіе и сосредоточеніе представленій дѣлаютъ ясными воспріятія, которыя сначала были темны и незамѣтны. А то, что въ связи съ другими элементами становится яснымъ, не было и раньше нулемъ. Вотъ такое-то темное сознаніе и существуетъ у низшихъ организмовъ,

Эта точка зрѣнія допускаетъ глубокія различія въ самомъ понятіи сознанія и въ концѣ концовъ искажаетъ его.

Въ самомъ дѣлѣ, когда идетъ рѣчь о человѣкѣ, сознаніе, сведенное даже къ минимуму его интензивности, всегда представляется актомъ, благодаря которому разнообразіе душевныхъ состояній соединяется съ единымъ „я“; другими словами, оно есть усвоеніе психическихъ явленій одному постоянному субъекту. Измѣняется только ясность воспріятія, а не единство „я“.

Когда-же говорится о низшихъ существахъ, о ихъ возбудимости и о цѣлесообразности ихъ дѣйствій, сознаніе уже не есть, да и не можетъ быть усвоеніемъ различныхъ ощущеній единому „я“. Вѣдь, единство сознанія имѣетъ своимъ условіемъ сравненіе ощущеній, а такое сравненіе предполагаетъ въ свою очередь центръ, къ которому сходятся всѣ впечатлѣнія, вызванныя различными объектами. Сознаніе, приписываемое низшимъ существамъ, можетъ быть только простымъ ощущеніемъ, мыслию или стремленіемъ, которыя способны существовать въ видѣ извѣстныхъ внутреннихъ возбужденій, но не могутъ восприниматься субъектомъ.

Но понимаемое въ этомъ смыслѣ сознаніе низшихъ существъ представляетъ въ сравненіи съ человѣческимъ большее различіе, чѣмъ простое различіе въ степени. Это уже не сознаніе „я“, концентрирующее въ себѣ и сравнивающее разнообразныя душевные элементы, а только агрегатъ безсвязныхъ сознательныхъ ощущеній. Въ то время какъ человѣческое сознаніе воспринимаетъ заразъ только одно ощущеніе, эти агрегаты заключаютъ множество и послѣдовательныхъ, и одновременныхъ ощущеній. Что касается клѣтки, или простого анатомическаго элемента, то единство, которымъ можетъ обладать ея сознаніе, радикально отличается отъ единства сознанія въ собственномъ смыслѣ этого слова. Клѣтка уже въ силу своей органической простоты можетъ имѣть только ощущенія одного и того-же качества. Единственныя различія, которыя могутъ существовать въ этомъ сознаніи, суть различія по количеству или интензивности. Между тѣмъ единство сознанія именно и составляетъ свойство субъекта, сравнивающего другъ съ дру-

гомъ различныя качества. Только при этомъ сравненіи субъектъ ощущаетъ себя и противопоставляетъ свое бытіе внѣшнимъ вещамъ.

Отсюда, какимъ образомъ можно понять, что человѣческое сознание вытекаетъ изъ сознанія, приписываемаго клѣткѣ?

Быть можетъ скажутъ, что личное сознание есть только равнодѣйствующая элементарныхъ сознаній, т. е., сознательныхъ ощущеній, мыслей и желаній, что, разъ сочетаніе этихъ сознательныхъ элементовъ произвело въ качествѣ равнодѣйствующей личное сознание, новыя ощущенія оказываются уже внутри или внѣ „я“, т. е., становятся воспріятіями, или остаются простыми ощущеніями, смотря по тому, стоятъ они въ связи съ этою равнодѣйствующей, или нѣтъ?

Но, вѣдь, элементарныя сознанія не обладаютъ даже зародышемъ того единства, которое характеризуетъ личное сознание; поэтому нельзя понять, какимъ образомъ послѣднее могло бы произойти изъ ихъ сочетанія. Кромѣ того, вообще не понятно, какимъ образомъ нѣсколько сознаній могло-бы такимъ образомъ сливаться въ болѣе и болѣе высшія сознанія. Въ дѣйствительности, повидимому, самымъ понятіемъ сознанія предполагается, что оно закрыто для другихъ сознаній. Если на это возразятъ, что данное свойство принадлежитъ исключительно сознанію „я“, а не сознаніямъ, лишеннымъ единства, то понятіе этихъ элементарныхъ сознаній станетъ неуловимымъ и ихъ противоположность личному сознанію сдѣлается еще болѣе радикальной.

Или станутъ утверждать, что личное сознание есть простой агрегатъ элементарныхъ сознаній?

Въ этомъ случаѣ отказываются объяснить его единство. Кромѣ того, если элементы цѣльнаго сознанія принадлежатъ каждой клѣткѣ, то, вѣдь, совокупность этихъ низшихъ сознаній всецѣло обновляется чрезъ извѣстное число лѣтъ, и остается непонятнымъ, почему сознание, которое должно ихъ обобщать, продолжаетъ существовать послѣ нихъ.

Наконецъ, можетъ быть, скажутъ, что личное сознание есть сознание какой-нибудь одной клѣтки мозга, которая достигаетъ высшей степени развитія благодаря своей связи съ остальными?

Такое объясненіе могло-бы быть достаточнымъ, если-бы

личное сознание отличалось отъ элементарныхъ сознаний только по интенсивности. Но дѣло идетъ о различіи по существу. Дѣло идетъ также о постоянствѣ сознания среди жизненнаго круговорота. Между тѣмъ, клѣтки мозга, не смотря на ихъ роль общаго пріемника впечатлѣній, представляютъ въ сравненіи съ другими клѣтками только различіе въ степени, и та разнородность, которая существовала-бы по этой гипотезѣ между ихъ свойствами и свойствами другихъ клѣтокъ, остается необъяснимой. Если почти сходныя анатомическіе элементы выполняютъ столь несоразмѣрныя функціи, то въ матеріи можно видѣть только орудіе, управляемое неодинаковыми силами.

Вообще, сознание, которое приписываютъ клѣткамъ, сходно съ личнымъ сознаниемъ только по имени. Безусловно лишенное субъективнаго единства, оно, при всѣхъ его мысленныхъ осложненіяхъ, не можетъ объяснить воспріятія качественныхъ различій, которое составляетъ свойство „я“. Поэтому нужно устранить это двусмысленное и ложное слово и говорить просто о бессознательныхъ ощущеніяхъ, мысляхъ и влеченіяхъ. Насколько такія явленія понятны, что остается отъ ощущеній, мыслей и желаній безъ „я“, которое у человѣка, повидимому, составляетъ ихъ сущность, чѣмъ различаются эти бессознательные элементы отъ простаго возбужденія, рефлѣкторнаго движенія и приспособленія,—все это имѣетъ уже второстепенную важность. Какъ скоро „я“ не есть ихъ причина, дѣло идетъ уже о свойствахъ, безусловно низшихъ въ сравненіи съ психическими явленіями въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Такимъ образомъ, остается несомнѣннымъ, что личное сознание не принадлежитъ всѣмъ живымъ существамъ, а существуетъ только тамъ, гдѣ мы видимъ особенную фізіологическую организацію. Если-бы эта организація возникла по исключительно фізіологическимъ законамъ, безъ участія высшаго начала, то хотя отсюда, безъ сомнѣнія, и не слѣдовало-бы, что сознание является ея результатомъ, потому что оно заключаетъ въ себѣ нѣчто большее, чѣмъ жизнь, однако возникновеніе сознания въ этомъ случаѣ было-бы необходимымъ въ той степени, въ какой оно связано съ сопровождающими его фізіологическими явленіями. Но если, напротивъ, можно до-

пустить, что жизненные свойства, которыя служатъ условіями сознанія, не объясняются одними общими законами жизни, если становится вѣроятнымъ, что само сознаніе участвуетъ въ ихъ осуществленіе то хотя-бы сознаніе и было связано въ данномъ мірѣ съ опредѣленными физическими условіями, оно реализуется случайно.

Итакъ, происхожденіе человѣка, какъ сознательнаго существа, не объясняется простой игрой физическихъ и физиологическихъ законовъ. Его существованіе и его дѣйствія вносятъ въ природу такія измѣненія, которыя она сама по себѣ не можетъ объяснить, и которыя представляются случайными, если мы станемъ на точку зрѣнія физическаго и физиологическаго міра.

Однако, какая важность въ томъ, что человѣкъ можетъ болѣе или менѣе располагать вещами, если онъ вновь найдетъ роковую необходимость въ себѣ самомъ, если его чувства, идеи, рѣшенія,—словомъ, вся его внутренняя жизнь, управляются особымъ закономъ, который неизбѣжно ихъ опредѣляетъ? Можетъ-ли независимость мыслящаго міра въ отношеніи къ низшимъ мірамъ касаться индивидуума, если всѣ его дѣйствія роковымъ образомъ обусловливаются системой психологическихъ фактовъ, если онъ по отношенію къ этой системѣ является только каплей воды, уносимой бурнымъ потокомъ? Между тѣмъ, не обладаетъ-ли всякое существо своимъ закономъ, и не должны-ли явленія сознанія, наравнѣ съ другими разрядами вещей, представлять отношеній взаимной зависимости?

Сначала, безъ сомнѣнія, были склонны считать душу совершенно самодѣятельной силой. Каждое изъ ея дѣйствій, повидимому, находитъ свое основаніе и свою причину въ ней одной, а не въ сопутствующихъ явленіяхъ. Развѣ психическія явленія не противятся вычисленію? Развѣ можно предсказать, какъ поступитъ такое-то лицо при такихъ-то обстоятельствахъ? Однако болѣе внимательное изученіе скоро открыло однообразную послѣдовательность психическихъ явленій, по крайней мѣрѣ въ области чувствъ и мыслей. Воля долго оставалась непокорной наукѣ и давала ученію о случайности, повидимому, непреоборимый оплотъ. Но прогрессъ наблюденія и сравненія открылъ существованіе политическихъ и соціальныхъ есте-

ственныхъ закововъ. Исторія показываетъ намъ, что различныя общества зараждаются, развиваются и погибаютъ одинаковымъ образомъ. Подъ разнообразіемъ литературъ и общественныхъ учрежденій она вскрываетъ общую форму человѣческой дѣятельности, которая представляется постоянной. Точныя науки въ свою очередь требуютъ своей доли участія въ изученіи моральныхъ и соціальныхъ явленій и опредѣляютъ ихъ средній типъ, остающійся видимо неизмѣннымъ. Статистика, производя наблюденія надъ массами, съ успѣхомъ подчиняетъ вычисленію продукты человѣческой воли, наравнѣ съ продуктами физическихъ силъ.

Чтобы отстоять самопроизвольность индивидуумовъ, пытаются установить различіе между ними и цѣлымъ, подобно тому, какъ это дѣлаетъ абстрактная математика, которая формулируетъ неизмѣнные законы для общихъ количествъ, такъ называемые законы *большихъ чиселъ*, и допускаетъ случайность входящихъ въ ихъ составъ частныхъ величинъ. Но случай, допускаемый математикомъ, есть лишь фикція. Въ дѣйствительности все имѣетъ свое основаніе. Если человѣческія дѣйствія, взятая въ отдѣльности, кажутся случайными, то это потому, что общія причины, вліяніе которыхъ мы изучаемъ, парализуются безконечнымъ множествомъ частныхъ причинъ, совершенно лишенныхъ координаціи и не объединяемыхъ никакимъ закономъ. Вотъ это именно взаимное уничтоженіе извѣстныхъ причинъ выдѣляетъ и обнаруживаетъ вліяніе нѣкоторыхъ другихъ условій. Впрочемъ, непосредственное наблюденіе надъ отдѣльными индивидуумами и отдѣльными группами индивидуумовъ все болѣе и болѣе ограничиваетъ ту долю случайности, которую, по видимому, допускаетъ общая статистика. Для дѣйствій индивидуума, вѣроятно точно такъ-же можно было-бы найти постоянную среднюю величину, какъ и для дѣйствій общества. Обыкновенно чѣмъ лучше мы узнаемъ человѣка, тѣмъ вѣрнѣе объясняемъ и предусматриваемъ его поведеніе. Если въ этомъ случаѣ и остается нѣкоторая неувѣренность, то это потому, что намъ недостаетъ нѣкоторыхъ данныхъ. Можно-ли допустить, что погода происходитъ случайно, если мы не въ состояніи предвидѣть ее навѣрно?

Какова-же можетъ быть общая формула психическихъ законовъ?

Наиболѣе научный методъ для опредѣленія этой формулы состоитъ, на первый взглядъ, въ томъ, чтобы свести состоянія сознанія къ ихъ физическимъ и механическимъ условіямъ. Нельзя-ли, напр., сказать, что опытъ обнаруживаетъ постоянную связь между физическими измѣненіями тѣла и измѣненіями души, что эти два порядка явленій существуютъ, увеличиваются и уменьшаются въ одно и тоже время и въ одинаковыхъ пропорціяхъ? Нельзя-ли, примѣняя къ душѣ общій законъ соотношенія силъ, предполагать, что существуетъ механической эквивалентъ ощущенія, мысли и воли точно такъ-же, какъ существуетъ механической эквивалентъ теплоты или химическихъ процессовъ? Если это такъ, то физическая необходимость была-бы основой психической необходимости.

Конечно, аналогія, которая можетъ существовать между психическимъ и физическимъ развитіемъ, не оправдывала-бы гипотезы превращенія механическихъ явленій въ психическія, такъ какъ, вѣдь, и движеніе не превращается въ теплоту въ собственномъ смыслѣ слова, а только составляетъ ея условіе, ея матеріальную основу. Однако, эта аналогія, повидимому, показываетъ, что мыслящій міръ есть лишь своего рода внутренняя подкладка извѣстной части механическаго міра. Она заставляетъ предполагать, что между мыслью и сопровождающими ее движеніями существуетъ строгій параллелизмъ. Она даетъ основаніе думать, что можно найти формулы, позволяющія объяснять и предугадывать психическія явленія путемъ одного разсмотрѣнія ихъ механическихъ условій.

Такая точка зрѣнія была-бы законной, если-бы можно было измѣрить сами по себѣ психическія перемѣны, соотвѣтствующія механическимъ перемѣнамъ. Между тѣмъ, чтобы вполнѣ измѣрить душевныя явленія, нужно было-бы превратить ихъ въ качественно однородныя количества, т. е., напр., въ количества психической энергіи. Но возможно-ли такимъ образомъ свести къ одной и той-же единицѣ мѣры разнообразіе душевныхъ качествъ?

Предположимъ, что съ этой точки зрѣнія изучается воспоминаніе. Если S есть перемѣнное количество воспоминанія, а

Q переменное количество движенья, то S_1, S_2 будутъ определенными частными величинами S, а Q_1, Q_2 соответствующими величинами Q. Тогда можно было-бы начертить слѣдующую таблицу:

S_1	Q_1
S_2	Q_2
.	.
.	.
.	.

и отсюда вывести, что $S=f(Q)$. Но какъ опредѣлить величины S_1, S_2 и т. д.? Воспоминаніе, какъ и сама душа, не есть простое однородное качество. Оно заключаетъ въ себѣ ясность, живость, полноту, точность, опредѣленность, отдаленность въ прошедшемъ, чувство личнаго тождества, сознаніе, что данная идея уже была воспринята, и проч. Величина воспоминанія именно и опредѣляется присутствіемъ, отсутствіемъ и степенью этихъ различныхъ качествъ. Такимъ образомъ, пришлось-бы на первыхъ порахъ отказаться отъ измѣренія такого сложнаго цѣлаго, какъ воспоминаніе, величины котораго вслѣдствіе этой сложности не могутъ быть качественно однородными количествами. Нужно было-бы сначала разложить его на простыя и точно опредѣленные качества, аналогичныя протяженію и движенью, опредѣлить механической эквивалентъ cadaго изъ нихъ и потомъ найти числовое отношеніе между этими качествами, взятыми въ отдѣльности, и результатами ихъ сочетаній. Но такое предпріятіе было-бы невыполнимо научно, т. е., безъ участія догадки, субъективнаго сужденія, чувства,—словомъ, той непосредственной оцѣнки качества, которая такъ осложняетъ воспоминаніе и которой именно и требуется избѣжать. Кромѣ того вичто не доказываетъ, чтобы психическія качества могли быть разложимы на простыя элементы, остающіеся тождественными при всѣхъ измѣненіяхъ интенсивности.

Тѣмъ болѣе примѣнимы эти замѣчанія къ моральнымъ качествамъ души, которыя всего важнѣе.

Если бы теперь, наоборотъ, мы полѣнились сначала опредѣлить переменныя физическія явленій, чтобы вывести изъ нихъ.

соотвѣтствующія переменныя явленія психическихъ, то измѣрять послѣднія первыми было-бы логическимъ кругомъ, такъ-какъ для того, чтобы установить постоянное отношеніе между этими двумя рядами переменныхъ, нужно предварительно измѣрить ихъ въ отдѣльности.

Этотъ методъ изслѣдованія, повидимому, можетъ привести къ какому-нибудь результату, хотя-бы даже приблизительному, только въ примѣненіи къ одной ограниченной сторонѣ психическаго міра, той сторонѣ, которою душа нѣкоторымъ образомъ соприкасается съ матеріей и гдѣ она еще не бываетъ сама собою. Разсматриваемый по существу, психическій міръ не можетъ считаться подкладкой физическаго міра, такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя было-бы объяснить той крайней несоразмѣрности, которая существуетъ съ моральной точки зрѣнія между дѣйствіями, требующими приблизительно одной и той же суммы физической энергіи и поглощающими приблизительно одно и тоже количество углерода. Опредѣлимъ-ли мы цѣну умственной работы, если мы будемъ знать, что ея механической эквивалентъ немножко больше, чѣмъ средней эквивалентъ мускульной работы за одно и то-же время? Можно-ли судить о цѣнности удовольствія, истинности мысли, достоинствѣ дѣйствія по значности, которую можно было-бы поднять посредствомъ углерода, окисляющагося при этомъ удовольствіи, мысли или дѣйствіи?

Итакъ, напрасно указываютъ на параллелизмъ психическихъ и физическихъ явленій, чтобы превратить душу въ функцію движенія. Психическія явленія не измѣримы въ томъ родѣ, какъ измѣримо движеніе, и переменны въ области высшихъ душевныхъ процессовъ не имѣютъ опредѣленнаго соотношенія съ переменными количества физической силы.

Тоже самое можно сказать, хотя и не столь безусловно, о томъ ученіи, по которому психическія явленія суть внутренняя репродукція не механическихъ, а физиологическихъ явленій. И здѣсь параллелизмъ только частный, хотя онъ, конечно, и распространяется на болѣе обширную область психической жизни. Въ дѣйствительности не важно, если-бы даже нашли, что измѣненія нервной системы соотвѣтствуютъ каждому измѣненію души. Вопросъ въ томъ, могутъ-ли быть одни изъ нихъ мѣр-

кой другихъ. Но между физиологическими и психическими особенностями, отличающими, наприм., безуміе отъ геніальности, нѣтъ соотвѣствія, и если хотятъ судить о душѣ по тѣлу должны отождествить эти два состоянія. Болѣе того, если при сближеніи психическихъ явленій съ механическими по крайней мѣрѣ одинъ изъ этихъ двухъ элементовъ, механической, былъ въ точности измѣримъ, здѣсь оба элемента почти одинаково неизмѣримы, такъ что неизбежно должно господствовать большое сомнѣніе относительно системъ ихъ соотвѣствія.

Вообще, единственное дѣйствительно осуществимое предпріятіе состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать не соотвѣтствіе отношеній, а соотвѣтствіе явленій, взятыхъ въ отдѣльности. Тогда можно получить точные и поучительные результаты; но эти результаты нисколько не уяснятъ намъ закона психическихъ явленій, потому что разъ законъ физической причинности не безусловенъ, остается совершенно открытымъ обратный вопросъ: не опредѣляются-ли физическія условія отчасти самой душой, и какова, въ этомъ смыслѣ, доля психическаго вліянія на возникновеніе данныхъ условій.

Но если невозможно вывести необходимость психическихъ явленій изъ ихъ соотношенія съ низшими явленіями, то не найдемъ-ли мы въ самомъ психическомъ мірѣ доказательства того, что его основы неизмѣнны и его развитіе необходимо?

Возможность плодотворнаго примѣненія статистики къ изученію психическихъ явленій и открытіе постоянныхъ среднихъ величинъ въ нравственномъ мірѣ, повидимому, указываютъ на то, что эти явленія подчинены одному основному закону, аналогичному законамъ низшихъ міровъ, и что этотъ законъ состоитъ въ постоянствѣ одного и того-же количества психической энергіи.

Это не все. Законъ сохраненія силы въ механикѣ практически справедливъ только въ отношеніи къ цѣлой достаточно значительной совокупности движеній, какова, наприм., солнечная система. Въ физикѣ и химіи приложеніе закона сохраненія дѣлается болѣе частнымъ и каждая форма матеріи энергически стремится сохранить свои свойства. У живыхъ существъ сохраненіе формы становится еще болѣе частнымъ: оно примѣ-

няется къ отдѣльнымъ видамъ этихъ существъ. Типическій организмъ, непрерывно разстраиваемый посторонними силами, пользуется тѣми-же самыми силами для возмѣщенія своихъ потерь. У мыслящаго существа энергія становится сознательною и личною. Въ каждомъ изъ насъ она обладаетъ сознаниемъ своего постоянства и чувствуетъ непреодолимую склонность приписывать себѣ вѣчность.

Душа, безъ сомнѣнія, имѣемъ свой ростъ и свои измѣненія. Но если мы допустимъ существованіе скрытыхъ психическихъ силъ; если мы обратимъ вниманіе на постепенное ослабленіе нѣкоторыхъ способностей по мѣрѣ развитія другихъ; если мы будемъ имѣть въ виду, что для каждаго человѣка существуетъ вообще максимальная степень психическаго развитія, по достиженіи которой онъ обыкновенно, вмѣсто того чтобы удержаться на ней, вступаетъ въ періодъ упадка, какъ бы для восстановления равновѣсія; если, наконецъ, мы примемъ въ расчетъ внѣшнія вліянія и отношенія людей другъ къ другу,—измѣняющія ихъ естественное развитіе,—то, вѣроятно, мы придемъ къ заключенію, что психическая энергія всюду, кончая цѣлою совокупностью индивидуальной жизни, стремится достигнуть определенной средней величины; что законъ на сторонѣ определенности и постоянства, а противоположные факты представляютъ лишь исключеніе.

Количество духовной энергіи, повидимому, является определеннымъ даже въ каждомъ данномъ фазисѣ психической жизни индивидуума. Если одна изъ душевныхъ способностей очень развита, то она обыкновенно бываетъ развита въ ущербъ другимъ. Если какое-либо чувство, идея, намѣреніе приобретаютъ значительную силу, то ослабленіе другихъ формъ психической дѣятельности тотчасъ восстанавливаетъ равновѣсіе. Вотъ почему настоящія чувствованія въ концѣ концовъ отчасти или сполна изглаживаются прошедшія. Вотъ почему чувственные впечатлѣнія подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, поглощающихъ большую часть духовной энергіи, становятся менѣе живы и переходятъ изъ состоянія ощущеній въ состояніе представленій. Вотъ почему представленія, уступая непрерывному потоку новыхъ ощущеній и образовъ, отходятъ все далѣе и далѣе, те-

ряютъ постепенно свою окраску, свои индивидуальныя черты, свою жизнь и превращаются въ неопредѣленныя, абстрактныя и мертвыя идеи, т. е., претерпѣваютъ ту полезную метаморфозу, благодаря которой мы получаемъ изъ разнообразныхъ конкретныхъ воспріятій общія рамки вещей. Вотъ почему, наконецъ, въ области воли энергическія рѣшенія часто сопровождаются нравственнымъ упадкомъ, героизмъ смѣняется отчаяніемъ и настойчивость въ усилии становится наиболее трудною добродѣтелью.

Правда, душа способна возвращать своимъ угасшимъ чувствамъ, поблекшимъ идеямъ и ослабѣвшимъ рѣшеніямъ ихъ первоначальную энергію, и даже иногда такую энергію, какой они никогда не имѣли; но и въ этомъ случаѣ психическая энергія не создается вновь. Ея воскресеніе происходитъ не само собой; оно опредѣляется настоящимъ психическимъ состояніемъ, аналогичнымъ прошедшему состоянію, и только жизнь этого настоящаго состоянія сообщаетъ призраку прошедшаго.

Этотъ законъ сохраненія, повидимому, предполагается всякимъ изслѣдованіемъ, стремящимся объяснить состоянія сознанія изъ ихъ внутреннихъ условій, подобно тому, какъ объясняются физическія явленія; онъ подразумѣвается во всякомъ опытѣ положительной психологіи. Но если количество психической энергіи остается въ мыслящемъ существѣ однимъ и тѣмъ же, можно-ли утверждать случайность человѣческихъ дѣйствій?

Въ психологіи, какъ и въ механикѣ, было-бы бесполезно ссылаться для доказательства случайности явленій на различіе между силой самой по себѣ и ея направленіемъ и допускать, что постоянство психической энергіи не влечетъ за собой ея опредѣленнаго примѣненія. Психическіе акты, ощущенія, идеи, стремленія,—никогда не бываютъ даны въ неопредѣленномъ состояніи. Направленіе условій, равно какъ и ихъ энергія, должно отразиться въ слѣдствіяхъ, и чтобы получить въ слѣдствіяхъ иное направленіе, чѣмъ то, которое вытекаетъ изъ сочетанія условій, необходимо ввести новое направленіе и, слѣдовательно, новую энергію извѣстной интенсивности. Такимъ образомъ, переменна въ направленіи, или,—поскольку здѣсь

идеть рѣчь о душѣ,—перемѣна въ качествѣ всегда предполагаетъ перемѣну въ количествѣ. Правда, это новое количество можетъ быть заимствовано даннымъ существомъ другихъ однородныхъ съ нимъ существъ; но перемѣна, происшедшая въ этихъ существахъ, должна въ свою очередь имѣть опредѣляющую причину, и если въ цѣломъ количество активности остается постояннымъ, психическія явленія могутъ представлять лишь непрерывный круговоротъ, въ которомъ нѣтъ никакого мѣста для случайности. Душа, рассматриваемая вообще, точно такъ-же не объясняетъ своеобразныхъ чертъ извѣстнаго чувствованія, мысли или намѣренія, какъ сила, рассматриваемая вообще, не объясняетъ направленія движенія.

Итакъ, повидимому, пришлось-бы отказаться отъ всякой случайности въ порядкѣ душевныхъ явленій, если безусловно допустить законъ сохраненія психической энергіи, т. е., пропорциональность ощущеній, идей и рѣшеній ихъ психологическимъ условіямъ. Но необходимъ-ли этотъ законъ?

Его нельзя считать аналитически даннымъ а priori, такъ какъ понятіе психическихъ процессовъ не предполагаетъ опредѣленной степени энергіи въ качествѣ ихъ условія. Не есть онъ также и синтетическое априорное сужденіе, такъ какъ человѣкъ напротивъ склоненъ вѣрить, что онъ самъ располагаетъ своими дѣйствіями. Этотъ законъ основывается на опытномъ познаніи и можетъ претендовать лишь на фактическую необходимость. Но принадлежитъ-ли ему даже такая необходимость?

Если мы снимемъ съ вещей ихъ наружную оболочку, то, безъ сомнѣнія, мы найдемъ, что того разнообразія, какое представляетъ поверхность психическаго міра, въ основѣ не существуетъ. Даже въ области нравственныхъ явленій подъ внѣшними измѣненіями лежитъ все болѣе и болѣе твердые слои. Подъ минутными настроеніями скрывается индивидуаль-ный характеръ, подъ индивидуальнымъ характеромъ—нравы времени, затѣмъ національный характеръ, и, наконецъ, человеческая природа. А человеческая природа видимо остается одной и той-же. Таковъ результатъ, къ которому обыкновенно приходитъ психологъ. Но историкъ склоненъ рассматривать

вещи подъ другимъ угломъ зрѣнія. Въ его глазахъ все измѣняется и вѣтъ двухъ совершенно сходныхъ эпохъ. Сравненія, которыя дѣлаются между прошедшимъ и настоящимъ, бывають всегда лишь приблизительными. И дѣйствительно, точныя, краткія и законченныя опредѣленія, которыми философъ любитъ увѣнчивать историческія обобщенія, повидимому, неизбежно оставляютъ внѣ себя нѣкоторую часть дѣйствительности: кажется, будто все живое по существу несовмѣстимо съ точностію, единствомъ и неизмѣнностью формулы. Существуетъ-ли человекъ, характеръ котораго былъ-бы дѣйствительно неизмѣненъ? Существуетъ-ли такая нація, вся исторія которой были-бы выраженіемъ одной и той же идеи? Даже сама человѣческая природа заключаетъ-ли въ себѣ неизмѣнную основу? Нужно-ли оставить безъ вниманія тѣ перемѣны, которыя могутъ происходить уже въ самыхъ основахъ вещей, подъ тѣмъ предлогомъ, что эти перемѣны сами по себѣ очень незначительны и незамѣтны съ перваго взгляда? Когда идетъ рѣчь о расхожденіи линій изъ вершины угла, то никакое измѣненіе въ ихъ разстояніи не бываетъ безразличнымъ.

Должны-ли мы теперь продолжать анализъ и процессъ отвлеченія до тѣхъ поръ, пока не достигнемъ дѣйствительно тождественнаго принципа? Но что-же останется отъ души въ результатъ такой операціи? Въ чемъ состоитъ человѣческая природа, сведенная къ чертамъ, безусловно общимъ всѣмъ людямъ? Очевидно, съ послѣдовательнымъ устраненіемъ всѣхъ частныхъ элементовъ она мало по малу потеряетъ все, что составляетъ ея величіе. Вообще, сокращеніе специфическихъ признаковъ или обобщеніе въ концѣ концовъ приводитъ къ понятіямъ, все болѣе и болѣе пустымъ, бѣднымъ и въ тоже время все менѣе и менѣе способнымъ объяснить дѣйствительную жизнь. Слѣдовательно, ложно считать субстанцію существъ неизмѣннымъ элементомъ, и невозможно вполне объяснить измѣненіе изъ природы вещей, считая ее непосредственнымъ и точно также неизмѣннымъ выраженіемъ такой субстанціи. Гдѣ мы видимъ, особенно когда идетъ рѣчь о человекѣ, первичную природу, не предполагающую дѣятельности? Не есть-ли характеръ результатъ инстинктивныхъ или обдуманыхъ актовъ?

Могутъ-ли развиваться и даже существовать человѣческія способности безъ упражненія? Что такое душа ранѣе дѣятельности? Играетъ-ли здѣсь первичная матерія,—если только она существуетъ, такую-же роль, какъ роль артиста, который образуетъ и организуетъ ее, даетъ ей жизнь, образъ и красоту? Вопреки видимости, ни индивидуумъ, ни нація никогда не бываютъ полными рабами своего характера, такъ какъ характеръ вытекаетъ изъ дѣятельности и, слѣдовательно, зависитъ отъ нея. Не неподвижность является преобладающей чертой человѣческой природы, а измѣненіе, развитіе или упадокъ; и исторія съ этой точки зрѣнія есть необходимый коррективъ статической психологіи. Дѣйствительнымъ условіемъ человѣческаго существованія служитъ всегда переходъ изъ одного состоянія въ другое; самые общіе психологическіе законы относятся только къ одному фазису въ развитіи человѣчества.

Впрочемъ, это ученіе не состоитъ въ противорѣчьи и съ данными психологіи, если только она не осуждаетъ себя напередъ на попытку свести все къ точнымъ и неизмѣннымъ формуламъ. Психическое слѣдствіе никогда не находитъ въ условіи своей полной причины и своего достаточнаго основанія.

Такое несоотвѣтствіе обоихъ этихъ явленій особенно обнаруживается въ волевыхъ дѣйствіяхъ. Въ рѣшеніи, слѣдующемъ за разсмотрѣніемъ мотивовъ, содержится нѣчто большее, чѣмъ въ самыхъ мотивахъ, а именно, предпочтеніе волей извѣстнаго мотива другому. Мотивъ, слѣдовательно, не есть полная причина дѣйствія. Является-ли оный по крайней мѣрѣ достаточнымъ основаніемъ его? Правда, всегда торжествуетъ сильнѣйшій мотивъ, но лишь постольку, поскольку этотъ эпитетъ усвоется именно мотиву, избранному волей. Оставалось-бы еще доказать, что воля всегда избираетъ тотъ мотивъ, который самъ по себѣ производитъ на душу наиболѣе сильное вліяніе. Но развѣ не случается, что воля на практикѣ даетъ преобладаніе такому мотиву, который теоретически не былъ равнодѣйствующей побуждающихъ душу силъ? Когда мы совнѣ наблюдаемъ поведеніе нашихъ ближнихъ и даже свое собственное поведеніе, мы находимъ, что одни и тѣже дѣйствія всегда бываютъ однообразно связаны съ одинаковыми мотивами. Но слѣдуетъ-

ли отсюда, что дѣйствія опредѣляются самими мотивами, и не подтвердится-ли тотъ-же законъ, если мы признаемъ, что сама воля ставить на первый планъ и выдвигаетъ впередъ условія своей дѣятельности?

Если это такъ,—могутъ возразить,—то дѣйствіе, безъ сомнѣнія, объясняется, но отношеніе преобладающаго мотива къ совокупности опредѣленій души является противорѣчающимъ закону причинности. Это—правда; и, можетъ быть, свободный актъ былъ-бы дѣйствительно немислимъ, если бы законъ причинности нужно было признать безусловнымъ. Но, можетъ быть, и этотъ законъ въ своемъ приложеніи къ фактамъ не обладаетъ такою строгостью, какую ему приписываетъ абстрактная наука, и допускаетъ въ превращеніи условія въ слѣдствіе нѣкоторую долю случайности. Иллюзію создаетъ только то, что ближайшія причины даннаго акта связаны или кажутся связанными совершенно согласно съ закономъ причинности. Но какъ доказать, что, поднимаясь по лѣстницѣ причинъ, мы не встрѣтимъ такого пункта, гдѣ этотъ законъ будетъ уже недостаточнымъ для объясненія явленій, по крайней мѣрѣ насколько мы могли-бы вполнѣ анализировать ихъ? Возможно, что сила, управляющая нашими дѣйствіями, не вмѣшивается всюду и всегда съ одинаковою эвергіей и, давъ толчекъ, представляетъ вещи болѣе или менѣе ихъ естественному теченію, тогда послѣдняго достаточно для окончанія акта. Можетъ быть, этотъ толчекъ самъ по себѣ чрезвычайно слабъ, но, будучи данъ въ благопріятный моментъ и въ надлежащемъ пунктѣ, онъ можетъ обусловить посредствомъ своихъ отраженій важныя явленія.

Несомнѣнно также, что въ общемъ высшіе дѣятели не располагаютъ по произволу низшими силами. Высшій агентъ вмѣшивается легко и успѣшно главнымъ образомъ въ томъ случаѣ, если эти силы находятся въ борьбѣ между собой и уравниваются нѣкотораго рода взаимное равновѣсіе. Когда душу волнуютъ различныя желанія, воля безъ усилія выступаетъ на сцену, обсуждаетъ дѣло и произноситъ рѣшеніе. Но когда, напротивъ, воля встрѣчается со страстями, которыя, сосредоточиваясь на одной и той-же цѣли, взаимно усиливаютъ другъ друга, то случается, что она сама забываетъ о себѣ и отдается

имъ. Однако, и въ томъ случаѣ она можетъ пробудиться и дѣйствовать: она можетъ бороться съ самыми сильными страстями, косвенно, противопоставляя имъ другія страсти одинаковой интенсивности или незамѣтно обращая ихъ на другіе предметы, и прямо, выступая одна противъ своихъ противниковъ. Наконецъ, даже въ самыхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ она можетъ пользоваться въ цѣляхъ направленія души тѣми самыми законами, которые управляютъ душой.

Если волевая опредѣленія представляютъ такой разрядъ психическихъ явленій, въ которомъ наиболѣе обнаруживается случайность, то не вполне лишены ея и другіе процессы. Въ самомъ дѣлѣ, чувствованіе или идея, какъ бы ни были просты и всеобщы ихъ психологическія условія, никогда не находятъ въ нихъ своего полного объясненія. Они всегда являются чѣмъ-то инымъ въ сравненіи съ этими условіями; они заключаютъ въ себѣ новыя качества и потому уклоняются отъ закона пропорціональности причины и дѣйствія.

Такимъ образомъ измѣнчивость встрѣчается уже въ самыхъ сокровенныхъ глубинахъ человѣческой природы. Отсюда вѣроятно-ли, что количество психической энергіи вполне опредѣленно и всегда остается однимъ и тѣмъ-же? Чтобы имѣть право утверждать подобный законъ, нужно было-бы свести всѣ психическіе процессы къ одному точно опредѣленному виду элементарной послѣдовательности и доказать ея постоянство. Но именно эта задача и не поддается усиліямъ изслѣдователя.

Но, можетъ быть, радикальное измѣненіе само имѣетъ свой необходимый законъ въ неизмѣнномъ динамическомъ принципѣ, предшествующемъ всѣмъ явленіямъ? Можетъ быть, психическій міръ представляетъ собою однообразную эволюцію, которая захватываетъ самую сущность души?

Нельзя-ли, напр., утверждать, что ходъ психическихъ явленій необходимо долженъ быть равнодѣйствующей двухъ элементовъ, а именно, съ одной стороны совокупности способностей, составляющихъ природу данной личности, съ другой—одного или нѣсколькихъ стремленій, какъ напр., стремленія къ счастью, жизненнаго инстинкта, приспособленія внутреннихъ способностей къ внѣшнимъ условіямъ?

Это ученіе открыто для многихъ возраженій. Прежде всего, возможно-ли заключить всѣ человѣческія дѣйствія въ такія формулы или даже въ одну какую-либо формулу? Вѣдь человекъ чувствуетъ себя способнымъ также къ героизму, къ жертвѣ, т. е., къ такимъ дѣйствіямъ, которыя сокрушаютъ самыя сильныя сопротивленія со стороны его собственной природы. Но если даже и допустить, что это возможно, все таки будетъ трудно въ точности опредѣлить ту формулу, которой слѣдуетъ держаться, такъ какъ подобныя формулы, справедливыя каждая въ извѣстной степени, плохо мирятся другъ съ другомъ. Наприм., желаніе счастья можетъ заставить насъ ненавидѣть жизнь и бѣжать отъ нея, потому что она съ этой точки зрѣнія представляла-бы только непрерывное страданіе. Любовь къ жизни, физической и моральной, побуждая насъ развивать, насколько возможно, наши силы и способности, въ то-же время создаетъ тысячу препятствій, тысячу столкновеній съ средой, тысячу страданій, которыя не существуетъ для недѣятельныхъ душъ. Приспособленіе стремленій къ вещамъ по мѣрѣ того, какъ оно осуществляется, погашаетъ сознаніе, нуждающееся для своего обнаруженія въ противодѣйствіи, и замѣняетъ живыя ощущенія, пріятныя или непріятныя, состояніемъ безразличія и апатіи. Это—не все. Столкновение человека съ физическимъ міромъ основывается на томъ, что человекъ преслѣдуетъ цѣли, не осуществляемыя самими вещами, цѣли высшія сравнительно съ цѣлями вещей. Чтобы прекратить этотъ конфликтъ, нужно отказаться отъ преслѣдованія такихъ высшихъ цѣлей. Слѣдовательно, человекъ, который ставитъ приспособленіе къ внѣшнимъ условіямъ цѣлью своей жизни, долженъ постепенно нисходить по ступенямъ бытія, гнуться, подчиняться, отождествляться съ вещами, противодѣйствія которыхъ онъ боится. Отсюда онъ будетъ видѣть въ нравственномъ сознаніи, въ разумѣ, чувствѣ, жизни и въ самомъ существованіи только одно зло, такъ какъ всѣ эти стремленія встрѣчаютъ противорѣчіе во внѣшнемъ мірѣ, и въ концѣ концовъ будетъ считать безусловное уничтоженіе высшимъ благомъ.

Впрочемъ, если-бы и было доказано, что всѣ человѣческія дѣйствія объясняются такими динамическими или подобными имъ формулами, то отсюда все-таки еще не слѣдовало-бы, что въ психической жизни царить необходимость. Эти формулы не удовлетворяютъ условіямъ положительнаго закона, выражающаго отношеніи между опытными данными.

Прежде всего второй терминъ динамическаго закона, цѣль человѣческой дѣятельности, заключаетъ въ себѣ нѣчто смутное и неопредѣленное. Что такое счастье? Понимаютъ-ли его всѣ люди одинаково? Какой родъ счастья признается всеобщю цѣлюю человѣческихъ дѣйствій? Точно также въ чемъ состоитъ гармоничное развитіе нашихъ силъ и способностей? Какой порядокъ подчиненія слѣдуетъ установить между ними? Можно-ли, оставаясь по возможности на почвѣ фактовъ, допустить, что самой высшей способностью служить та, которая даетъ наибольшую силу? Но, вѣдь, нисколько не очевидно, что нравственное величіе обращается въ силу и не заслуживаетъ стремленія само по себѣ. Есть-ли пропорціональное развитіе нашихъ природныхъ способностей ясный принципъ, доступный для одинаковаго пониманія всѣмъ людямъ? Что касается приспособленія стремленій къ вещамъ, то нельзя-ли его точно также понимать различнымъ образомъ? Можно-ли поставить на одну и ту же доску человѣка, который стремится согласоваться съ внѣшними условіями, не привося въ жертву ни одного изъ своихъ человѣческихъ правъ, и человѣка, который губитъ свои высшія способности, подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ затрудняютъ приспособленіе? Какой родъ приспособленія слѣдуетъ считать естественной цѣлюю человѣческихъ дѣйствій?

Затѣмъ, можно-ли сказать, что стремленіе составляетъ положительную дѣйствительность? Развѣ стремленіе существуетъ только тогда, когда оно обнаруживается? Развѣ оно есть только сумма прошедшихъ или настоящихъ дѣйствій? Конечно, стремленіе можетъ существовать и безъ обнаруженія. Значитъ, оно есть сумма возможныхъ дѣйствій? Тогда что-нибудь одно изъ двухъ: или эти дѣйствія несомнѣнно осуществляются, т. е., представляютъ собою не просто возможные, а будущія дѣйствія,

—но въ такомъ случаѣ они суть уже нѣчто большее, чѣмъ стремленіе, такъ-какъ для того, что-бы признать существованіе стремленія, нѣтъ нужды въ его будущемъ осуществленіи; или эти дѣйствія суть на самомъ дѣлѣ только возможныя дѣйствія, т. е., могутъ осуществиться и не осуществиться,—но въ такомъ случаѣ ихъ нельзя рассматривать, какъ положительную дѣйствительность, какъ реальность данную въ опытѣ.

Точно также нельзя считать эмпирическими данными опредѣленное направленіе, интенсивность и разумность стремленія. Вѣдь, стремленіе, это—само существо, которое стремится; а кто-же въ состояніи утверждать, что существо не можетъ воздѣйствовать на свои стремленія и самопроизвольно измѣнять ихъ? Развѣ невозможность этого дана и даже можетъ быть дана въ опытѣ?

Такимъ образомъ, научно обосновать законъ необходимаго радикальнаго измѣненія, повидимому, точно такъ-же невозможно, какъ и обосновать законъ сохраненія. Въ дѣйствительности измѣненіе существуетъ въ душѣ наряду съ постоянствомъ и ранѣе самаго постоянства. Съ другой стороны, законъ измѣненія, не сводимый къ закону сохраненія, и законъ, который безусловно предшествуетъ вещамъ, принципъ, который предваряетъ понятія, не можетъ быть уподобленъ положительнымъ законамъ. и въ этомъ смыслѣ не можетъ претендовать на необходимость.

Но если такъ, то мы въ правѣ допустить, что психическія явленія не опредѣлены и не обусловлены абсолютно, что подъ той однообразной послѣдовательностью, которую они представляютъ наблюдателю, они скрываютъ радикальную случайность.

Даже характеръ того постоянства, которое господствуетъ въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, доказываетъ, что доля необусловленности здѣсь должна быть больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ явленіяхъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ низшихъ областяхъ основные законы постоянства непосредственно относятся къ болѣе или мѣнѣе значительной совокупности явленій, каковы, напр., механическая система, матеріальная форма, живой видъ. Такимъ образомъ, каждый отдѣльный агентъ здѣсь поглощается тѣмъ

цѣлымъ, къ которому онъ принадлежитъ. Управляющій имъ законъ дозволяетъ ему дѣйствовать только въ согласіи съ этимъ цѣлымъ. Отсюда, какъ могъ-бы онъ произвести случайно дѣйствіе? Можетъ-ли онъ это сдѣлать, имѣя точкой опоры самый законъ своей дѣятельности? Но этотъ законъ, погружающій его въ безконечное, всецѣло противъ него; для проявленія его инициативы онъ ставитъ условіемъ измѣненіе всей той системы, къ которой онъ принадлежитъ. Или онъ можетъ это сдѣлать, абсолютно противясь той враждебной судьбѣ, которая ставитъ его ни во что? Но развѣ онъ былъ-бы тварью, если-бы онъ могъ дѣйствовать на вещи, не получая въ нихъ своей точки опоры?

Итакъ, существовать исключительно въ качествѣ части цѣлаго—значитъ быть подчиненнымъ безусловному року. По правдѣ сказать, дѣйствительность нигдѣ не представляетъ такого порядка вещей, несомѣстимаго съ ихъ существованіемъ; онъ встрѣчается только въ чисто идеальныхъ построеніяхъ абстрактной науки. И если уже низшія сравнительно съ человѣкомъ существа представляютъ подъ коллективной формой нѣкоторую степень случайности, то это потому, что даже образуемые ими системы являются въ извѣстной мѣрѣ отдѣльными мірами, внѣ которыхъ существуетъ пространство и возможны точки опоры.

Но человѣческая личность болѣе, чѣмъ всѣ другія существа, обладаетъ своимъ собственнымъ существованіемъ и является своимъ особеннымъ міромъ. Она болѣе, чѣмъ другія существа, можетъ дѣйствовать независимо отъ какой-нибудь господствующей надъ нею системы явленій. Общій законъ сохраненія психической энергіи здѣсь такъ сказать дробится на множество отдѣльныхъ законовъ, изъ которыхъ каждый свойственъ одному только индивидууму. Именно эти индивидуальныя законы и являются непосредственными; общій-же законъ имѣетъ уже производный характеръ. Болѣе того: повидимому, даже въ отношеніи къ одному и тому же индивидууму законъ подраздѣляется и разлагается на частныя законы, свойственные каждому фазису психической жизни. Законъ стремится приблизиться къ факту. Отсюда сохраненіе цѣлаго не только не опредѣляетъ

дѣйствій индивидуума, а напротивъ само зависитъ отъ нихъ. Индивидуумъ, сдѣлавшись одинъ цѣлымъ родомъ, къ которому прилагается законъ, является его господиномъ. Онъ обращаетъ его въ орудіе и мечтаетъ о такомъ состояніи, когда онъ въ каждый моментъ своего существованія былъ бы равенъ закону, и обладалъ бы въ себѣ самомъ всѣми элементами своей дѣятельности.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Мая № 9. 1899 года.

Содержаніе. Отчетъ Епархіальнаго наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учебный годъ.—Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.—Отъ Игуменіи Хорошенскаго Монастыря.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отчетъ Епархіальнаго Наблюдателя о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Харьковской епархіи по учебно-воспитательной части за 1897/8 учеб. годъ.

I.

Поѣздки Епархіальнаго Наблюдателя для осмотра церковныхъ школъ и ревизіи Уѣздныхъ Отдѣленій и распоряженія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта по отчетамъ о сихъ поѣздкахъ. Какія изъ предположеній епархіальнаго наблюдателя въ улучшенію церковно-школьнаго дѣла въ епархіи не были приняты или одобрены Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ и по какимъ основаніямъ.

Въ отчетномъ учебномъ году епархіальнымъ наблюдателемъ были осматриваемы школы Богодуховскаго, Валковскаго, Зміевского, Изюмскаго, Купянскаго, Старобѣльскаго и Харьковскаго уѣздовъ, и были обревизованы уѣздныя отдѣленія: Ахтырское, Богодуховское, Волчанское, Зміевское, Изюмское, Купянское, Лебединское, Старобѣльское, Сумское и Харьковское.

1. Первая ревизія церковныхъ школъ Харьковскаго и Изюмскаго уѣздовъ была предпринята епархіальнымъ наблюдателемъ совместно съ Его Превосходительствомъ наблюдателемъ церковныхъ школъ Вѣдомства Православнаго Исповѣданія д. с. с. В. И. Шемякинымъ. По поводу означенной поѣздки епархіальнымъ наблюдателемъ былъ сдѣланъ докладъ Его Высокопреосвященству Архіепископу Харьковскому Амвросію о поощреніи за труды по народному образованію Изюмскаго уѣзднаго наблюдателя свящ. Петра Скубачевского и завѣдующаго Славянскою второкласною школою свящ. Николая Доброславскаго. Его Высокопреосвященству на до-

кладѣ семь благоугодно было положить резолюцію о внесеніи сихъ лицъ въ наградной списокъ для представленія въ Св. Синодъ, вслѣдствіе чего вышеупомянутыя лица были удостоены соотвѣтствующиѣхъ наградъ.

2. По поводу той же ревизіи въ епархіальный училищный Совѣтъ былъ сдѣланъ докладъ о преобразованіи церковно-приходской школы с. Богородичнаго Изюмскаго уѣзда, въ виду незначительнаго количества дѣтей школьнаго возраста въ означенномъ селѣ и обширности помѣщенія земской школы, исполнѣ удовлетворяющей нуждамъ населенія,—въ воскресную школу для взрослыхъ. Докладъ сей Совѣтомъ утвержденъ, причемъ Богородичанская воскресная школа въ отчетномъ году находилась въ удовлетворительномъ состояніи.

3. вмѣстѣ съ тѣмъ было доложено, что а) при посѣщеніи церковно-приходской школы при Мѣщанской богадѣльнѣ въ г. Харьковѣ Г. Наблюдателемъ церковныхъ школъ въ Имперіи на урокъ церковнаго пѣнія въ руководствѣ учителей было выражено: церковное пѣніе должно быть обще-школьнымъ и тогда только будетъ имѣть повстанѣ воспитательный характеръ, когда всѣ учащіеся, а не лучшіе голоса, будутъ принимать участіе въ пѣніи; церковный хоръ по возможности такъ же долженъ состоять изъ всѣхъ дѣтей школы. б) При ревизіи Всесвятской церковно-приходской школы въ г. Харьковѣ на урокъ руководѣнія для дѣвочекъ тѣмъ же Наблюдателемъ была выражена мысль, что руководѣніе въ школахъ для дѣвочекъ должно составлять необходимое восполненіе учебной программы. г) Въ Свято-Духовской церковно-приходской школѣ въ г. Харьковѣ по вопросу о постановкѣ преподаванія Закона Божія Василій Ивановичъ Шемякинъ высказалъ, что преподаваніе Закона Божія не должно быть формальнымъ выполненіемъ учебной программы, а должно быть связано со всею жизнію школы, чтобы законоучитель и священно-служитель въ преподаваніи дѣтямъ Закона Божія объединялся въ одно лицо пастыря—воспитателя, чтобы всѣ текущія событія церковной жизни, независимо отъ программы и сверхъ этой программы, были сообщаемы дѣтямъ наканунѣ ихъ празднованій и чтобы наканунѣ всѣхъ праздничныхъ и воскресныхъ дней дѣти были ознакомлены съ содержаніемъ евангельскихъ и апостольскихъ чтеній. Одновременно съ этимъ, слушая чтеніе по русскому и церковно-славянскому языку и отвѣты учениковъ по счисленію, и разсматривая пись-

менные работы учащихся, г. Шемякинъ дѣлалъ соотвѣтствующія указанія и разъясненія. Тѣ же указанія были сдѣланы имъ и при посѣщеніи церковныхъ школъ Изюмскаго уѣзда.

Епархіальный Училищный Совѣтъ сдѣланныя г. наблюдателемъ церковныхъ школъ въ Имперіи указанія принялъ къ свѣдѣнію.

4. При посѣщеніи Славянской второклассной церковно-приходской школы Изюмскаго уѣзда Василій Ивановичъ Шемякинъ въ присутствіи членовъ педагогическаго персонала выяснилъ цѣли и задачи второклассной школы, постановку преподаванія предметовъ курса второклассныхъ школъ, организацію общежитія и мѣры воспитанія учащихся. Особое же значеніе онъ придавалъ совѣщательнымъ собраніямъ членовъ школьной корпораціи для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся благоустройства второклассной школы въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ.

5. Вслѣдствіе этого, по мысли и указанію Василія Ивановича Шемякина и по обсужденію означеннаго вопроса на сѣздѣ наблюдателей епархіальнымъ наблюдателемъ былъ представленъ въ епархіальный училищный Совѣтъ нижеслѣдующій проектъ учрежденія при второклассныхъ школахъ Харьковской епархіи школьныхъ совѣтовъ съ правилами для дѣятельности второклассныхъ школъ.

А. Школьный совѣтъ а) Для совмѣстнаго обсужденія вопросовъ, касающихся благоустройства второклассной школы въ учебно-воспитательномъ и матеріальномъ отношеніяхъ, при второклассной школѣ учреждается школьный совѣтъ. б) Въ составъ школьнаго совѣта входятъ въ качествѣ предсѣдателя—о. завѣдующій второклассной школы и въ качествѣ членовъ онаго: старшій и младшій учителя второклассной школы, учитель образцовой школы при второклассной и попечитель школы.

Б. Общія правила для дѣятельности второклассныхъ школъ.
а) При второклассной школѣ устраивается общежитіе, какъ необходимое условіе ея существованія. б) Второклассная школа служитъ не только нуждамъ того села, гдѣ она устроена, но потребностямъ всего уѣзда, къ которому она принадлежитъ; въ ней по возможности должно быть по одному ученику изъ каждаго села. в) Во второклассную школу принимаются мальчики, если школа мужская, и дѣвочки, если школа женская, въ возрастѣ 13—14 лѣтъ, окончившіе курсъ одно-

классной школы съ свидѣтельствомъ на льготу IV разряда по отбыванію воинской повинности или съ похвальными листами. Могутъ быть приняты и дома подготовленные дѣти по особому испытанію. Если желающихъ поступить въ школу окажется болѣе, чѣмъ имѣется свободныхъ вакансій, то всѣмъ производится тщательный экзамень и изъ имѣющихъ равныя познанія по предметамъ курса одноклассной школы дается преимущество ученикамъ болѣе успѣвшимъ въ церковномъ чтеніи и пѣвнѣ; в) ученики изъ обоячившихъ успѣшно двухклассную школу того или другого вѣдомства, могутъ быть приняты послѣ повѣрочнаго испытанія, во второе отдѣленіе второклассной школы. д) При второклассной школѣ обязательно должны быть устроены: примѣрная школьная библиотека и праздничныя народныя чтенія; е) необходимымъ дополненіемъ курса второклассной школы является устройство: разнаго рода мастерскихъ, а также садоводства, огородничества, пчеловодства, шелководства, и, гдѣ будетъ возможно, полеводства; ж) изъ мастерскихъ самыя необходимыя для развитія сельскаго хозяйства и народнаго благосостоянія — столярная, кузнечно-слесарная и сапожно-шорная. з) Второклассная школа даетъ своимъ питомцамъ: приличное помѣщеніе, обученіе по установленнымъ программамъ и новъ необходимыя учебныя руководства и пособія. Что же касается до ихъ содержанія, т. е., пищи и одежды, то это привимаютъ на себя сами родители.

В. Права и обязанности о. заведующаго. Завѣдующему принадлежитъ право: руководства и общаго надзора по всѣмъ отраслямъ школьнаго дѣла: а) сношеніе по дѣламъ школы съ высшими и епархіальными наблюдателями, высшимъ отдѣленіемъ и епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ; б) заведываніе матеріальною частью школы, полученіе и расходование суммъ, поступающихъ на содержаніе школы и ответственность по этой статьѣ въ установленномъ порядкѣ; в) наблюденіе за аккуратнымъ исполненіемъ обязанностей служащими при школѣ; г) руководство и направленіе преподаванія предметовъ согласно цѣлямъ и задачѣ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ и наблюденіе за надлежащимъ выполненіемъ учебной программы; д) общій надзоръ за направленіемъ развитія и воспитанія учениковъ; е) составленіе годовыхъ отчетовъ о состояніи школы за учебный годъ; ж) заведующій созываетъ школьный совѣтъ для совѣтнаго обсужденія и рѣшенія вопросовъ касающихся благоустройства школы.

Г. Права и обязанности старшаго учителя второклассной школы: а) за отсутствіемъ завѣдующаго по школь его мѣсто занимаетъ старшій учитель. Къ прямымъ обязанностямъ старшаго учителя относится: б) наблюденіе за выполненіемъ распределенія времени учебнаго дня—молитвой утренней и вечерней, дневными и вечерними занятіями и проч.; в) общій надзоръ за школою: наблюденіе за чистотою школьныхъ помѣщеній, за цѣлостію школьнаго имущества, завѣдываніе хозяйственною частью училища и распоряженіе првслугой; г) старшій же учитель завѣдуетъ: приѣмомъ, храненіемъ и выдачей съѣстныхъ припасовъ, владовой, столовой и кухней.

Д. Права и обязанности младшаго учителя второклассной школы. На обязанности младшаго учителя второклассной школы лежатъ: а) завѣдываніе библиотечкой: веденіе библиотечной книги, наблюденіе за чистотою и цѣлостію книгъ, выдача книгъ учащимъ для внѣкласснаго чтенія, завѣдываніе учебными пособиями (географическими картами, картинками, физическими приборами и проч.), письменными принадлежностями и вообще всею, что относится къ учебной части; б) завѣдываніе ремесленными классами, а именно: наблюденіе за аккуратнымъ посвщеніемъ уроковъ учителями—ремесленниками, распределеніе учениковъ на группы для посвщенія ремесленныхъ классовъ, наблюденіе за аккуратнымъ посвщеніемъ учащимъ ремесленныхъ классовъ и ихъ поведеніемъ, контроль записей пройденныхъ работъ и забота о цѣлости инструментовъ и приборовъ.

Е. Общія обязанности учителей второклассныхъ школъ. а) Въ воскресные и праздничные дни, а также въ дни Великаго поста, все учителя сопровождаютъ учениковъ въ церковь, присутствуютъ во время Богослуженій и слѣдятъ за поведеніемъ ихъ. б) Въ учебные дни учителя второклассныхъ школъ устанавливаютъ по школь дежурство по очереди. в) дежурный учитель обязательно присутствуетъ на молитвѣ утренней и вечерней, слѣдитъ за поведеніемъ учениковъ на вечернихъ занятіяхъ и во время прогулокъ, контролируетъ спальныя комнаты. г) Школа ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть оставлена безъ присутствія кого либо изъ учителей.

Ж. Права и обязанности учителя одноклассной церковно-приходской школы при второклассной. а) Одноклассная образцовая церковно-приходская школа при второклассной не представ-

ляетъ собою обособленной школы, а является неразрывною частію второклассной школы, органически связанной съ ней. Посему и учитель ея является полноправнымъ членомъ училищной корпораціи второклассной школы, присутствуетъ на экзаменахъ ея учениковъ съ правомъ голоса и принимаетъ участіе въ совѣщаніяхъ по дѣламъ школы. б) При практическихъ занятіяхъ учениковъ второклассной школы съ учениками одноклассной, онъ руководитъ ими, дѣлаетъ оцѣнку работъ и познаній каждаго изъ нихъ и свои замѣтки вноситъ въ особый журналъ. в) Журналъ съ оцѣнкою работъ, способностей, трудолюбія и другими отмѣтками учитель ежемѣсячно вноситъ на разсмотрѣніе школьнаго совѣта. г) Программа, практическихъ занятій учениковъ второклассной школы, методъ и форма журнала вырабатываются при участіи учителя образцовой школы школьнымъ совѣтомъ. д) При занятіяхъ съ учениками образцовой школы, въ прохожденіи программы, въ надзорѣ за учениками, завѣдываніи бібліотекой и во всѣхъ другихъ случаяхъ, касающихся благоустройства одноклассной церковно-приходской школы, учитель поступаетъ въ предѣлахъ инструкціи для учителей одноклассныхъ церковно-приходскихъ школъ. е) Учитель одноклассной школы не держитъ очереди дежурства съ другими учителями по присмотру за второклассной школой.

Этотъ проектъ школьнаго совѣта при второклассной школѣ, по надлежащемъ разсмотрѣніи въ епархіальномъ Уч. Совѣтѣ, представленъ въ Уч. Совѣтѣ при Св. Синодѣ на утвержденіе.

Велѣдъ за самъ по поводу повѣдки по церковнымъ школамъ епархіи епархіальнымъ наблюдателемъ, были сдѣланы нижеслѣдующіе наиболее важныя доклады въ епархіальный Училищный Совѣтъ:

6. Докладъ епархіальнаго наблюдателя о томъ, что въ составѣ учащихся второклассныхъ школъ поступаютъ лица мало подготовленныя, съ полужабытыми знаніями курса одноклассной школы; и въ большавсѣхъ въ того центральнаго пункта, въ которомъ существуетъ самая школа. Это обстоятельство неблагоприятно отражается на успѣхахъ обученія; а съ другой стороны, стоитъ въ прямомъ противрѣчій съ задачею второклассной школы, которая должна удовлетворять нуждамъ всего уѣзда. Выѣстъ съ дѣль въ видахъ упорядоченія школьнаго дѣла епархіальнымъ наблюдателемъ были предложены соотвѣтствующія мѣры. Раздѣляя предложенія епархіальнаго наблюдателя, епархіальный училищный Совѣтъ опредѣляетъ: а) вмѣнить экзаменаціоннымъ

комиссіямъ въ обязанность, чтобы онѣ, представляя въ уѣздныя отдѣленія свѣдѣнія о послѣдствіяхъ испытаній, вмѣстѣ съ симъ указывали и способныхъ кандидатовъ на поступленіе во второклассныя школы; а на уѣздныя отдѣленія возложить обязанность доставлять свѣдѣнія о таковыхъ ученикахъ епархіальному училищному Совѣту; в) предложить оо. завѣдующихъ школами располагать способныхъ учениковъ къ поступленію во второклассныя школы и тѣмъ изъ нихъ, которые не достигли тринадцатилѣтняго возраста въ годъ окончанія курса въ одноклассныхъ школахъ, не отказывать въ посѣщеніи этихъ школъ въ качествѣ практикантовъ; в) такъ какъ содержаніе учащихся въ общежитіяхъ второклассныхъ школъ родители должны принимать на свой счетъ, то на будущее время требовать отъ оо. завѣдующихъ одноклассными школами, чтобы они при рекомендаціи достойныхъ кандидатовъ на поступленіе во второклассныя школы сообщали и о томъ, въ состояніи ли ихъ родители доставлять необходимое содержаніе въ годъ натурою или деньгами и г) къ обязанностямъ оо. завѣдующихъ отнести расположеніе сельскихъ обществъ къ учрежденію стипендій на содержаніе учащихся во второклассныхъ школахъ.

7. По докладу того же наблюдателя объ осмотрѣ новыхъ пунктовъ для открытія второклассныхъ школъ: а) въ сл. Вѣдлуцкѣ Старобѣльскаго уѣзда; б) въ сл. Вѣловодежѣ того же уѣзда и в) въ Сватовой Лучѣ Купянскаго уѣзда, епархіальный училищный Совѣтъ опредѣлялъ, принявъ оный къ свѣдѣнію, вмѣстѣ съ тѣмъ предложить уѣзднымъ отдѣленіямъ озаботиться доставленіемъ плана и смѣты на устройство зданій второклассныхъ школъ въ означенныхъ пунктахъ.

8. Въ исполненіе предложенія епархіальнаго училищнаго Совѣта озаботиться изготовленіемъ плана и смѣты для устройства второклассной школы въ с. Колонтаевѣ Богодуховскаго уѣзда, епархіальнымъ наблюдателемъ былъ представленъ общій типъ постройки применительно ко всемъ требованіямъ, предъявляемымъ ко второклассной школѣ въ учебно-воспитательномъ и гигиеническомъ отношеніяхъ; одновременно съ этимъ была представлена и смѣта на устройство зданія второклассной школы въ с. Котельвѣ Ахтырскаго уѣзда. Планъ и смѣта, составленные епархіальнымъ архитекторомъ, епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ признаны удовлетворяющими всемъ требованіямъ второклассной школы и

препровождены въ училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ для окончательнаго разрѣшенія вопроса объ открытіи въ означенномъ пунктѣ второклассной школы.

9. Докладная записка епархіальнаго наблюдателя по вопросу о реорганизации учебной части въ Ново-Водолажской, Валковскаго уѣзда, и Андреевской, Зміевскаго уѣзда, двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ на слѣдующихъ основаціяхъ: а) продолжительность учебнаго курса должна быть не болѣе двухъ лѣтъ—по два года въ первомъ и по 2 въ второмъ классахъ; б) пріемъ учащихся въ школахъ производить чрезъ годъ полностью въ соответствии класснымъ помѣщеніямъ; в) учительство въ первыхъ классахъ возложить на штатныхъ діаконовъ и во вторыхъ классахъ—на наемныхъ лицъ съ полнымъ семинарскимъ образованіемъ, или же получившихъ надлежащую педагогическую подготовку, а завѣдываніе школами и преподаваніе Закона Божія отнести къ обязанностямъ мѣстныхъ приходскихъ священниковъ. Основаніемъ для раздѣленія оныхъ школъ только на двѣ группы по классамъ служатъ слѣдующія соображенія: аа) при одной группѣ учащихся на каждаго учителя ученики могутъ быть гораздо больше, а трудъ учителя—меньше; бб) при раздѣленіи учащихся на 4 или 5 группъ необходимо открывать вакансію третьяго учителя, на содержаніе котораго ни въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ, ни въ Совѣтѣ средствъ не имѣется; вв) при распредѣленіи учениковъ на двѣ группы, вмѣсто четырехъ, нарушеніи утвержденныхъ Св. Синодомъ программъ и правилъ о двухклассныхъ школахъ не будетъ.—Привзванная предположенія епархіальнаго наблюдателя относительно распредѣленія учащихся въ двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ Ново-Водолажской и Андреевской на двѣ группы въполнѣ целесообразнымъ Совѣтъ, опредѣляя въ вопросѣ у Его Высочайшаго Пресвященства, разрѣшенія о приведеніи оныхъ предложеній въ дѣйствіе. Въ настоящее время объ школахъ примѣнительно къ вышеизложеннымъ основаніямъ, реорганизуются.

10. Вызвать съ тѣмъ въ Совѣтъ блже представлено росписаніе уроковъ въ Ново-Водолажской и Андреевской двухклассныхъ церковно-приходскихъ школахъ, составленное примѣнительно къ реорганизации учебнаго строя въ оныхъ школахъ и росписаніе уроковъ въ Александро-Невской двухклассной церковно-приходской школѣ въ г. Харьковѣ, составленное примѣнительно къ подпредметной системѣ обученія, введенной по предложенію епархіаль-

наго наблюдателя, съ дополнительнымъ курсомъ черченія. Проекты росписаній епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ утверждены и для руководства разосланы по школамъ.

11. Докладъ епархіальнаго наблюдателя о состояніи библіотекъ при церковныхъ школахъ Харьковской епархіи, о неотложной необходимости пополнить существующія при школахъ библіотеки изданіями Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ и объ открытіи новыхъ библіотекъ. Соглашаясь съ мнѣніемъ докладчика Совѣтъ опредѣлялъ: а) считать существующими формально и состоящими на отчетность библіотеки при 117 церковныхъ школахъ; б) признать весьма полезнымъ вновь учредить библіотеки при 43 церковныхъ школахъ; в) признать подлежащими пополненію изданіями Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ 100 библіотекъ при церковныхъ школахъ бѣднѣйшихъ селъ; г) поручить епархіальному наблюдателю при посредствѣ уѣздныхъ наблюдателей вмѣнить въ обязанность со. завѣдующимъ школами: аа) завести каталоги книгъ школьныхъ библіотекъ и бб) принять на себя личную заботу по восполненію школьныхъ библіотекъ потребными книгами; д) Такъ какъ для обезпеченія школьныхъ библіотекъ въ Совѣтѣ средствъ не имѣется, то впросить у Его Высокопреосвященства разрѣшенія войти съ ходатайствомъ въ Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ объ ассигнованіи 10.000 руб. изъ специальныхъ казенныхъ суммъ Св. Синода на означенный предметъ.

12. Докладъ его же о супругахъ священнослужителей, безмядно трудящихся на пользу школьнаго дѣла, и о нѣкоторыхъ наиболее ревностныхъ со. завѣдующихъ, со. законоучителяхъ и учителяхъ, о поощрительныхъ школь, выдающихся своими пожертвованіями на устройство школьныхъ зданій—съ ходатайствомъ о поощреніи и награжденіи оныхъ за ихъ труды на процвѣтаніе и развитіе школьнаго дѣла,—епархіальнымъ училищнымъ Совѣтомъ были утверждены съ ходатайствомъ предъ Его Высокопреосвященствомъ объ ихъ награжденіи и поощреніи.

13. Докладная записка епархіальнаго наблюдателя о произведеніяхъ въ присутствіи его экзаменаціонныхъ испытаніяхъ въ церковныхъ школахъ Богодуховскаго, Вязковскаго, Зміевскаго и Харьковского уѣздовъ и заведеніе о томъ, насколько замѣтно вліяніе второклассныхъ курсовъ на улучшеніе учебнаго дѣла въ школахъ, учителя коихъ были командированы для слушанія педагогическихъ курсовъ въ г. Харьковѣ, Совѣтомъ приняты къ свѣдѣнію.

14. Предложеніи тогоже наблюдателя объ открытіи церковныхъ школь: а) въ сл. Аннино Лебедияскаго уѣзда, б) въ г. Золочевѣ Харьковскаго уѣзда в) въ Дементѣевскихъ хуторахъ Харьковскаго уѣзда, съ указаніемъ номѣщеній, завѣдующихъ и учителей означенныхъ школь,—Епархіальнымъ Училищнымъ Совѣтомъ утверждены и соотвѣтствующія распоряженія по нимъ сдѣланы.

15. Заявленіе его же о томъ, не найдетъ ли Совѣтъ благовременнымъ, вслѣдствіе широкаго развитія школьнаго строительства въ епархіи, пригласить особаго архитектора, который отъ имени Совѣта вѣдалъ бы школьныя и церковно-школьныя постройки. Означенное предложеніе Совѣтомъ принято, причемъ съ своей стороны Совѣтъ предполагалъ обратиться съ предложеніемъ къ одному изъ архитекторовъ, на какихъ условіяхъ онъ изъявитъ согласіе принять на себя труды по составленію плановъ и смѣтъ на постройку зданій для церковныхъ школь епархіи и по содержанию ожидаемаго отъѣзда войти въ сужденіе, каковое и представить на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

16. Доклады епархіальнаго наблюдателя о назначеніи субсидій изъ имѣющихся въ распоряженіи Совѣта казенныхъ средствъ на устройство зданій для нѣкоторыхъ церковно-приходскихъ школь и школь грамоты Харьковской епархіи. Согласно симъ ходатайствамъ Совѣтъ опредѣлилъ изъ указаннаго источника назначить испрашиваемыя субсидія на сооруженіе зданій для церковныхъ школь: а) въ хуторѣ Веселомъ Ахтырскаго у., б) въ деревнѣ Луговкѣ Богодуховскаго у., в) въ г. Чугуевѣ при Скорбященской церкви, д) въ с. Кривой Луцѣ Инюмскаго у., е) въ с. Волобуевкѣ того же уѣзда, ж) въ хуторѣ Верхне-Цокровскомъ Купянскаго у., з) въ с. Ново-Павловкѣ Старобѣльскаго у., и) въ сл. Дементѣевкѣ Харьковскаго у., к) въ сл. Хруцовой Никитовкѣ Богодуховскаго у.

17. Его же докладная записка объ подробномъ разьясненіи обстоятельствъ дѣла о томъ, что Зміевское Земское Собраніе постановило отказать въ пособіи церковнымъ школамъ въ размѣрѣ 1400 руб., со внесеніемъ сего расхода въ смѣту на нужды народныхъ училищъ, находящихся въ вѣдѣніи земства,—Совѣтъ опредѣлилъ принять въ свѣдѣнію.

18. Докладъ его же о состояніи церковныхъ школь Старобѣльскаго уѣзда съ присоединеніемъ ходатайства предъ Совѣтомъ о необходимости въ предстоящемъ году оказать школамъ Старобѣльскаго уѣзда, преимущественно предъ прочими уѣздами, денежную

субсидію на сооруженіе школьныхъ зданій—опредѣлили принять къ свѣдѣнію.

19. Докладъ епархіального наблюдателя о томъ, что въ нѣкоторыхъ школахъ Старобѣльскаго уѣзда оо. завѣдующіе медлятъ открытіемъ учебныхъ занятій въ началѣ учебнаго года, а учителя—діаконы школъ ради исполненія приходскихъ требъ въ учебные часы отвлекаются отъ школьныхъ занятій съ дѣтьми. Совѣтъ опредѣлилъ: а) подтвердить чрезъ уѣздныя отдѣленія оо. завѣдующимъ школами, чтобы открытіе учебныхъ занятій во ввѣренныхъ имъ школахъ было не позднѣе 2 октября и закрытіе оныхъ не ранѣе 1 мая, б) на уѣздныя отдѣленія и уѣздныхъ наблюдателей возложить обязанность имѣть постоянный надзоръ за тѣмъ, чтобы учителя—штатные діаконы и, по возможности, другіе члены церковнаго клира, состоящіе на учительской службѣ, безъ крайней надобности не были отвлекаемы въ учебные часы отъ исполненія своихъ обязанностей по школамъ, для участія въ отиравленіи приходскихъ требъ, и в) чтобы въ случаѣ освобожденія учительскихъ должностей въ учебное время, за переходомъ на службу въ другія мѣста или по инымъ обстоятельствамъ, приходскіе священники принимали на себя исполненіе учительскихъ обязанностей, впредь до замѣщенія свободныхъ вакансій правоспособными лицами.

20. Докладъ того же наблюдателя о необходимости учрежденія при уѣздныхъ отдѣленіяхъ школьной комиссіи для рѣшенія нетерпящихъ отлагательства дѣлъ. Въ виду того, что уѣздныя отдѣленія очередныхъ засѣданій не устраиваютъ, открывая эти засѣданія по назначенію оо. председателей по мѣрѣ накопленія текущихъ бумагъ и вслѣдствіе этого медлятъ рѣшеніемъ неотложныхъ дѣлъ, Совѣтъ опредѣлилъ просить у Его Высокопреосвященства разрѣшенія на учрежденіе школьныхъ комиссій при уѣздныхъ отдѣленіяхъ. Совѣтъ для рѣшенія нетерпящихъ отлагательства дѣлъ и, въ случаѣ соизволенія на сіе Высокопреосвященнѣйшаго Владыки, предложить уѣзднымъ отдѣленіямъ представить Совѣту на утвержденіе личный составъ комиссій.

21. По докладу того же наблюдателя о послѣдствіяхъ ревизій нѣкоторыхъ уѣздныхъ отдѣленій, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣлопроизводство находится не въ надлежащемъ порядкѣ и что канцелярскіе архивы не вездѣ сохраняются въ должномъ видѣ,—Совѣтъ опредѣлилъ поручить оному наблюдателю свѣдѣть надлежаще распоряженіе касательно правильною веденія дѣлопро-

изводства уѣздныхъ отдѣленій и касательно храненія поступающихъ въ оныя бумагы.

22. Докладъ его же о томъ, что приходо-расходныя книги нѣкоторыхъ уѣздныхъ отдѣленій и кассовыя операціи съ мѣстными денежными средствами не представляютъ единообразія и порядка и что для урегулированія этой стороны дѣятельности отдѣленій движеніе мѣстныхъ средствъ онаго и завѣдываніе ими необходимо оформить определенными правилами. По сему докладу еперхіальный уч. Совѣтъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы предложенный епархіальнымъ наблюдателемъ проектъ о кассовыхъ операціяхъ въ уѣздныхъ отдѣленіяхъ представить на Архiepастырское благоусмотрѣніе и, по утвержденіи онаго, разослать въ уѣздныя отдѣленія къ руководству.

23. Выѣстъ съ тѣмъ относительно уѣздныхъ отдѣленій къ свѣдѣнію Совѣта было докладываемо о нуждахъ ихъ, объ отношеніи членовъ отдѣленій къ посѣщенію собраній, о нѣкоторыхъ наиболѣе удобныхъ для школьнаго дѣла измѣненіяхъ въ дѣлахъ отдѣленій, о наличномъ составѣ ихъ и другихъ частныхъ сторонахъ дѣятельности отдѣленій.

Вообще же справедливость требуетъ сказать относительно уѣздныхъ отдѣленій, что ихъ дѣятельность съ каждымъ годомъ расширяется и становится болѣе и болѣе плодотворною. Опираясь въ своей дѣятельности на Высочайше утвержденныя правила объ Уѣздныхъ Отдѣленіяхъ отъ 26 февраля 1896 года и распоряженіе Совѣта, они, какъ ближайшіе органы церковно-школьнаго управленія, непосредственно вѣдающіе подвѣдомственные имъ церковныя школы, всегда были отзывчивы на тѣ или другія нужды школьнаго дѣла. Въ отчетномъ году, особенное вниманіе уѣздныхъ отдѣленій было обращено на сооруженіе новыхъ школьныхъ зданій, числомъ около 50. Распределеніе и выдача денежныхъ суммъ между школами и учителями бѣднѣйшихъ школъ также составляло предметъ непрерывныхъ заботъ отдѣленій въ теченіи всего отчетнаго года. Изысканіе матеріальныхъ средствъ для содержанія церковно-приходскихъ школъ, присканіе, назначеніе и увольненіе учителей, снабженіе школъ учебными пособиями и книгами для явѣласснаго чтенія, составленіе экзаменаціонныхъ комиссій, производство экзаменовъ и проверка экзаменаціонныхъ протоколовъ, ходатайство объ утвержденіи членовъ отдѣленій, попечителей школъ и объ увольненіи ихъ, ходатайство предъ Совѣтомъ о поощреніи денежными школами

чтеными наградами лицъ наиболѣе ревностно относящихся къ школьному дѣлу, постоянное и всѣмѣнное сношеніе по дѣламъ школъ съ отдѣльными лицами и учрежденіями, исполнительная дѣятельность по дѣламъ Совѣта, обсужденіе мѣръ къ поддержанію и развитію народнаго образованія въ духѣ Православной Церкви, — всѣ эти и многія другія стороны школьнаго дѣла составляли предметъ обсужденій и дѣятельности уѣздныхъ отдѣленій въ отчетномъ году. По всѣмъ означеннымъ вопросамъ уѣздныя отдѣленія въ своихъ засѣданіяхъ заслушивали прошенія, заявленія, предложенія и доклады уѣздныхъ наблюдателей, оо. завѣдующихъ, законоучителей или учителей, отдѣльных лицъ и учрежденій и составляли журналы, кои были препровождаемы на утвержденіе въ епархіальный училищный Совѣтъ.

Но дѣятельность членовъ отдѣленій не ограничивается ихъ участіемъ въ засѣданіяхъ и изложеннымъ въ журналахъ предметами ихъ занятій. Многіе члены отдѣленія и въ обыкновенныхъ своихъ засѣданіяхъ продолжали принимать дѣятельное участіе въ школьномъ дѣлѣ: они осматривали церковно-приходскія школы и школы грамоты, знакомились на мѣстѣ съ ходомъ школьныхъ построекъ или же исполняли порученія отдѣленія и Совѣта, касающіяся церковно-школьнаго дѣла. Вслѣдствіе этого въ засѣданіяхъ они являлись живыми свидѣтелями состоянія церковно-школьнаго дѣла и въ значительной мѣрѣ способствовали уясненію дѣйствительнаго положенія церковныхъ школъ. Сверхъ того нѣкоторые изъ нихъ въ качествѣ завѣдующихъ школами, жертвователей и благотворителей или же уполномоченныхъ лицъ съ ходатайствомъ предъ земскими, сельскими и волостными обществами оказали большое матеріальное содѣйствіе процвѣтанію церковныхъ школъ, о чемъ изложено будетъ ниже.

(Продолженіе будетъ).

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіальнаго Женскаго Училища.

Совѣтъ Училища извѣщаетъ духовенство Харьковской епархіи, что пріемные экзамены для поступленія въ приготовительный, первый и въ остальные классы, а также и передержка экзаменовъ во всѣхъ классахъ Училища назначены на 17 и 18 августа н. г.; при чемъ Совѣтъ Училища предупреждаетъ, что всѣ дѣвочки, которыя не явятся въ означенные дни къ экзамену, или переекза-

меновѣ, не будутъ въ послѣдствіи допущены вовсе, а еѣ переекзаменовѣ—безъ представленія достаточно уважительныхъ причинъ неявки своевременно.

Отъ Игуменіи Хорошевскаго монастыря.

Г-жа игуменія Хорошевскаго монастыря извѣщаетъ, что отпускъ дѣтей, учащихъ въ Дѣтскомъ Приютѣ, на предстоящія каникулы, послѣдуетъ 22 мая сего 1899 года.

Епархіальныя извѣщенія.

Священникъ Преображенской церкви, слоб. Великаго Бурлука, Волчанскаго уѣзда, Петръ *Лукашевъ*, награжденъ скуфьюю.

Священникъ с. Перекopa, Валковскаго уѣзда, Павелъ *Феневъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто при Митрофаніевской церкви с. Валвенкина, Изюмскаго уѣзда.

Священникъ Вознесенской церкви, с. Пилифоровки, Изюмскаго уѣзда, Георгій *Воробьевъ*, волею Божіею, умеръ; а на его мѣсто опредѣленъ священникъ Верхо-Харьковскаго Николаевскаго женскаго монастыря Гавріиль *Якубовичъ*.

— Безмѣстный діаконъ Константинъ *Федоровъ* опредѣленъ на псаломщическое мѣсто при Покровской церкви, с. Рѣдодуба, Изюмскаго уѣзда.

— Заштатный діаконъ-псаломщикъ Иварско-Вогородичной церкви, села Бѣжовки, Лебединскаго уѣзда, Іустинъ *Григоровичъ*, 31 марта н. г., волею Божіею, умеръ.

— Псаломщикъ с. Вальковкичъ, Лесокъ, Купянокаго уѣзда, Иванъ *Жуковъ*, перевѣщенъ на псаломщическое мѣсто въ Крестовоздвиженской церкви г. Изюма, на мѣсто н. д. псаломщика Василия *Иванничаго*, отпущеннаго отъ мѣста.

— Псаломщикъ Соборной Успенской церкви, города Богодухова, Иванъ *Соболевъ*, перевѣщенъ на псаломщическое мѣсто при церкви слободы Александровки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковнаго старосты: Покровской церкви сд. Нижней, Сыроватки, Сумскаго уѣзда, отставной унтеръ-офицеръ Иванъ *Лабодюкъ*; Казанской церкви сд. Чупаховки, Лебединскаго уѣзда, крест. Александръ *Матюшенко*; Пятницкой церкви с. Волнаго, Истороня, Лебединскаго уѣзда, дворянинъ Георгій *Кондратьевъ*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Положеніе церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги. — Дѣятельность епархіальныхъ братствъ. — Устройство миссіонерскихъ кружковъ. — Единовѣрческія церкви. — Иконописныя школы.

Минувшій пятый отчетный годъ существованія фонда имени Императора Александра III, образованнаго по мысли нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича, начался при весьма благоприятныхъ условіяхъ, — въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1898 года на церковно-строительное дѣло въ Сибири поступило нѣсколько крупныхъ суммъ. Тѣмъ не менѣе въ 138 заложенныхъ храмовъ окончено постройкою только 59. Остается достроить 79 церквей и при многихъ въ нихъ устроить помещеніе для причта, безъ чего не можетъ быть назначенъ въ церковь священникъ, и начато совершеніе богослуженія.

Какъ ни велика пужда въ Сибири къ умноженію числа храмовъ, тѣмъ не менѣе въ настоящее время всѣ усилія должны быть направлены на довершеніе уже пачатыхъ церквей, которыя, если будутъ стоять недостроенными, рискуютъ поддаться разрушительному дѣйствию сибирскихъ буръ и непогодъ.

Многіе изъ помянутыхъ 79 храмовъ очень недалеко отъ окончанія и, въ случаѣ поступленія новыхъ пожертвованій, могли бы быть освящены въ теченіе настоящаго же 1899 года. Изъ такихъ церквей прежде всего слѣдуетъ указать на три лучшіе по архитектурѣ храма, строящіяся на средства фонда при станціяхъ: Петроавловскъ, Омскъ и Обь (въ поселкѣ Ново-Николаевскомъ). Въ этихъ многолюднѣйшихъ пунктахъ Великаго Сибирскаго пути церкви пришлось строить значительно увеличенныхъ размѣровъ, вслѣдствіе чего необходимо для ихъ окончанія доассигновать еще около 64,000 руб.

Кромѣ упомянутыхъ трехъ храмовъ, окончить которые тѣмъ болѣе желательно, что одинъ изъ нихъ (въ поселкѣ Ново-Николаевскомъ) строится въ особливую память въ Возвѣ почившаго Царя-Миротворца, а другой — (при станціи Петроавловскъ) посвященъ Св. Маріи Магдалинѣ, имя которой носитъ Е. И. В. Государыня Императрица Марія Феодоровна, особенно нуждаются въ средствахъ на достройку и другія, болѣе скромныя Сибирскія церкви.

По 1 января сего года на постройку церквей въ Сибири собрано свыше 765,000 руб. Нынѣ вся эта сумма израсходована пол-

ностью, и дальнѣйшій ходъ дѣла всецѣло зависитъ отъ поступленія новыхъ пожертвованій. Чтобы была возможность продолжить и окончатъ постройку начатыхъ на средства фонда имени Императора Александра III церквей, необходимо собрать сумму въ размѣръ 223.071 руб. Другихъ средствъ на церковное строительство въ переселенческихъ поселкахъ въ Сибири—нѣтъ. Переселенцы—новоселы слишкомъ бѣдны, чтобы созидать храмы на собственные средства. Самое большее, что могутъ дать они,—это свой личный трудъ, и такимъ трудомъ они всегда и вездѣ помогаютъ. Изъ Государственнаго Казначейства въ текущемъ году на церковное строительство въ Сибири отпущена крайне незначительная сумма въ 25.000 руб., являющаяся однако, по состоянію фонда вспомогательныхъ предпріятіи, связанныхъ съ постройкою Сибирской желѣзной дороги, предѣльною суммою возможнаго ассигнованія изъ означеннаго источника.

До сего времени дѣло церковнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги пользовалось полнымъ сочувствіемъ со стороны общества. Кто могъ, жертвовалъ деньгами, другіе присылали иконы, утварь, предметы церковнаго обихода; наконецъ, на мѣстѣ, въ Сибири, всякій, кто имѣлъ возможность, помогалъ своимъ личнымъ трудомъ. Благодаря такому сочувственному отношенію со всѣхъ сторонъ, дѣло пока шло вполне успѣшно.

Съ своей стороны Подготовительная при Комитетѣ Сибирской желѣзной дороги Комиссія, на которую Высочайше возложено заведываніе и распоряженіе суммами фонда имени Императора Александра III, прилагаетъ всѣ старанія въ тому, чтобы и на будущее время успѣхъ церковно-строительнаго дѣла въ районѣ Сибирской желѣзвой дороги не ослабѣвалъ. Помимо важности самаго дѣла, къ такому отношенію еще особенно обявываетъ то вниманіе и живой интересъ, съ которыми относится къ духовному просвѣщенію нашей окраины Государь Императоръ. Его Величество, пожаловавшій для Сибирскихъ церквей и серебро на утварь, и матеріи для облаченій, и, кромѣ того, по всеподданнѣйшему докладу бывшаго Военнаго Министра Генералъ-Адъютанта Ванновскаго, повелѣвшій отпустить изъ артиллерійскихъ складовъ 16,400 пудовъ мѣди-латуни, изъ которой былъ отлитъ 61-звонъ колоколовъ, и въ минувшемъ году Высочайше соизволивъ пожертвовать для Сибирскихъ школъ 475 экземпляровъ описанія Путешествія Его Величества на востокъ въ 1890—91 г.г., издавнаго Княземъ Ухтом-

скимъ. Кромѣ того, Августѣйшее вниманіе Государя Императора къ нуждамъ церковнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги выражалось и въ Высочайшихъ отмѣткахъ по означенному вопросу. Такъ, напримѣръ, на всеподданнѣйшемъ рапортѣ о состояніи Томской губерніи за 1895 г., противъ упоминанія о недостаткѣ въ церквахъ и школахъ для переселенческихъ селеній Его Императорскому Величеству благоугодно было собственноручно начертать: „Вопросъ о постройкѣ церквей въ Сибири, въ особенности въ новыхъ поселкахъ, очень близокъ моему сердцу“.

Засямъ на всеподданнѣйшемъ докладѣ о поступившихъ въ январѣ и февралѣ 1897 г. крупныхъ пожертвованіяхъ въ фондъ имени Императора Александра III и приступѣ къ сооруженію новыхъ 20 храмовъ Государю Императору благоугодно было собственноручно начертать: „Искренно радуюсь столь обильнымъ пожертвованіямъ на святое дѣло сооруженія церквей и при нихъ школъ въ районѣ Сибирской желѣзной дороги. Надѣюсь на скорое совершеніе предпринятыхъ построекъ“.

Въ минувшемъ году на всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи Акмолинской области за 1896 г. противъ объясненія о томъ, что въ переселенческихъ поселкахъ Акмолинской области строится 41 церковь и 18 школъ, послѣдовала Высочайшая Его Императорскаго Величества отмѣтка: „Желаю, чтобы при каждой церкви была школа. Обращаю на это вниманіе Статсъ-Секретаря Куломзина“. Къ сожалѣнію, въ этомъ году недостатокъ средствъ не позволилъ заложить ни одной новой школы: едва хватало средствъ на достройку начатыхъ; такъ какъ почти всѣ поступившія пожертвованія приходилось пересылать на продолженіе постройки церквей.

Между тѣмъ это дѣло настолько важно, что нельзя къ нему относиться безучастно, нельзя забывать, что и церковь и школа въ Сибири—это два столба вѣры и просвѣщенія, которые привязаны въ то же время связью между этой окраиной и Европейской Россіей; съ проведеніемъ желѣзной дороги—Сибирь пробуждается для новой культурной дѣятельной жизни; и тѣмъ болѣе важно теперь, чтобы въ этой богатой странѣ, имѣющей въпереди такую великую и блестящую будущность, твердо стояло Православіе, и всюду господствовала русская рѣчь. Безъ школы, безъ церкви этого достигнуть трудно. Внося съ собою свѣтъ истины и ученія, сибирскія церкви служатъ въ то же время часто памятниками различныхъ событій, знаменательныхъ для Царскаго нашего

Рода. Кромѣ того, при выборѣ святыхъ, которымъ посвящаются церкви въ районѣ Сибирской желѣзной дороги (если только жертвователи сами не назначаютъ, кому долженъ быть посвященъ храмъ), всегда руководствуются правиломъ, прецеданнымъ покойнымъ митрополитомъ Палладіемъ, чтобы церкви сооружалась или въ честь святого, имя котораго носить одинъ изъ членовъ Императорской Фамиліи, или въ честь святыхъ, извѣстныхъ каждому православному своею просвѣтительскою дѣятельностью среди язычниковъ, каковы, напримѣръ, Преп. Зосима и Савватій, Св. Стефанъ Пермскій, а также другихъ чисто-русскихъ святыхъ, каковы святители московскіе Филиппъ, Алексій, Петръ, Іона и др.

Всего выстроено и строится еще при станціяхъ желѣзной дороги 24 церкви, въ Тобольской губ.—28, въ Томской губ.—24, въ Актмолинской обл.—39, въ Забайкальской обл.—4, въ Енисейской губ.—5, въ Приморской обл.—13, и въ Амурской обл.—1.

Для сохраненія этихъ церквей отъ бѣдствій пожаровъ, по совѣту покойнаго Московскаго митрополита Сергія, сдѣлано распоряженіе о томъ, чтобы вокругъ каждой церкви былъ насаженъ рядъ деревь, которыя послужатъ для церкви живою зеленою загородью и, украшая храмъ, оградятъ его отъ огня въ случаѣ пожара по сосѣдству. Кромѣ того, въ виду невозможности страховать церкви на счетъ фонда имени Императора Александра III, циркулярно предложено рекомендовать переселенцамъ—самимъ страховать всѣ церковныя зданія на свой счетъ. Переселенцы настолько дорожатъ своею церковью, что охотно принимаютъ вслѣдъ это указаніе, и такимъ образомъ, можно разсчитывать, что огонь не будетъ оказывать своего губительнаго дѣйствія на сибирскія церкви.

Къ сожалѣнію, при этомъ приходится указать на одно несчастіе, которое уже постигло населеніе поселка Сперанскаго, въ Тобольской губерніи. Въ поселкѣ этомъ церковь была окончательне готова, и уже шли переговоры о застрахованіи ея, которое было рѣшено по приговору общества съ принятіемъ на его счетъ страховыхъ расходовъ. Но въ то время, какъ шло разрѣшеніе этого вопроса, вслѣдствіе несчастной случайности, въ церкви произошло въ ночь на 28-е декабря 1898 года пожаръ, и, къ великому отчаянію переселенцевъ, церковь сгорѣла дотла, не будучи еще застрахованной. Населеніе поселка, съ такою радостью взиравшее на окончаніе давно желаннаго храма, теперь въ большомъ уни-

ніи, такъ какъ средствъ на возобновленіе церкви у нихъ нѣтъ, а въ фондѣ имени Императора Александра III, какъ уже сказано, всѣ деньги израсходованы, и въ наличности не осталось почти ничего.

Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ одна надежда на прежнихъ благотворителей фонда имени Императора Александра III и на всѣхъ ревнителей и поборниковъ вѣры, свѣта, добра, и истины. Да помогутъ они своими посильными жертвами святому дѣлу, подъятому во славу Божию, на благо скудныхъ средствами и просвѣщеніемъ меньшихъ братьевъ нашихъ,—переселенцевъ далекой Сибири.

Пожертвованія на дѣло церковнаго и школьнаго строительства въ Сибири принимаются въ Канцеляріи Комитета Министровъ (С.-Петербургъ, Маріинскій дворецъ) и, согласно сдѣланному Министромъ Финансовъ распоряженію, во всѣхъ казначействахъ губернскихъ и уѣзныхъ—на депозитъ названной Канцеляріи. Для сбора пожертвованій выставлены кружки во всѣхъ конторахъ и отдѣленіяхъ Государственнаго Банка.

— Отрадное впечатлѣніе производитъ дѣятельность курскаго епархіальнаго братства преподобнаго Теодосія Печерскаго. 1897—98 годъ—былъ седьмымъ годомъ его дѣятельности. Братство сосредоточивается при Курской духовной семинаріи, подъ предѣлательствомъ ректора и проявляетъ свою дѣятельность въ двойномъ направленіи: церковно-просвѣтительномъ и благотворительномъ. Всѣхъ пунктовъ въ епархіи, въ которыхъ велись отъ имени братства религіозно-нравственныя чтенія, было 187, причемъ на отчетный годъ падаетъ 19 новыхъ. Въ чтеніяхъ, которыя были ведены не только въ церквахъ, но и въ помѣщеніяхъ церковно-приходскихъ школъ, на ряду съ священнослужителями участвовали и лица другихъ состояній—интеллигентнаго круга. Охотное посвѣщеніе этихъ чтеній народомъ, глубокой интересъ и вниманіе, постоянно имъ проявляемое, изъявленіе простой, искренней благодарности, а нерѣдко и сожалѣнія, если чтеніе почему либо не могло состояться,—являлись достаточнымъ нравственнымъ удовлетвореніемъ для членовъ-дѣятелей братства, а лучшимъ показателемъ той пользы, которую приносили эти чтенія, даетъ самая картина жизни въ этихъ мѣстностяхъ, замѣтно перемѣнившаяся къ лучшему. Кроме того, они развили въ народѣ любовь и желаніе къ самостоятельному домашнему чтенію книгъ и спросъ на послѣднія изъ

церковно-приходскихъ школьныхъ библиотекъ настолько увеличилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, что для удовлетворенія всѣхъ просьбъ не хватало наличнаго запаса. Братство имѣетъ центральный книжный складъ при семинаріи для разсылки книгъ по удешевленной цѣнѣ и бесплатно, — и двѣ библиотеки — при Оеменовскомъ городскомъ училищѣ въ Курскѣ и противораскольническую въ г. Рыльскѣ. При братствѣ учреждено и епархіальное церковное древнехранилище для помѣщенія книгъ и другихъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ церковно-исторической жизни и цѣнныхъ въ церковно-археологическомъ отношеніи. Благотворительная дѣятельность братства выражается въ пособіяхъ недостаточнымъ воспитанникамъ семинаріи и на содержаніе церковно-приходскихъ школъ.

«С.-Пет. Дух. Вѣстн.»

— Епархіальный противораскольнический миссіонеръ Орловской епархіи, священникъ Л. И. Адамовъ предлагаетъ въ «Орх. Еп. Вѣд.» проесть: „о строѣ и порядкѣ существованія приходскихъ миссіонерскихъ кружковъ“. Исходя изъ той точки зрѣнія, что во многихъ случаяхъ раскольники уклоняются отъ участія въ собесѣдованіяхъ съ миссіонерами, а послѣдователи болѣе вредныхъ сектъ часто избѣгаютъ даже и частныхъ бесѣдъ, онъ выясняетъ всю затруднительность положенія пастыря, ревнующаго о своихъ пасомыхъ, такъ какъ онъ лишенъ возможности имѣть непосредственное впечатлѣніе о дѣятельности не только мѣстныхъ главарей, но и путешествующихъ пропандистовъ. Ему необходимо имѣть людей, которые бы могли быть посредниками между нимъ и раскольниками или сектантами, и къ которымъ эти послѣдніе относились бы болѣе довѣрчиво и откровенно. Конечно, это должны быть люди вполне нравственной жизни, проникнутые духомъ ревности о вразумленіи заблудшихъ, преданные и уважающіе своего пастыря, стоящіе въ умственномъ отношеніи по возможности выше этой среды и въ особенности они должны превосходить ее познаніями въ христіанскомъ вѣроученіи. Чтобы идти къ намѣченной цѣли вѣрнѣе и достигнуть большихъ результатовъ, эти ревнители должны дѣйствовать не въ одиночку, а совместно и единодушно, и съ этою цѣлью приходскій священникъ долженъ организовать изъ нихъ кружки — братства ревнителей православія, которые, являя въ своей жизни примѣръ истинно преданныхъ и благочестивыхъ чадъ церкви, представляли бы противовѣсъ раскольничьей средѣ, дѣйствующей всегда противъ православія сплоченною си-

лою. Ихъ дѣятельность должна выражаться въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ заблуждающимися, въ возможномъ вліяніи на ихъ жизнь посредствомъ личныхъ бесѣдъ, распространенія религиозно-правственныхъ брошюръ, въ правственной и матеріальной помощи нуждающимся. Своему приходскому пастырю они должны сообщать подробный отчетъ всѣхъ своихъ наблюденій и дѣятельности.—Сердечно задуманный, проектъ этотъ оставляетъ пріятное впечатлѣніе. И нельзя не пожелать, чтобы эти мысли ревностнаго пастыря-миссіонера паши себѣ благодатную почву и принесли плодъ обильный.

— Въ «Кур. Еп. Вѣд.» сообщается объ освященіи единовѣрческой церкви въ с. Русскомъ Порѣчномъ, Суджанскаго уѣзда. Церковь передѣлана изъ прежней раскольничьей молебни. Торжество собрало въ храмъ большое количество молящихся, такъ что за литургіей въ самомъ храмѣ едва могла помѣститься третья часть народа. Было не мало и раскольниковъ, которые съ большимъ вниманіемъ слѣдили за точнымъ выполненіемъ устава и за самымъ ходомъ церковной службы. Послѣ освященія и совершенія вокругъ храма крестнаго хода, епархіальный миссіонеръ священникъ Іоаннъ Рябухинъ сказалъ рѣчь о значеніи православныхъ храмовъ и объ отношеніи къ нимъ вѣрующахъ. Особенно трогательно изложено было въ рѣчи о миссіонера превосходство православныхъ храмовъ надъ раскольничьими молебнями и назиданіе въ воссоединеннымъ съ церковію на правахъ единовѣрія, бывшимъ нѣкогда раскольникамъ. Когда окончилась литургія, онъ еще разъ привѣтствовалъ собравшихся съ великою духовною радостію и приглашалъ слушателей явиться вечеромъ въ храмъ на публичную бесѣду. Народа собралось свыше 500 человекъ. О. Іоаннъ посвятилъ свою бесѣду вопросу о необходимости пребыванія каждаго истинно вѣрующаго христіанина въ единой истинной вселенской Христовой церкви и пригласилъ старообрядцевъ вступить съ нимъ въ собесѣдованіе. Возраженій не послѣдовало, и только въ концѣ, послѣ новаго приглашенія, изъ толпы выдѣлилось нѣсколько единовѣрцевъ, которые высказали о миссіонеру свое недовольство тѣмъ, что присутствовавшіе въ храмѣ православные не всѣ держали себя вполнѣ внимательно и благоговѣнно, но многіе изъ нихъ стояли небрежно и разсѣянно. Это заявленіе придадо бодрости и раскольникамъ, и они рѣшились вступить въ собесѣдованіе съ миссіонеромъ. Начетчики ихъ подошли къ столу и потребовали разъясненій по слѣдующимъ

вопросамъ: „православные и единовѣрцы одну ли церковь составляютъ, троенерстіе и двоенерстіе одинаково ли православны, и прочіе обряды и чины грекороссійской церкви святы ли и должны ли ихъ почитать единовѣрцы, наравнѣ съ книгами старопечатными и книгами старообрядческими?“ Конечно, всѣ эти вопросы были поставлены раскольниками съ цѣлю смутить единовѣрцевъ. О. миссіонеру много предстояло труда ихъ успокоить и объяснить раскольникамъ, что православіе и единевѣріе составляютъ единую церковь. На слѣдующій день была новая бесѣда. Одинъ изъ возражателей Михаилъ Ивановичъ Чертковъ болѣе трехъ часовъ сряду въ спокойномъ духѣ представлялъ свои сомнѣнія объ обрядахъ и обычаяхъ православной церкви и о томъ, не падаютъ ли на единовѣрцевъ клятвы собора 1667 года. Всѣ его сомнѣнія и вопросы были рѣшены и эти рѣшенія имѣли слишкомъ убѣдительный характеръ, чтобы не идти вслѣдъ за ними. И вотъ Михаилъ Ивановичъ подошелъ къ амвону, положилъ семяпоклонный началъ и затѣмъ, поклонившись миссіонеру до земли, обратился къ нему съ такими словами: „бабушка, простите меня и благословите. Я на вашихъ бесѣдахъ, повялъ, что мы, старообрядцы, не правы и не имѣемъ законнаго священства; убѣдился и въ томъ, что Россійская церковь есть истинная и священство въ ней законное. Болѣе я не желаю оставаться старообрядцемъ и прошу присоединить меня сейчасъ же къ единовѣрцію. Желаніе его было исполнено. Вмѣстѣ съ нимъ присоединились къ единовѣрцію еще два раскольника, одинъ изъ нихъ 90-лѣтній старикъ. О. миссіонеръ распорядился затѣмъ паникадило и всѣ свѣчи, предъ иконами и со всею торжественностью совершилъ надъ ними чинъ присоединенія, который произвелъ глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ и успокоилъ начинавшихъ колебаться единовѣрцевъ. Въ слѣдующіе дни онъ продолжалъ свои бесѣды здѣсь и въ близъ лежащихъ селеніяхъ и всюду они производили на слушателей самое благотворное вліяніе. Православные видимо торжествовали на этихъ бесѣдахъ, слушая основанную на словѣ Божіемъ и на ученіи св. отцевъ защиту православія и видя ясную несомнительность раскольничьихъ суетныхъ толковъ. Что же касается раскольниковъ—ихъ тревоги достигли высшей степени, такъ что они послали телеграммы въ различные концы раскольниковьяго міра съ приглашеніемъ опытныхъ начедающихъ для собесѣдованія съ о. Іоанномъ.

— Въ сообщеніяхъ и разсужденіяхъ періодической печати упо-

вопросу о снабженіи церквей церковными принадлежностями чаще и чаще встрѣчается нынѣ мысль о томъ, что надлежитъ обращать больше вниманія, въ частности, на снабженіе церквей такими иконами и вообще священными изображеніями, которыя были бы написаны должнымъ образомъ. Въ этомъ отношеніи нужно признать не лишнимъ значенія возбужденіе вопроса о школахъ иконописи. По словамъ «Цер. Вѣстн.», въ послѣднее время вновь сдѣлалъ это одинъ изъ священниковъ симбирской епархіи, о. П. А., который опять разъяснилъ въ мѣстномъ епархіальномъ журналѣ необходимость организовать иконописное дѣло при помощи школъ иконописи и даже рѣшился, въ видѣ опыта, въ малыхъ размѣрахъ, осуществить составленный имъ проектъ. „Мы—пишетъ этотъ священникъ—рѣшаемся ходатайствовать предъ епарх. начальствомъ о разрѣшеніи церковно-приходскому попечительству въ селѣ, гдѣ я состою священникомъ, открыть при церкви села школу иконописи съ пріемомъ въ нее на первыхъ порахъ ограниченаго числа мальчиковъ (отъ 6 до 10), преимущественно изъ духовнаго сословія, для обученія правильному иконописанію и умѣлому копированію съ образчиковъ, указанныхъ епарх. начальствомъ, иконъ истоваго писанія. Организуется и содержится такая школа на средства попечительства и частныхъ жертвы. Оказавшіеся изъ учениковъ способными, вполне усвоившими нужное знаніе и овладѣвшими правилами техники, приступаютъ, подъ руководствомъ учителя и наблюденіемъ завѣдующаго школою, къ изготовленію доброкачественныхъ иконъ для распространенія ихъ въ народъ по недорогой цѣнѣ и на особыхъ условіяхъ, а именно: разсмотрѣнныя и одобренныя епарх. начальствомъ иконы должны быть отправляемы въ свѣчной епарх. заводъ, а черезъ оный въ уѣздные склады завода, откуда и могла бы получаться (вмѣстѣ съ свѣчами) церковными старостами для продажи въ приходскихъ церквахъ, по предварительномъ освященіи мѣстнымъ священникомъ. Намъ думается, что подобнаго рода школамъ предстоитъ широкая будущность. Въ виду настоящаго состоянія иконописнаго дѣла продолжаютъ вызывать во многихъ одобреніе опыты введенія обученія живописи и иконописанію въ духовно-учебныя заведенія. Сторонники мнѣнія относительно пользы обученія живописи и иконописи въ духовныхъ школахъ имѣютъ въ виду, что практическое знакомство съ живописью и иконописью даде бы будущимъ священникамъ, дьяконамъ и псаломщикамъ средство не только умѣть оцѣнивать съ художествен-

ной и технической стороны священныя изображенія, приобретаемыя для церквей и для домовъ прихожанъ, но иногда (хотя бы въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ) и изготовлять такія изображенія. Эти иконы и теперь иногда пишутся священниками. Такъ, «Камчат. Еп. Вѣд.» въ сообщеніи объ освященіи церкви-школы въ деревнѣ Большой Сазанкѣ, амурской области, указали на то, что иконы въ этой церкви—работы священника. Однако вообще такіе случаи рѣдки, какъ немногочисленны и примѣры знакомства священниковъ съ научными свѣдѣніями о православной иконографіи. Въ виду вообще недостаточности такихъ свѣдѣній нерѣдко можно нынѣ слышать выраженіе желанія, чтобы на эту сторону дѣла обращалось больше вниманія въ духовныхъ семинаріяхъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

В. В. РОЗАНОВА.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Изданіе П. Перцова. С. П. В. 1899 г. Цѣна 1 рубль.

Библиотека Научнаго Обозрѣнія

РИХАРДЪ АВЕНАРИУСЪ.

Философія, какъ мышленіе о мірѣ сообразно принципу
наименьшей мѣры силъ.

PROLEGOMENA КЪ КРИТИКѢ ЧИСТАГО ОПЫТА.

Пер. И. Федорова. Подъ редакціей издателя филос. М. Филіппова.

Цѣна 50 коп. С. П. В. Изданіе П. П. Сойкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1899 ГОДЪ

на литературный, научный и политическій журналъ

„ЖИЗНЬ“

Выходитъ 3 раза въ мѣсяцъ (1, 11, 21), 36 книгъ въ годъ.

Рисунки и портреты.

Съ 1899 г. журналъ будетъ выходить при обновленномъ составѣ редакціи и сотрудниковъ.

12 книжекъ, выходящихъ 1-го числа каждаго мѣсяца, заключаютъ въ себѣ литературный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: беллетристика, литерат. критика и искусство.

12 книжекъ, выходящихъ 11-го числа, заключаютъ въ себѣ научный отдѣлъ журнала. Въ него входятъ статьи по естествознанію и по общественнымъ наукамъ (соціологія, политическая экономія, право, исторія).

Особое вниманіе будетъ обращено на ознакомленіе читат. съ новѣйш. научными теченіями.

12 книжекъ, выходящихъ 21-го числа, содержатъ въ себѣ политическій отдѣлъ журнала. Въ него входятъ: руководящія статьи по текущимъ вопросамъ русской и заграничной жизни, корреспонденція изъ провинціи и изъ-за границы.

Особое вниманіе будетъ обращено на разработку вопросовъ, касающихся крестьянскаго, городского и земскаго самоуправленія.

Постоянныя корреспонденціи изъ Германіи, Франціи, Англіи, С.-Ам. Соед. Штатовъ, Австріи, Бельгіи и др.

Библиографія распределяется по соответствующимъ отдѣламъ.

Къ каждой изъ 36 книжекъ прилагается обзоръ русской и иностранной жизни за 10 дней. Этимъ будетъ достигнуто соединеніе удобства ежемѣсячнаго и еженедѣльнаго изданія.

Кромѣ того ежемѣсячно будутъ помещаться новости литературы, искусства и науки, а также мелочи русской и заграничной жизни.

Многія статьи (по искусству, исторіи и т. д.) будутъ иллюстрированы снимками съ картинъ и портретами. Помещеніемъ рисунковъ и портретовъ редакція однако отнюдь не думаетъ придать журналу характеръ иллюстрированнаго изданія.

Стремясь избѣгать помѣщенія большихъ литературныхъ произведеній небольшими отрывками редакція рѣшила напечатать переводъ новаго большого романа Гемфри Уорда (автора Марчелія Эра Дж. Трассежи, Дэвида Уриша и др.) Желтебелъ изъ Вашингтона отдельной книжкой и разошлетъ его въ періодъ четверти 1899 года всѣмъ подписчикамъ, внесшимъ полную годовую плату въ видѣ безплатнаго приложенія. Редакция готова исполнять порученія иностранныхъ подписчиковъ по куплѣ и высылкѣ имъ книгъ.

Первыя три (январскія) книжки печатаются и выйдутъ въ декабрѣ. Желающимъ ознакомиться съ журналомъ, онъ высылается за одинъ рубль. Выписавшіе ихъ продолжаютъ подписку за 6 рублей.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой за годъ—7 руб. за 1/2 года—4 руб. Допускается разорочка отъ 1 руб. въ мѣсяцъ.

Главная контора СПб. Бассейная № 14

Отдѣленія конторы въ Москвѣ: вн. мат. „Книжное Дѣло“ (Можайскій домъ Венквдорфа); вн. скл. А. М. Муриновой (Трехирудный пер., собственн. домъ).

Редакторъ-Издатель Д. М. Остафьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

ОЛОНЕЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

на 1899 годъ—(второй годъ изданія).

„Олонецкія Епархіальныя Вѣдомости“ выходятъ въ 2-хъ частяхъ: Официальной и Неофициальной, 2 раза въ мѣсяцъ 1-го и 15-го. Подписная цѣна: На обѣ части вмѣстѣ, съ доставкой и пересылкой во все города Россійской Имперіи, на годъ—5 рублей на полгода—3 рубля. Подписка принимается въ редакціи „Олонецкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“, при Олонецкой духовной семинаріи.

О подпискѣ на общественно-педагогическую и литературную еженедѣльную газету „ЖИЗНЬ И ШКОЛА“ съ приложеніемъ „ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“ (г. XI).

„Жизнь и Школа“ имѣетъ цѣлю: служить органомъ объединенія русскихъ учителей и интересамъ знѣть, относящихся близко къ дѣлу образованія въ Россіи, и издавать, по сдѣлающей программѣ: 1) Правительствоныя законопенія и распоряженія, касающіяся образованія въ Россіи. 2) Научно-популярныя статьи (съ чертёжами и рисунками). 3) Мелкія повѣсти и рассказы (батовныя и историческія), путешествія, очерки и др. проза. произведенія. 4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, учительствѣ, школьной гигиенѣ. Очерки по народному образованію въ Россіи и за Западъ. 5) Русская печать о школьныхъ дѣлѣ; Мнѣнія и сужденія печати по педагогическимъ вопросамъ. 6) Библиотечное дѣло въ Россіи и за границей. Организация общественныхъ и школьныхъ библиотекъ и др. образовательныхъ учреждений для народа. 7) Библиографія, Критика и рецензіи педагогическихъ сочиненій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разборъ учебниковъ и пособій. Обзоръ періодическихъ изданій какъ общихъ, такъ и спеціальныхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п. 8) Корреспонденція. Современное обозрѣніе воспитанія и обученія у насъ и за границей. 9) Политическія извѣстія и новости русской жизни. Обзоръ являющихся событийъ въ Россіи и др. государствахъ. 10) Сѣвѣ. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогическія дѣла. 11) Справочный указатель. Справки и указанія по различнымъ педагогическимъ вопросамъ учебнаго дѣла и школьнаго быта. 12) Что намъ пишутъ. Письма и сообщенія въ редакцію. 13) Книжныя притоки. Сводныя о новыя вышедшихъ книгахъ и указатель статей, появляющихся въ повременныхъ изданіяхъ и заслуживающихъ вниманія какъ учителей, такъ и вообще необразованнаго читателя. 14) Почтовый ящикъ. Статьи редакціи. 15) Объявленія. Подписная цѣна: на первой стр. по 60 к., на послѣдней по 10 к. Подписанки (годомъ) печатаются безплатно. При газетѣ издается, въ видѣ приложенія, особый сборникъ, подъ заглавіемъ „Школьное Обозрѣніе“, въ которомъ помѣщаются статьи, по объему, неудобныя для еженедѣльнаго изданія, а также портреты выдающихся людей и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣятельности, благотворительности, а народнаго образованія. Подписка дѣлается съ доставкой и пересылкой 5 руб., на полгода 3 руб., и за три мѣсяца 2 руб.; для начальнаго школь и учителей 4 руб., за границу 6 руб., за годъ. Оставшіяся въ число пропущенныхъ выпусковъ комплекта газетъ за 1898 и 1899 г. можно получить за 1 руб., 1895 и 1896 по три руб. за годъ. Библиотеки и безплатныя читальни получаютъ особую уступку. Подписчики, приобретающіе за авѣ. Годы пользуются, сверхъ того, уступкой 50%. Вышеупомянутыя „Школьное Обозрѣніе“ и „Жизнь и Школа“ тек. г. по дребованію, выдѣляются наложеннымъ платежомъ на счетъ конторы. Подписка принимается въ главной Конторѣ „Жизнь и Школа“: С.-Петербургъ, Загородный пр., 84.

Редакторъ-Издатель М. Е. Виноградовъ.

Журналъ „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; въ всея текшие годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, замѣтъ „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сознаніи въ нашемъ образованномъ обществѣ“, кромѣ того пастырскія новованія и увѣщанія приобщаемымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разныхъ случаяхъ и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ вѣдо проща и удобнѣе научиться вѣровать?“, Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго. — „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго. — „Религіозно-православное развитіе Императора Александра I-го и идеи священнаго союза“. Профес. В. Надлара. — „Архіепископъ Ванопетій Барковский“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича. — „Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова. — „Многія статьи о Владиміри Геттѣ въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія касельской православной Церкви, съ указаніемъ раяностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“. — „Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Кратическій разборъ проф. М. Остроумова. — „Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова. — „Церковно-религіозное состояніе Запада и православная Церковь“. Свящ. Т. Буткевича. — „Западная средневековая христіанская отношенія ея къ католицизму“. Историческое послѣдованіе А. Вургольскаго. — „Язычество и иудейство до времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа“. Свящ. Т. Буткевича. — Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго. — „Имѣютъ-ли каноническія или общеправославныя основанія притязанія жиды на выраженіе церковными имуществоми?“. В. Ковалевскаго. — „Основныя задачи нашей церковной мысли“. К. Истомина. — „Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова. — „Современная энологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова. — „О славянскомъ дѣлѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова. — „Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго. — „Очеркъ современной умственной жизни“. А. Вѣдлова. — „Очеркъ русской церковной и общественной жизни“. А. Ровдестина. — „О первоначальныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова. — „Вторая книга „Моисей“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Корсаго—Шатенова. — „Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова. — „Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова. — „Филозофъ воскреснаго дня“. Додонга А. Биллева. — „Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова. — „Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича. — „О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина. — „Ученіе Стефана Яворскаго и Феофана Прокоповича о свѣд. Приданія“ М. Савленка. — „О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина. — „Отношенія раскола въ государству“. С. Г. С. — „Ультранмонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1889—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньява. — „Замѣтки о церковной жизни на границѣ“. А. К. — „Оущность христіанской нравственности въ отношеніи ея къ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго. — „Историческій очеркъ ехипотрія“. П. Смирнова. — „Ученіе Канта о Церкви“. А. Кирилловича. — „Православныя-ли интересы, предлагаемыя намъ старокаатоликами“. Прот. Б. К. Смирнова. — „Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Проф. А. Мартинова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Нурковскаго, Н. Диницаго, М. Остроумова, В. Смирнова, П. Соколова и другихъ, а также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Спенсера, Лейбница, Канта, Вара, Жаке и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦИИ

СВЕДЕНИЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адреса лицъ, посылающихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначены, а равно и тѣ условія, на которыхъ лично писателю предоставляется редакцiеи литературная принадлежность можетъ быть ей уступлена.

Обратный отъ редакци рукописей по почте производится лишь по предварительной уплатѣ почтовыхъ издержекъ. Платить для перевода значительнаго изъясненія и соображенія на статьяхъ производится по соглашенію съ редакціею.

Журналъ не получаетъ статей, либо книгъ и журналовъ, препровождаемыхъ редакціею съ означеніемъ наименованія тѣхъ адреса номера и съ предложениемъ доставлять ихъ почтовою конторою въ томъ, что означенныя журналы доставляются по почте поутрачено конторою. Журналъ не получаетъ статей, либо книгъ и журналовъ, посылаемыхъ редакціею по почте, если по почтовымъ издержкамъ съ времени выхода журнала не отплатятъ.

Въ переводѣхъ редакція принимается своевременно, при чемъ требуется обозначить, наименованіемъ въ адресномъ адресѣ, автора.

Письма, статьи, заметки и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ присылать по следующему адресу: г. Харьковъ, въ редакцію „Вѣра и Разумъ“, по редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Время доставки статей ежедневно отъ 4 до 5 часовъ по утрамъ: въ тѣ дни, въ которые редакція не работаетъ по случаю праздниковъ.

Въ редакціи редакція принимаетъ корреспонденцию по адресу: г. Харьковъ, въ редакцію „Вѣра и Разумъ“, по редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Время доставки статей ежедневно отъ 4 до 5 часовъ по утрамъ: въ тѣ дни, въ которые редакція не работаетъ по случаю праздниковъ.

Въ редакціи редакція принимаетъ корреспонденцию по адресу: г. Харьковъ, въ редакцію „Вѣра и Разумъ“, по редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Время доставки статей ежедневно отъ 4 до 5 часовъ по утрамъ: въ тѣ дни, въ которые редакція не работаетъ по случаю праздниковъ.

Въ редакціи редакція принимаетъ корреспонденцию по адресу: г. Харьковъ, въ редакцію „Вѣра и Разумъ“, по редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Время доставки статей ежедневно отъ 4 до 5 часовъ по утрамъ: въ тѣ дни, въ которые редакція не работаетъ по случаю праздниковъ.

Въ редакціи редакція принимаетъ корреспонденцию по адресу: г. Харьковъ, въ редакцію „Вѣра и Разумъ“, по редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Время доставки статей ежедневно отъ 4 до 5 часовъ по утрамъ: въ тѣ дни, въ которые редакція не работаетъ по случаю праздниковъ.

Въ редакціи редакція принимаетъ корреспонденцию по адресу: г. Харьковъ, въ редакцію „Вѣра и Разумъ“, по редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

Время доставки статей ежедневно отъ 4 до 5 часовъ по утрамъ: въ тѣ дни, въ которые редакція не работаетъ по случаю праздниковъ.